

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 2 (19)
2009

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина**

Главный редактор – профессор **С.Ю. Наумов**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

С.Ю. Наумов – председатель (доктор исторических наук, профессор, ректор ПАГС),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
П.Л. Ипатов (губернатор Саратовской области),
В.В. Артяков (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.П. Жуковский, д-р пед. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, канд. юрид. наук; **О.И. Марченко**, канд. экон. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **И.В. Ракевич**, канд. экон. наук;
А.Н. Романцов, д-р экон. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – апрель 2008 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям «Философские науки», «Культурология», «Социологические науки», «Юридические науки», «Политические науки».

© ФГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы им. П.А. Столыпина», 2009

Science journal

Founder:

**Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin**

Editor-in-chief: Professor **S.Yu. Naumov**
Deputy editor-in-chief: Professor **O.N. Fomin**
Executive secretary: **S.G. Sergeev**

Editorial council:

S.Yu. Naumov – Chairman (Doctor of History, Professor, Rector of PAGES),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
P.L. Ipatov (Governor of the Saratov Region),
V.V. Artiakov (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, Doctor of Philosophic Sciences; **V.V. Gerasimova**,
Doctor of Economic Sciences; **V.P. Zhukovsky**, Doctor of Pedagogic Sciences;
L.V. Konstantinova, Doctor of Sociological Sciences; **E.G. Lipatov**, Candidate
of Sciences (Jurisprudence); **O.I. Marchenko**, Candidate of Sciences (Economy);
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology); **I.V. Rackevich**,
Candidate of Sciences (Economy); **A.N. Romantsov**, Doctor of Economic Sciences;
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sociological Sciences; **T.P. Fokina**, Candidate of Sciences (Philosophy);
O.I. Tsibylevskaya, Doctor of Law Sciences; **V.L. Chepliaev**, Candidate of Sciences (Sociology);
T.I. Cherniaeva, Doctor of Sociological Sciences

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

I.N. Osipova
To the Problem of Classification
of Administrative Interactions
in Civil Service

Different administrative interactions in civil service are considered. Features for their classification are proposed.

Key words and word-combinations: administrative interactions, classification features.

Рассмотрены различные управленческие взаимодействия на государственной службе. Предлагаются признаки для их классификации.

Ключевые слова и словосочетания: управленческие взаимодействия, классификационные признаки.

УДК 316.354:35.08
ББК 60.561.1:67.401.02

И.Н. Осипова

**К ПРОБЛЕМЕ
КЛАССИФИКАЦИИ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЕ**

Современное государственное управление пронизано социальными взаимодействиями, выраженными системой взаимоотношений, возникающих на разных ступенях иерархической структуры в связи с осуществлением функций, возложенных на государственные органы и государственных служащих. В последнее время понятие «управленческие взаимодействия» наполняется новым содержанием, приходит осознание его многоуровневости и качественного разнообразия. Повышение эффективности управленческих взаимодействий на государственной службе, как составная часть решения проблемы повышения качества управления, во многом зависит от методологического осмысления схем и формата видовой представленности,

методов и способов осуществления управленческих интеракций государственных служащих.

Современные исследования управленческих взаимодействий испытывают потребность в систематизации видов управленческих взаимодействий на государственной службе на основе их общих признаков, сходств и различий. Вскрывая качественное многообразие форм проявления взаимодействий на государственной службе, классификация имеет двоякое значение для исследователя. С одной стороны, это прием, который вносит в изучение систему и порядок, с другой – предопределяет полноту и правильность выводов изучения [1, с. 5].

Классификация видов управленческих взаимодействий на государственной службе может включать в себя бесконечное множество признаков и классификационных схем. Количество классификационных признаков обусловлено целями и задачами, которые ставит перед собой исследователь. В связи с этим представляется необходимым и возможным обосновать основные классификационные признаки управленческих взаимодействий на государственной службе и уточнить их содержание. Это позволит всесторонне и объективно представить систему управленческих взаимодействий на государственной службе, раскрыть содержательную канву их отличительных признаков, проникнуть в перманентно трансформирующееся понимание потенциала управленческих коммуникаций и перцепций государственных служащих.

Доминирующим при систематизации управленческих взаимодействий на государственной службе является структурно-функциональный подход, раскрывающий управленческие взаимодействия с точки зрения специфики выполняемых функций и направленности «управляющего воздействия»:

- субординационные – упорядочение сверху вниз;
- координационные – упорядочение между двумя равными субъектами управленческой иерархии;
- реординационные – упорядочение снизу вверх.

Структурно-функциональный подход, как инструмент познания управленческих взаимодействий на эмпирическом уровне, сциентистски растворяя многие важные аспекты коммуникаций на государственной службе, затрудняет целостное восприятие их качественного многообразия. Он, как правило, раскрывает такие виды управленческих взаимодействий, которые носят формальный характер и регламентируются нормативными правовыми актами. Для проведения социологического исследования управленческих взаимодействий возможности структурно-функционального подхода явно недостаточны, учитывая, что коммуникационные схемы на государственной службе детерминированы не только правовыми и административными нормами, но и имманентными служебной деятельности служащих социально-нравственными критериями.

Управленческие взаимодействия на государственной службе регулируются своеобразным синтезом правовых, политико-административных, моральных и общекультурных норм. В определении классификационных признаков необходимо исходить из деятельностного подхода [2], предоставляющего возможно-

сти раскрыть управленческие коммуникации, исходя из явных и латентных, феноменологических и реальных модусов. Деятельностный подход позволяет выйти из сциентистского круга и осуществить анализ, учитывающий характерное для управленческих взаимодействий противоречивое единство административно-правового и неформального, индивидуального и общего, устойчивого и изменчивого, традиционного и инновационного.

Исходя из деятельностного подхода, могут быть предложены три основных классификационных признака: «субъекты управленческого взаимодействия», «функции управления» и «характер управленческих взаимодействий».

Первый классификационный признак – «субъекты управленческого взаимодействия» – раскрывает статусно-ролевые характеристики субъектов управленческих взаимодействий, обладающих определенным стилем поведения, ценностно-смысловыми установками, особенностями осуществления профессиональной деятельности, уровнем профессиональных качеств. Современное государственное управление характеризуется процессами взаимовлияния и взаимопереплетения различных видов взаимодействий, которые в своей совокупности образуют сложноструктурные взаимодействия. Начинаясь на внешнем уровне, взаимодействие трансформируется во внутренние управленческие коммуникации. Субъектный признак, четко фокусируя внимание на конкретном субъекте управленческого взаимодействия, предоставляет возможности для диагностики и анализа как каждого конкретного вида управленческого взаимодействия и его структуры, так и комплекса свойств, характеризующих сложноструктурные взаимодействия.

Преодолевая обезличенность, субъектный признак позволяет отойти от рационально-типического анализа управленческих взаимодействий и выявить разнокачественные элементы, обуславливающие более конкретные виды управленческих взаимодействий. Так, внутренние взаимодействия на государственной службе традиционно рассматриваются с точки зрения статусно-должностной иерархии:

- коммуникативные связи между подразделениями;
- коммуникативные связи между руководителями;
- коммуникативные связями между руководителем и подчиненными;
- коммуникативные связями между служащими.

Указанные виды взаимодействий характеризуют степень участия государственных служащих в совместной управленческой деятельности и ориентированы на изучение прежде всего деловых интеракций в системе отношений «руководитель – подчиненный (исполнитель)», «исполнитель – исполнитель». Вместе с тем видовая представленность управленческих взаимодействий на государственной службе качественно сложнее обозначенных. Субъектный признак позволяет выделить самостоятельные группы управленческих интеракций, объединенных специфическими целями и задачами взаимодействия, содержанием деятельности, «пересекающимися» интересами, уровнем связей и отношений, конфликтами, а также другими факторами. Коммуникативные связи между руководителями, например, могут включать в себя такие виды взаимодействий, как «руководитель – руководитель (одного уровня)», «руководитель – руково-

дитель (разного уровня)», «руководители высшего звена – руководители среднего звена» и другие.

Возможность выделения более конкретных видов взаимодействий обнажает значение и роль субъективных детерминант управленческих взаимодействий. Управленческие взаимодействия на государственной службе представлены активными и волевыми действиями акторов. Даже тогда, когда речь идет о взаимодействиях, например, государственного органа и общественной организации, за таким взаимодействием стоит конкретный субъект – государственный служащий, с одной стороны, и конкретный субъект, представляющий общественную организацию – с другой.

Анализ содержательной стороны управленческих взаимодействий на государственной службе предполагает осознание значимости субъективного фактора, роли и предназначения каждого конкретного государственного служащего как активного субъекта управления. Государственные служащие обладают особыми качествами, специфическими социокультурными чертами, образом мышления, особым характером действий и поступков. Вступая во взаимодействия, они не просто следуют общепринятым нормам и стандартам поведения, но и придают индивидуально-ценностный смысл принимаемым управленческим решениям и действиям. При этом грань между личным интересом государственного служащего и интересом общественным нередко оказывается незримой не только для окружающих, но и для самого чиновника. Интериоризированные личные ценности и предпочтения внутренне руководят действиями и процессом мышления государственного служащего, создавая у него самого ощущения искренности намерений. Таким образом, качественные характеристики государственных служащих как субъектов управленческих взаимодействий открывают новые возможности для анализа управленческих взаимодействий не только с точки зрения уровня и направления воздействия, но и с учетом чувствительно-ценностной оценки, которую вкладывает каждый конкретный субъект при определении индивидуальных рациональных средств достижения целей управленческих интеракций.

Для системы государственного управления свойственны «субъектно-объектные» отношения, в которых субъектом выступает государственный орган или государственный служащий, объектом – общество, организации, граждане, обладающие различным организационно-правовым статусом, системой целеполаганий деятельности, потребностями и желаниями. Трудности современного государственного управления связаны именно с недостаточным учетом специфических характеристик «объекта» управления, а особенности осуществления управленческих взаимодействий «сверху вниз» наглядно демонстрируют неудовлетворительный результат деятельности органов государственной власти.

Субъектный признак меняет структуру управленческого взаимодействия, поскольку анализ содержательной стороны управленческих взаимодействий на государственной службе предполагает осознание значимости субъективных параметров каждого конкретного «объекта» управления. Только в том случае, когда структура управленческого взаимодействия с «субъектно-объектной» бу-

дет изменена на «субъектно-субъектную», когда абстрактные категории «общество», «организация», «гражданин» приобретут конкретные административно-правовые, организационные, экономические и социальные очертания, государственный служащий сможет наиболее эффективно осуществлять управленческие взаимодействия и решать стоящие перед ним задачи.

В этом ракурсе важно подчеркнуть видовое многообразие внешних взаимодействий на государственной службе. Исходя из действующего законодательства и сложившейся практики, внешние взаимодействия на государственной службе представлены:

- взаимодействиями с другими органами государственной власти (государственными органами субъектов РФ);
- взаимодействиями с органами местного самоуправления;
- взаимодействиями со средствами массовой информации;
- взаимодействиями с организациями, предприятиями, учреждениями и гражданами.

В то же время видовое деление внешних взаимодействий, исходящее из субъектного признака, может быть более предметным. Так, например, взаимодействия государственных органов с организациями, предприятиями, учреждениями и гражданами можно детализировать, отобразив специфику каждого конкретного вида взаимодействия – «государственный орган – бизнес-структуры», «государственный орган – общественные организации», «государственный орган – национальные или религиозные объединения» и целый ряд других. У каждого из обозначенных видов взаимодействий есть своя административно-правовая, организационная, экономическая, социально-психологическая и ценностно-нравственная составляющие, которые и предопределяют специфические свойства каждого конкретного вида взаимодействий.

Следующий классификационный признак – «функции управления» – раскрывает управленческие взаимодействия с точки зрения выполняемых государственными служащими функций организации. В соответствии с таким пониманием можно выделить два типа показателей, обуславливающих виды управленческого взаимодействия. Первый непосредственно касается функций управления, второй – организации государственной службы как профессиональной служебной деятельности.

Первый показатель обуславливает такие виды управленческих взаимодействий, которые связаны с выполнением государственными служащими должностных обязанностей в той или иной сфере государственного управления. И здесь необходимо внести ясность. Система государственного управления, как известно, представлена государственными органами, отличающимися определенной спецификой деятельности. Непреложным императивом эффективной деятельности системы государственного управления и каждого конкретного государственного служащего является ориентация на такие цели и задачи, а соответственно и функции, которые не просто декларируются в регламентах и организационных документах, а реально обеспечивают максимально возможное в данный период времени решение проблем в той или иной сфере управления. Традиционные алгоритмы решения проблем государственного управления, а

следовательно и возникающие в связи с этим управленческие взаимодействия, часто не отвечают потребностям общественной жизнедеятельности. В связи с этим особенно актуальной становится проблема четкой ориентации деятельности государственного служащего на решение приоритетных вопросов общественной жизнедеятельности, «активирующих» определенные цели и целеполагания, задачи и направления деятельности, а соответственно и свойственную им систему управленческих взаимодействий.

Предложенный классификационный признак «функции управления» обуславливает такие виды управленческих взаимодействий, которые ориентированы не на абстрактный «общественный интерес», стандартные функции государственных органов и вытекающие из них должностные обязанности государственных служащих, а на решение конкретной проблемы, предполагающей конкретный конечный результат. Так, например, практика взаимодействия государственных органов и неправительственных организаций показывает, что данное сотрудничество, направленное в основном на решение социальных проблем, может быть гораздо разнообразнее и с точки зрения решаемых проблем, и с точки зрения необходимых для этого видов управленческих взаимодействий. Социальная практика демонстрирует, что спектр сотрудничества НПО и государственных структур может быть значительно расширен за счет охвата экологической, правозащитной, трудовой и других сфер, что вызовет к жизни новые виды управленческих взаимодействий, «обслуживающих» данное сотрудничество.

Развитие партнерских отношений государственных органов и неправительственных организаций коррелирует с деятельностью государственных служащих, обязанных инициировать новые виды взаимодействий и находить новые механизмы взаимодействия, необходимые для решения той или иной проблемы в различных сферах управления. В зависимости от специфики деятельности государственного органа, границ полномочий государственного служащего, вид и структура управленческого взаимодействия будут меняться. Показательной в этом смысле является также ориентация деятельности государственных служащих на гражданина как клиента – потребителя государственных услуг, что в корне меняет и виды, и приоритеты возникающих в связи с этим управленческих взаимодействий.

Классификационный признак «функции управления» также может включить в себя такие управленческие взаимодействия, которые объединены общим признаком, характеризующим управленческие коммуникации, возникающие в связи с организацией государственной службы как профессиональной служебной деятельности. Являясь социальным и публично-правовым институтом, государственная служба включает в себя единство социальных, правовых, организационных, и процессуальных элементов, отражающих ее специфику и отличающих ее от других профессиональных практик. В интегрированном виде эти элементы образуют особый социально-правовой статус лиц, находящихся на государственной службе, что, в свою очередь, отражается в социальных и процессуально-правовых механизмах, характеризующих спектр взаимодействий, возникающих в связи с организацией и прохождением государственной служ-

бы. Такие виды взаимодействий могут быть обозначены как «взаимодействия мотивации», «взаимодействия контроля», «взаимодействия карьеры» и целый ряд других видов взаимодействия. Значение выделения подобного рода взаимодействий на государственной службе ярко демонстрирует практика проведения конкурсов на замещение вакантных должностей, аттестаций, механизмов отслеживания соблюдения требований к служебному поведению, технологий урегулирования конфликта интересов.

Классификационный признак функции управления является питательной средой, рождающей новые виды коммуникаций и перцепций на государственной службе, роль и содержание которых еще предстоит изучить и оценить. Динамика управленческой деятельности, актуализируя необходимость совершенно нового подхода к построению целевых установок управленческих взаимодействий на государственной службе, меняет его структуру. Управленческие взаимодействия на государственной службе, направленные на решение конкретных проблем, должны включать в свою аналитическую структуру конкретные цели и конкретный конечный результат.

Третий классификационный признак управленческих взаимодействий на государственной службе – «характер управленческих взаимодействий» – раскрывает виды управленческих взаимодействий с точки зрения сопровождающих их специфических характеристик коммуникативных и социоперцептивных процессов, моделей, форм и способов осуществления.

Традиционное деление управленческих взаимодействий на формальные и неформальные применительно к государственной службе страдает некоторой относительностью и требует уточнения. Исходя из смысла, вкладываемого в понятие «формальные взаимодействия», по отношению к государственной службе более применима формулировка «регламентированные взаимодействия».

Постановлениями Правительства РФ [3, 4] определены типовые схемы внутренних взаимодействий между подразделениями государственных органов, между государственными служащими и должностными лицами, утвержден типовой регламент взаимодействий федеральных органов исполнительной власти. Добавим, что механизм взаимодействия руководителя и подчиненного на государственной службе определен регламентами государственных органов, положениями о структурных подразделениях, а также должностными регламентами государственных служащих. Казалось бы, технологически регламентированные управленческие взаимодействия представлены стандартным набором форм осуществления. Однако очевидно, что технологическая статичность регламентированных взаимодействий не абсолютна. Так, в последнее время активно в практику деятельности государственных органов внедряются онлайн-формы Интернет-коммуникации, обеспечивающие быстрый обмен актуальной информацией и обсуждение важных вопросов. Регламентированные взаимодействия не закрыты от инновационных расширений с точки зрения форм осуществления.

Промежуточное положение занимает группа управленческих взаимодействий на государственной службе, которую можно обозначить как «организа-

онные» взаимодействия, обусловленные набором признаков, не свойственных регламентированным взаимодействиям. Они, являясь отражением определенного управленческого опыта, традиций, методов и способов осуществления деловых интеракций, а также интегративного характера субъективного восприятия в индивидуальном или групповом сознании «организационной реальности», складываются в рамках той или иной организационно-должностной структуры под воздействием организационной культуры, социально-психологического климата, стиля управления руководителя.

Взаимодействия данного вида нельзя однозначно идентифицировать как формальные или неформальные. Для такого рода взаимодействий административно-правовых регуляторов оказывается недостаточно, поскольку деятельность государственных служащих, а следовательно и вытекающие из нее взаимодействия, не уместаются в систему строго упорядоченных действий. Имманентные данным взаимодействиям способы и формы управленческих коммуникаций не регламентируются нормативными правовыми актами, но являются «общеизвестными» и «общепринятыми» в той или иной организационно-должностной структуре. Переплетение «идеально-должного» с «реально-должным» в организационных взаимодействиях приводит к возникновению новых форм и способов осуществления управленческих коммуникаций.

Непосредственно неформальную группу управленческих взаимодействий составляют коммуникации, опосредованные личностно-субъективными интенциями и мотивами. Исходным пунктом построения такого рода взаимодействий является внутренняя чувственно-ценностная система координат личности, на основе которой индивид сознательно выбирает способы и методы достижения целей управленческих интеракций.

Современной наукой накоплены обширные знания об управленческих взаимодействиях и, тем не менее, необходимо сделать следующий шаг. Научный плюрализм и размытые представления о сущности управленческих взаимодействий влекут за собой экстенсивный характер их исследования, что приводит к появлению огромного количества альтернативных подходов, часто не согласующихся не только с точки зрения предлагаемых идей, но и методологии исследования. Классификация, как научный метод, позволяет не только системно провести структурно-видовой анализ управленческих взаимодействий на государственной службе, но и найти общие точки соприкосновения в рамках сложившихся концепций их исследования.

Библиографический список

1. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904.
2. Граждан В.Д. Деятельностная теория управления. М., 1997.
3. О типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 28 июля 2005 г. № 452 // СЗ РФ. 2005. № 31. Ст. 3233.
4. О типовом Регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 19 нояб. 2005 г. № 30 // СЗ РФ. 2005. № 4. Ст. 305.

M.S. Nurtazin
The Problems of Forming
the Image of Civil Service

The basic tendencies and problems of development of civil service in Kazakhstan are analyzed. The comparative analysis of the problems of forming the image of public and private sector structures is carried out.

Key words and word-combinations: civil service, forming the image, private sector, civil services.

Анализируются основные тенденции и проблемы развития государственной службы в Казахстане. Проводится сопоставительный анализ проблем формирования имиджа структур публичного и частного сектора.

Ключевые слова и словосочетания: государственная служба, формирование имиджа, частный сектор, государственные услуги.

УДК 331.101.264.24(574)
ББК 67.401

М.С. Нуртазин

ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ

Феномен имиджа исследуется во многих областях науки – философии, политологии, психологии, социологии, экономики. Понятие «имидж» (англ. *image* – образ) трактуется как целостный, качественно определенный образ какого-либо объекта, устойчиво живущего и воспроизводящегося в массовом и / или индивидуальном сознании [1], как совокупность свойств, приписываемых объекту рекламой, пропагандой [2], а также как «определенные черты, качества лидера, взятые в единстве политических, мировоззренческих, нравственных, психологических, биографических, внешних качеств, резонирующих в предпочтениях электората» [3, с. 11].

Развитие рыночной экономики обусловило появление субъектов, заинтересованных в систематическом, правильном и действенном формировании собственного имиджа. В первую очередь данная потребность стала ощущаться в бизнес-секторе, но вскоре стало ясно, что властные структуры также нуждаются в создании определенного восприятия своего собственного образа в глазах общества.

Устойчивый позитивный имидж государственной службы является одним из необходимых составных элементов, обеспечивающих стабильность различных сфер общественной жизни, устойчивость системы власти и предсказуемость государственного управления. Применительно к сфере государственного управления анализ тематики имиджа предполагает комплексное исследование образа государственного органа, государственного

служащего или должностного лица, который возник у общественности или потребителей государственных услуг. Под образом имеется в виду не только визуальный, зрительный, но и образ деятельности. Иначе говоря, в данном случае, само понятие имидж / образ должно употребляться в широком смысле – как представление об организации.

Многие западные PR-специалисты считают, что имидж организации, будь то государственный орган или производственная / коммерческая корпорация, должен строиться на следующих трех основаниях:

– во-первых, организацию следует подавать в образе некой личности, то есть необходимо как можно лучше показать людям то, чем она занимается; тогда важнейшим направлением формирования имиджа государственной службы становится объективное информирование граждан по различным аспектам деятельности законодательных, судебных и исполнительных институтов;

– во-вторых, государственному органу, как и корпорации, требуется иметь собственную «репутацию», то есть постоянно позиционировать положительные черты своего имиджа;

– в-третьих, необходимо показать свои преимущества перед другими организациями.

В отличие от государственных, бизнес-организации формируют свой позитивный имидж, используя специфические методы, такие как реклама и коммерческие информационные технологии. Частные компании разрабатывают специальные планы с учетом определения их репутации на перспективу. Государственным структурам в силу определенных обстоятельств и специфики деятельности не всегда возможно применять PR-технологии, апробированные бизнес-сектором. Однако исследование имеющегося опыта и его использование в процессе создания позитивного восприятия гражданами и негосударственными организациями властных структур представляется нам вполне актуальным.

Кроме того, государственная служба в продвижении привлекательного имиджа имеет некоторые очевидные преимущества перед частным сектором. В распоряжении государственных органов находится так называемый «административный ресурс», выражающийся, например, в распорядительных полномочиях, обеспечении контроля исполнительной власти над средствами массовой информации и общественными объединениями, организации публичной гражданской поддержки инициативам власти и нейтрализации реальных или потенциальных центров оппозиции в регионах.

Формирование положительного имиджа государственной службы – неотъемлемая задача проводимой административной реформы. В данном вопросе государственные органы опираются на лучшее из международного опыта. Вместе с тем нельзя не отметить наличие ряда внутренних проблем, негативно влияющих на положительное восприятие государственных органов общественностью. К ним относятся: административные барьеры и низкое качество оказываемых государственных услуг; раздутость государственного аппарата и дублирование функций; недостаточно высокая управленческая культура и бюрократизм чиновников; текучесть кадров и частная их сменяемость при смене политического руководства; слабая мотивация служащих на добросовестную и

беспристрастную службу; недостаточная квалифицированность и нарушение профессиональной этики государственными служащими; более низкая по сравнению с частным сектором оплата труда государственного служащего. Клановость и коррупция, имеющиеся в государственном управлении, приводят к тому, что ценятся не профессиональные качества сотрудника, а его преданность руководству, вышестоящему лицу.

Все это оказывает негативное воздействие и снижает доверие общества к власти, что, безусловно, отражается на имидже всей государственной службы. Существование подобных проблем объясняет необходимость целенаправленного формирования имиджа государственных органов и государственной службы. Имидж государственных органов и государственной власти в целом должен создаваться, исходя из нескольких методологических по своему характеру установок: процесс обязан носить демократический характер, укладываться в требования действующего законодательства Республики Казахстан, способствовать внутривластной стабильности государства и консолидации общества.

Одним из институтов, оказывающих существенное влияние на процессы формирования имиджа государственной службы, является Агентство по делам государственной службы Республики Казахстан. В структуре Агентства действуют региональные Дисциплинарные советы по делам государственной службы. Все эти органы призваны укреплять государственную дисциплину, обеспечивать соблюдение антикоррупционного законодательства и Кодекса чести государственных служащих Республики Казахстан.

Кроме того, Агентством и Дисциплинарными советами проводятся социологические исследования, результаты которых становятся эмпирической базой, позволяющей провести мониторинг и корректировку действий государственных органов и служащих в целях создания позитивного образа власти в глазах населения. Так, было проведено исследование, посвященное диагностике административных барьеров при оказании государственных услуг. Его результаты были следующие: «Среди основных барьеров 27% респондентов указали на недоброжелательность персонала, 38% – на оказание услуг по знакомству, 20% – на плохо организованный персонал. В своих ответах на вопросы анкеты респонденты предлагают необходимость максимального увеличения количества электронных услуг и снижения до минимума контактов чиновников с потребителем, особенно в налоговых органах, автоинспекции, земельных отделах и таможенных постах» [4, с. 20].

В январе 2008 г. в соответствии с планом подготовки к проведению «круглого стола» на тему «Пути повышения имиджа государственного служащего» Дисциплинарным советом Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы в Западно-Казахстанской области в течение месяца было проведено анкетирование 150 граждан и лиц, поступающих на государственную службу на конкурсной основе.

Результаты опроса показывают, что в восприятии респондентов в целом формируется положительный образ государственного служащего, которому присущи такие черты, как профессионализм, компетентность, добросовестное исполнение служебного долга. Однако в оценках опрошенных проявляется устойчи-

вое мнение о наличии препятствий, затрудняющих позитивное восприятие государственных служащих. В качестве основных негативных факторов указываются коррупция, злоупотребление служебным положением, протекционизм, существующие в государственных органах. Без преодоления этих пороков вряд ли можно рассчитывать на позитивный имидж государственного служащего в общественном мнении.

В современном социуме государственная служба превращается в особую форму публично-правовых взаимоотношений государства и граждан. Профессиональная деятельность государственных служащих признается качественной только тогда, когда осознание и оценка результата своей деятельности самим субъектом адекватны осознанию и положительной оценке результатов его деятельности гражданами. Проведенные исследовательским центром «Сандж» социологические замеры позволили получить необходимые данные, свидетельствующие о понимании населением и самими государственными служащими открытости и доступности работы государственных учреждений.

Так, 35,8% граждан связывают открытость и доступность государственных органов в первую очередь с отчетностью о деятельности и результатах работы. Для 17,6% респондентов открытость и доступность – это возможность беспрепятственно получить любую информацию о государственных органах. Остальная часть граждан определяла открытость как пояснение к принятым решениям, понятность целей и задач, простоту процедуры обращения граждан в государственный орган. Определяя доступность и открытость государственных органов, 19% государственных служащих указали возможность для населения просто обратиться в орган, 15% добавили, что это есть возможность обратиться в любое рабочее время, 30% затруднились дать какое-либо определение доступности и открытости [5, с. 23]. Таким образом, результаты опроса показывают, что, в целом в государственном секторе происходят положительные изменения в сторону более открытой и доступной системы оказания услуг населению.

Имидж государственной службы в его социально-психологическом измерении тесным образом связан с соблюдением государственными служащими Кодекса чести государственных служащих Республики Казахстан, утвержденного Указом Президента Республики Казахстан от 3 мая 2005 г. В его преамбуле указывается, что «несение государственной службы является выражением особого доверия со стороны общества и государства и предъявляет высокие требования к нравственности и морально-этическому облику государственных служащих» [6].

В формировании позитивного имиджа государственных служащих большую роль играют средства массовой информации, выполняющие в последнее время не только информационную, но и оценочную функцию. При этом масс-медиа могут внести как положительный, так и отрицательный вклад. Например, в погоне за сенсацией ими громко объявляется о коррупционных преступлениях и взятках чиновников, а потом выясняется, что вина не доказана. В таком случае получается, что хотя юридически никакого преступления не совершено, в массовом сознании его факт устойчиво зафиксирован. Это не может не сказаться на ухудшении имиджа государственных служащих.

Как видно, в процессе создания имиджа государственного органа действуют

такие факторы, которые не оказывают существенного влияния в случае с коммерческим предприятием. Например, в отличие от частных организаций, большинство государственных органов не продают результаты своей деятельности. Поэтому информация и причины, действующие на экономических рынках, в сфере публичного управления работают слабее или вообще отсутствуют. Некоторые ученые (как и многие граждане) полагают, что это ослабляет стимулы к снижению затрат, экономичности в работе и повышению эффективности деятельности. В результате государственные институты (законодательная, исполнительная и судебные ветви власти) используют правовые и формальные ограничения, чтобы установить более жесткий внешний государственный контроль над процедурами, сферами деятельности и стратегическими целями. Объяснение различий двух секторов можно найти у американского ученого Х.Дж. Рэйни: «Правительство отличается большей степенью монополизации, нежели частный сектор, и последствия его действий широки, а поэтому требуют контроля. Отсюда пристальное внимание общественности к его функционированию и ее ожидание в отношении его справедливости, открытости, подотчетности и честности» [7, с. 75–76].

Преследуя примерно схожие цели, и государственные структуры, и негосударственные организации стремятся достичь результатов своими определенными и специфическими методами. Изучение и обобщение положительного опыта формирования имиджа, выявление основных тенденций и противоречий в государственном и частном секторе, осмысление позитивных и негативных сторон проблемы позволит использовать полученные данные для успешного становления института государственной службы.

Формирование положительного имиджа государственной службы в глазах общества даст результаты, если наряду с повышенными требованиями и ограничениями, связанными с государственной службой, ее объективные неудобства и издержки будут компенсироваться жалованием и другими выплатами, гарантиями, обеспечивающими стабильность рабочего места, продвижение по службе, а также достойный уровень жизни. Полагаем, что политика центральных и местных властей в формировании имиджа государственной службы никоим образом не может строиться по единому шаблону, поэтому необходимо дифференцированное применение методов и адаптация их к местным условиям.

Библиографический список

1. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов [и др.]. 2003. URL: <http://www.voluntary.ru>
2. Большой словарь по социологии, проект. URL: www.rusword.com.ua
3. Имидж лидера / под ред. Е.В. Егоровой-Гантман. М.; Л., 1994.
4. Административные барьеры как источник коррупционных правонарушений / под ред. 3. Турисбекова. Алматы, 2007.
5. Исследовательский центр «САНДЖ» совместно с Агентством РК по делам государственной службы: аналитический отчет по исследованию «Открытость и эффективность работы государственных органов». Алматы, 2004.
6. Кодекс чести государственных служащих Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 3 мая 2005 г. № 1567. URL: www.supcourt.kz/codex/
7. Рэйни Х.Дж. Анализ и управление в государственных организациях / пер. с англ. 2-е изд. М., 2002.

N.M. Antoshina
Organizational and Legal Bases
of Professional Training
for Public Administration Bodies:
Innovative Forms and Methods

The author investigates organizational and legal bases of professional training for public power bodies. The special attention is given to innovative forms and methods of professional training within the limits of realization of additional and facultative educational programs.

Key words and word-combinations: professional training, public authorities and local self-government, educational process.

Исследуются организационные и правовые основы подготовки кадров для органов публичной власти. Особое внимание уделяется инновационным формам и методам подготовки кадров в рамках реализации дополнительных и факультативных образовательных программ.

Ключевые слова и словосочетания: подготовка кадров, органы государственной власти и местного самоуправления, образовательный процесс.

УДК 347.468:339.543.3
ББК 67.401.21

Н.М. Антошина

**ОРГАНИЗАЦИОННО-
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ДЛЯ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ:
ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ
И МЕТОДЫ**

Подготовка кадров для органов власти в современных условиях является одним из приоритетных направлений реформирования государственного и муниципального управления в Российской Федерации. С тем, как она осуществляется в реальной действительности, связано практическое воплощение основного принципа построения государственной и муниципальной службы – профессионализма и компетентности служащих.

Отношения, возникающие в сфере подготовки кадров для государственной и муниципальной службы, регулируются соответствующими законами [1–5]. Кроме федеральных законов, система профессиональной подготовки государственных служащих регламентируется целым рядом подзаконных нормативных правовых актов [6–8]. Существенной новеллой в российском законодательстве о гражданской службе является закрепление договорного порядка профессионального обучения граждан с обязательством последующего прохождения службы, что является одним из организационно-правовых способов профессиональной подготовки и привлечения квалифицированных кадров на гражданскую службу.

Федеральным законом о системе государственной службы (ст. 11) предусмотрено, что подготовка граждан для прохождения государственной службы осуществляется в форме, установленной федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Формой подготовки кадров для гражданской службы в соответствии с Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» является профессиональная подготовка кадров, которая рассматривается в качестве составной части общей системы образования. В целях получения дополнительных знаний, умений и навыков, обновления теоретических и практических знаний для гражданских служащих указанными законодательными актами предусмотрен механизм получения дополнительного профессионального образования, включающий в себя профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку.

В отличие от регламентации государственной гражданской службы, федеральное законодательство о муниципальной службе закрепляет лишь принцип единства требований к подготовке, переподготовке и повышению квалификации муниципальных служащих и гражданских служащих [3, ст. 5]. Право более детальной регламентации предоставлено органам местного самоуправления в рамках их компетенции.

Несмотря на наличие достаточно обширной правовой базы, имеются и пробелы в правовом регулировании государственной гражданской и муниципальной службы. Основным недостатком является то, что не принят целый ряд нормативных актов, необходимых для комплексного регулирования подготовки гражданских служащих. Наиболее принципиальным вопросом здесь является отсутствие системы управления гражданской службой, на которую в числе прочего возлагается координация подготовки кадров для государственной и муниципальной службы в целом.

Сегодня подготовка кадров для гражданской и муниципальной службы осуществляется в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования. За последние несколько лет реализован целый комплекс организационных мер, направленных на совершенствование системы подготовки кадров. В частности, в образовательный процесс включено осуществление подготовки специалистов по специальности «Государственное и муниципальное управление», выросло число высших учебных заведений, выпускающих специалистов по данному профилю, активизирована работа учреждений, осуществляющих переподготовку и повышение квалификации кадров для гражданской и муниципальной службы.

В то же время, несмотря на увеличение пропускной способности соответствующих учебных заведений, знания, получаемые в них, не всегда отвечают требованиям постоянно изменяющейся социально-экономической и политико-правовой реальности, не дополняются необходимым уровнем практических навыков. Заканчивающие курс обучения оказываются мало адаптированными к практической деятельности в системе государственного и муниципального управления. Особенно это касается молодых специалистов – выпускников вузов. Как следствие, встает вопрос о необходимости разработки новых образователь-

ных технологий, инновационных форм и методов подготовки кадров, которые применялись бы наряду с традиционными, но были ориентированы на адаптацию выпускников вузов к системе публичного управления.

Данные проблемы не раз поднимались учеными и специалистами-практиками, однако пока не получили практического решения [9–11]. В этой связи заслуживает внимания имеющийся опыт Приволжского федерального округа, где вот уже третий год реализуется своеобразный и, по сути, уникальный проект «Малые академии государственного управления (МАГУ)». Сегодня Малые академии созданы в большинстве регионов округа. Основная цель – подготовка обучающейся в высших учебных заведениях молодежи к непосредственной управленческой деятельности, приобретение ими практических навыков организационно-массовой работы, коммуникативной деятельности в общественно-политической сфере.

При осуществлении проекта в 2006 г. не ставилась задача создать дополнительные образовательные учреждения по подготовке специалистов в сфере государственного и муниципального управления. Деятельность Малых академий ориентирована на выявление среди студентов вузов наиболее инициативных молодых людей, стремящихся к работе в органах власти, общественных организациях, формирование у них лидерских качеств, стереотипов конструктивного поведения, практических навыков.

В Малую академию на конкурсной основе принимаются студенты вузов, обучающиеся на старших курсах по различным специальностям и направлениям подготовки, проявившие себя в академической и общественной жизни вуза и демонстрирующие инициативные, организаторские, лидерские способности. В настоящее время по данной программе обучаются около 1000 слушателей – студентов из 78 вузов и филиалов вузов в субъектах Федерации. В 2008 г. конкурс составил 5–10 человек на место.

Для достижения поставленных целей образовательный процесс, реализуемый в Малых академиях, носит комплексный характер и включает в себя проведение лекционных и семинарских занятий, «круглых столов», дискуссионных клубов, мастер-классов, тренингов. В целях углубления понимания механизма деятельности властных структур организуются встречи слушателей Малых академий с видными государственными и общественными деятелями, руководителями федеральных и региональных органов государственной власти, выдающимися учеными. Проводятся выездные заседания, стажировка и практика слушателей в органах власти.

Наряду с образовательной и практической деятельностью одним из основных компонентов реализации программы обучения в Малой академии является участие в научно-исследовательской работе, а также разработка и реализация социально значимых проектов. Имеется возможность не только проводить научно-прикладные исследования, знакомиться с практической деятельностью органов власти, но и вносить конкретные предложения по проблемам развития системы управления, выполнять научно-исследовательские работы по заказам органов власти.

Качество освоения слушателями Малых академий образовательной програм-

мы определяется путем текущего контроля успеваемости и итоговой аттестации выпускников. Слушателям Малых академий, зарекомендовавшим себя способными организаторами, обладающими высоким уровнем аналитического мышления, лидерским потенциалом и умением работать в коллективе, получившим положительные отзывы о знаниях и навыках, по результатам стажировок в органах государственной власти, могут быть вручены рекомендательные письма. Так, семи выпускникам Малых академий в 2007 г. вручены рекомендательные письма полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе.

Результаты мониторинга профессиональной деятельности выпускников Малых академий свидетельствуют о положительной практике их трудоустройства в государственные и муниципальные органы власти и общественно-политические организации (более 20% выпускников).

В качестве приоритетных задач можно выделить следующие: формирование системы социально-профессиональной адаптации и сопровождения выпускников Малых академий в профессиональной и общественно-политической деятельности; интеграция ресурсов Малых академий в кадровые программы регионального, межрегионального и общедофедерального уровней; распространение опыта деятельности Малых академий вне пределов округа.

Данный опыт, безусловно, является новаторским и представляет собой успешную апробацию новых форм и методов подготовки кадров для органов власти в рамках работы с молодежью. Именно совмещение традиционных форм подготовки кадров для органов государственного и муниципального управления с дополнительными (факультативными) формами получения практических знаний и навыков в этой сфере может явиться перспективным направлением развития системы подготовки высокопрофессиональных кадров.

Библиографический список

1. О системе государственной службы Российской Федерации: Федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
4. Об образовании: Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 // Рос. газ. 1992. 3 июля.
5. О высшем и послевузовском профессиональном образовании: Федер. закон от 22 авг. 1996 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.
6. О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации: указ Президента РФ от 28 дек. 2006 г. № 1474 // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 203.
7. О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием: постановление Правительства РФ от 19 сент. 1995 г. № 942 // СЗ РФ. 1995. № 39. Ст. 3777.
8. О реализации функций по организации формирования, размещения и исполнения государственного заказа на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку федеральных государственных гражданских служащих: постановление Правительства РФ от 17 апр. 2008 г. № 284 // СЗ РФ. 2008. № 16. Ст. 1709.

9. Атаманчук Г.В., Матирко В.И. Государственная служба: кадровый потенциал: учеб. пособие. М., 2001.
10. Барциц И.Н. Реформа государственного управления в России: правовой аспект. М., 2008.
11. Карпичев В.С. [и др.]. Теоретико-методологическое обоснование опережающего обучения государственного служащего // Социально-организационные основы государственной службы. М., 2005.

Z.A. Burganova
State and Problems of Formation of Moral-Ethical Qualities of the Students Oriented towards the Work in State Bodies

The sociological analysis of value purposes of students oriented towards the work in state and municipal service bodies is presented. The author proposes a clusters approach to the public service personnel training.

Key words and word-combinations: moral-ethical qualities, public service, clusters approach, personnel training.

Представлен социологический анализ ценностных установок студентов, ориентированных на работу в органах государственной и муниципальной службы. Предлагается кластерный подход к подготовке кадров для государственной службы.

Ключевые слова и словосочетания: морально-этические качества, государственная служба, кластерный подход, подготовка кадров.

УДК 316
ББК 60.56

3.А. Бурганова

**СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ
КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ,
ОРИЕНТИРОВАННЫХ
НА РАБОТУ
В ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОРГАНАХ**

В связи с проведением реформы государственной службы в Российской Федерации значительный интерес у теоретиков и практиков вызывает решение проблемы возможности и необходимости целенаправленного формирования модели поведения государственного служащего. Не секрет, что в современных российских условиях произошла коммерциализация социальных отношений, что выразилось, в частности, в деградации морально-этических норм поведения государственных служащих. Именно поэтому возникла осязаемая потребность в целенаправленном формировании новой модели поведения государственного служащего.

В настоящее время в российской управленческой практике фактически отсутствует какая-либо внятная социально одобряемая модель формирования поведения государственных служащих. Поэтому логичным пред-

ставляется оказывать управленческое воздействие (в установленных формах и заранее predeterminedными методами) на формирование норм служебного поведения. По мнению А.И. Турчинского, управление государственной службой выступает одним из ключевых элементов, призванных «существенным образом повлиять как на формирование качества самой социальной среды государственной службы, так и на уровень ее профессионализма» [1, с. 5].

Отметим, что длительное невнимание к процессам формирования морально-этических норм поведения студентов, ориентированных на работу в органах государственной службы, приводит к снижению авторитета государственной власти в российском обществе. В рамках проекта по изучению процессов формирования культурно-нравственного потенциала будущих государственных служащих, нами проводилось анкетирование лиц, посещающих подготовительные курсы для поступления (61 человек), и студентов 4-го курса дневного отделения (50 человек) Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан. Такой выбор респондентов объясняется тем, что абитуриенты поступают в вуз с определенной школьной подготовкой, за четыре года обучения осваивают общие и специальные предметы, характеризующие деятельность государственной и муниципальной службы, проходят практику в различных органах власти, принимают участие в проведении государственных и муниципальных мероприятий. Таким образом, возникает возможность сравнить результаты и выявить динамику изменения отношения респондентов к рассматриваемой нами проблеме.

Проведенное мини-исследование, не претендуя на всеобъемлемость, выявило ряд тенденций. Так, из ответов на вопрос: «Совместимы ли понятия “предпринимательство” и “государственная служба”?» выяснилось, что более половины абитуриентов не имеют представления об экономической специфике процесса прохождения государственной службы и о законодательно установленном запрете государственным служащим заниматься предпринимательской деятельностью. Но и большинство студентов также считают приемлемым совмещение занятия государственной службой и предпринимательством, а это уже вызывает особую обеспокоенность. Полагаем, что полученные результаты можно объяснить некоторой абсолютизацией роли предпринимательства в жизнедеятельности общества, недостаточным уровнем информированности абитуриентов и студентов об особенностях прохождения государственной службы и организации деятельности государственных органов.

Данные опроса на тему: «Все ли имеет свою цену (все ли продается и покупается)?» показали, что и у абитуриентов, и у студентов вопрос о купле-продаже благ вызывает определенные затруднения и неоднозначное восприятие. Очевидно, что новые экономические и политические реалии отражаются на формировании культурно-нравственных ценностей у различных категорий населения. Полученные результаты наталкивают на мысль о необходимости более четко формулировать и культивировать социально-экономические и этико-культурные ценности в среде будущих управленцев.

Результаты, представленные в таблице 1, позволяют рассуждать о факторах, влияющих на формирование личностных качеств государственных служащих.

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Какие факторы влияют на формирование морально-этических качеств государственного служащего?» (от общего числа опрошенных и по три варианта ответа)

Вариант ответа	Количество ответов
Родители	34
Вуз	31
Состояние общества	30
Условия жизни	27
Школа	17
Проявление несправедливости в окружающем обществе	13
Наследственность	4

Большинство респондентов отмечают роль родителей и вуза в становлении личности государственного служащего. Определенную долю занимают ответы с указанием внешних условий деятельности системы государственной службы.

Из ответов на вопрос о логике поведения государственного служащего (таблица 2), видно, что абитуриенты знают о структуризации интересов. Кроме того, можно отметить, что большинство опрошенных хотят решать вопросы повышения личного благосостояния с помощью государственной службы.

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Какова логика (цель) поведения государственного служащего в трудовой деятельности?» (от общего числа опрошенных и по три варианта ответа)

Вариант ответа	Количество ответов
Интересы государства в первую очередь, потом свои	49
Интересы государства и интересы общества различаются	27
Принести пользу государству и себя не забыть	21
Выгодно использовать сложившиеся обстоятельства в государственной службе и извлечь из этого максимальную коммерческую пользу	16
Своя рубашка ближе к телу	2
Сначала себе, потом государству	1

В целом данные проведенного небольшого исследования свидетельствуют о том, что процесс формирования нравственных качеств начинается еще до поступления граждан на государственную службу. Главное на подготовительном этапе – не выбор профессии, а постепенное формирование необходимых личностных качеств потенциального работника государственной службы.

В удовлетворении потребностей аппарата государственных и муниципальных органов в высококвалифицированных специалистах большая ответственность ложится на специализированные высшие учебные заведения. Становление любого специалиста проходит в определенной (специальной) среде. Понятие «среда» многозначно. Средой какой-либо системы можно называть все системы, с которыми она взаимодействует. Профессор Российской академии государственной

службы при Президенте РФ К.О. Магомедов полагает, что «... российская государственная служба функционирует в особой социальной среде, отличающейся своей историей, политической культурой, ценностями, традициями, социальной психологией, отношением народа к государственным институтам, нормам права и т.д.» [2, с. 9]. Многие аспекты анализа сущности и функций различных видов среды, в том числе профильно-образовательной среды, получили развитие в работах разных исследователей. Однако в теоретических исследованиях не нашла должного отражения идея об активной роли профессионально-образовательной среды в системе подготовки кадров для государственной службы.

Как известно, для замещения государственной должности, государственному служащему необходимо иметь высшее профильное образование (наличие среднего профильного образования допустимо лишь при замещении первичных государственных должностей государственной службы, то есть должности специалиста). Но в настоящее время само понятие «профильное образование» трактуется по-разному. Отсутствие единообразия в понимании того, что считать профильным образованием, существенно затрудняет практическую работу по формированию морально-этических норм поведения государственных служащих.

В период обучения в вузе у студента возникает другая система взглядов на мир, на состояние общества. В основном ставится задача добиться максимальной широты и фундаментальности знаний каждого специалиста и его высокой квалификации в конкретной области государственного управления. Экономизация или меркантилизация человеческих и служебных отношений имеет отрицательное воздействие на формирование морально-этических норм поведения будущих государственных служащих.

На наш взгляд, одним из ключевых личностных качеств госслужащего должна быть державность мышления, истоки которой формируются в довузовской и вузовской подготовке специалиста. У будущего госслужащего необходимо культивировать чувство ответственности за свою деятельность в органах государственного аппарата и гордости за то, что он является выразителем интересов государства. Госслужащий, по мнению немецкого ученого Э. Фромма, «должен выйти за пределы материалистической ориентации и подняться до уровня, где духовные ценности – любовь, истина и справедливость – действительно для него высший смысл» [3, с. 196].

В основе модели управления формированием поведенческих качеств госслужащих может находиться кластеризация подготовки кадров для государственной службы. Применение кластеризации образовательного процесса и инновационных технологий и стандартов позволяет определить то, чему хотят научить, какого типа личность воспитывают в вузе. Кластерный подход в управлении процессом формирования морально-этических норм поведения будущих государственных служащих должен включать в себя следующие принципы:

- последовательность управленческого воздействия на становление личности государственного служащего;
- системность управленческого воздействия;
- совмещение этических норм и профессиональной позиции;
- гибкость принимаемых управленческих решений.

В настоящее время от государственного служащего требуются не только глубокие профессиональные знания, но и обладание такими общечеловеческими качествами, как порядочность, искренность. На их приобретение должны быть направлены все усилия преподавателей и студента, ориентированы учебные программы и содержание учебных занятий.

Учебные программы вузов, нацеленные на подготовку кадров для государственной службы, должны модифицироваться в зависимости от изменений условий экономической, социальной, культурной и международной среды. Как отмечает И. Барциц, «в современных условиях особенно важно повысить качество обучения госслужащих, активизировать учебный процесс» [4, с. 66]. Включение в программу обучения государственных служащих основных знаний о предупреждении коррупции (например, предметов «Экономика и политика коррупции», «История этических норм в государственной власти», «Теория общественного выбора») оправдывает себя. Необходимо также активизировать профориентационную работу среди тех, кто намерен поступать в специализированный вуз, для дальнейшего совершенствования отбора контингента студентов.

Новые концепции и методы инновационного обучения кадров для административной службы требуют и принципиально новой квалификации преподавателя. Он должен обладать способностью обучать тому, что требуют от него интересы общества и государства. Не все выпускники вузов умеют самостоятельно решать нестандартные задачи, связанные с оказанием услуг государством.

Времена меняются, и становится очевидным, что трансформация государственной службы невозможна без подготовки соответствующих специалистов, усвоивших лучшие образцы этико-культурных ценностей современной цивилизации. Управленческое воздействие на формирование морально-этических норм поведения студентов позволяет решать вопросы воспроизводства государственной власти, снизить степень рисков и неопределенности в поведении государственных служащих.

Таким образом, управление процессом формирования морально-этических качеств госслужащих представляет собой ключевое звено в комплексе мер по реформированию и развитию института государственной службы как системы. К сожалению, кризис современного этапа развития общества может пагубно сказаться на морально-нравственном облике государственного служащего. В результате к нему могут добавиться безволие, равнодушие, безответственность и некомпетентность в решении государственных проблем, что также подрывает авторитет госслужащего. Это тоже подтверждает необходимость активного внешнего воздействия на формирование устойчивых личностных качеств государственных служащих.

Библиографический список

1. Турчинов А.И. Управление государственной службой как фактор повышения эффективности и профессионализма государственного управления // Образование и общество. 2006. № 3.
2. Магомедов К.О. Социология государственной службы. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
3. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
4. Барциц И. О перспективах научных исследований государственной службы Российской Федерации // Государственная служба. 2007. № 3.

M.V. Mamonov
Temporal Structure
of Population Expectations:
Classification Bases

On the basis of empirical data analysis the author proposes a chronological classification of social and political expectations. The differentiation of situations-based (short-term), medium-term, long-term expectations is substantiated.

Key words and word-combinations: expectations, mass media, political process.

На основе анализа эмпирических данных автор предлагает хронологическую классификацию общественно-политических ожиданий. Обосновано выделение ситуативных (краткосрочных), средне- и долгосрочных ожиданий.

Ключевые слова и словосочетания: ожидания, средства массовой информации, политический процесс.

УДК 32.01:316.75
 ББК 60.05+60.06

М.В. Мамонов

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОЖИДАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ: ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

Рассмотрение ожиданий общественно-политического характера, как фактора формирования массовых настроений и политического поведения населения, предполагает выявление целого ряда характеристик. Важнейшей из них является темпоральность; она выражается в фиксации периода ожиданий – временного отрезка, в рамках которого сформировавшиеся ожидания остаются актуальными и население выражает надежду на их реализацию (достижение), но при этом оказывается не готовым к проявлению собственной реакции на рассогласование ожиданий и оценок реальности либо вероятности их реализации. Данная проблема мало изучена, что определяет ее значимость. Выявление периода ожиданий позволяет прогнозировать динамику политического поведения населения и обозначать вероятные точки бифуркации политического процесса.

В отечественной науке существует классификация электоральных ожиданий, предложенная С.Д. Барановым. Он выделяет три вида ожиданий: долгосрочные, или стратегические, – связанные с жизненной стратегией избирателя, среднесрочные – касающиеся текущего этапа жизни человека (от 2–3 до 10–20 лет) и краткосрочные [1, с. 24]. Уважая представленную исследовательскую позицию, тем не менее заметим, что если для выделения кратко- и среднесрочных ожиданий есть достаточно оснований, то суще-

ствование стратегических электоральных ожиданий (более 20 лет) вызывает сомнения. Критически осмысливая предложение ученого, считаем целесообразным выделение трех хронологических типов ожиданий, каждый из которых отличается своим объектом и, следовательно, используемыми при реализации технологиями:

- 1) краткосрочные (ситуативные) ожидания, появление которых обусловлено актуализацией каких либо ситуативных проблем «здесь и сейчас»;
- 2) среднесрочные – со сроком реализации проблем до 2–3-х лет;
- 3) долгосрочные ожидания – с предполагаемым сроком реализации более 2–3-х лет.

Ситуативные ожидания формируются в качестве реакции населения на отдельные ограниченные по времени события и сюжеты. Часть из них является результатом личного опыта, другие становятся актуальными благодаря средствам массовой информации и деятельности политических субъектов (например, электоральные кампании и разнообразные форс-мажорные ситуации, ставшие следствием нарушения сформировавшейся траектории протекания процесса). Во втором случае элементами системы массовых ожиданий такие события становятся благодаря масс-медиа, актуальность порожденных ими ожиданий снижается после угасания интереса к проблеме как со стороны средств массовой информации, так и населения.

Данные социологических опросов свидетельствуют, что внимание населения к какому либо ситуативному политическому сюжету сохраняется в течение 3–4 недель после его актуализации. В дальнейшем происходит угасание интереса, при условии, что он целенаправленно не поддерживается средствами массовой информации.

Динамика внимания людей к произошедшему во многом объясняется действиями масс-медиа. Так, интерес населения к событиям в Беслане (сентябрь 2004 г.) сохранялся только в течение первых недель с момента трагедии. Спустя месяц уровень интереса снизился до обычных показателей [2–5]. В первую неделю после захвата школы этому событию было посвящено 17,82% публикаций в периодических печатных изданиях, однако интерес средств массовой информации стал падать уже к концу первой недели. В течение второй недели после теракта в Беслане масс-медиа говорили о нем в 1,4 раза меньше, чем в первую, в третью – в 2,6 раза меньше, в четвертую – в 4 раза меньше [6, с. 22].

Аналогичная ситуация наблюдается и с другими политическими событиями и сюжетами. Наиболее показателен в этом отношении 2007 г., наполненный важными внутриполитическими событиями. Для примера рассмотрим данные еженедельных социологических опросов, проводимых Фондом «Общественное мнение» по наиболее актуальным проблемам. В соответствии с методикой респондентам предлагалось назвать наиболее значимую для них проблему прошедшей недели, освещенную в средствах массовой информации (табл. 1) [7–21].

Повышенный интерес к деятельности властных органов в период с 15 по 29 сентября 2007 г. определялся отставкой премьер-министра М. Фрадкова и назначением нового Председателя Правительства. Высокий уровень интереса сохранялся всего лишь в течение двух недель. Рост интереса к деятельности

властных органов в 20-х числах октября был вызван «прямой линией» Президента России В. Путина. Всплеск интереса к проблемам социального и экономического развития страны в середине октября объяснялся скачком инфляции. Интерес к выборам депутатов Государственной Думы стал снижаться уже через несколько дней после голосования, несмотря на масштабность предвыборной информационно-агитационной работы.

Таблица 1

Мнение респондентов о наиболее актуальных и значимых событиях, освещенных в СМИ в сентябре – декабре 2007 г. (%)

Актуальная проблема недели	Дата опроса														
	сентябрь					октябрь				ноябрь				декабрь	
	01	08	15	22	29	06	13	20	27	03	10	17	24	08	15
Международная жизнь, события	14	15	9	10	11	9	9	15	13	9	24	12	17	8	6
Катастрофы, преступления, скандалы в России	11	7	2	7	3	9	4	3	7	26	12	15	12	2	6
Внутриполитические события	3	5	32	29	23	17	8	27	11	5	4	8	11	34	24
Экономика и социальная жизнь в России	5	4	3	5	6	9	21	13	11	8	4	6	3	2	4
Известные люди, наука, спорт, праздники в России	3	5	0	2	2	3	3	1	1	3	4	3	1	1	1
Другое	8	5	4	5	3	5	3	3	4	5	2	4	3	2	3
Затрудняюсь ответить	61	63	54	48	56	52	55	44	57	48	55	56	59	54	58

Приведенные цифры подтверждают выявленную нами ранее закономерность, согласно которой максимальный срок интереса населения к одномоментному событию не превышает одного месяца. Наиболее отчетливо данная закономерность проявилась в случае со сменой руководителя правительства страны (сентябрь).

Таким образом, ситуативные ожидания, порожденные отдельными событиями, имеют строгую темпоральную определенность. Управление ими затруднено в случае, если события, лежащие в их основе, не носят плановый характер. Длительное поддержание интереса к проблеме и, следовательно, ситуативных ожиданий сопряжено со значительными усилиями со стороны средств массовой информации.

Необходимо выделить и такую характеристику данного вида ожиданий, как упрощенность и конкретность. Это обусловлено природой краткосрочных (си-

туативных) ожиданий: будучи порожденными одним-двумя событиями, они позволяют людям самостоятельно определить характер собственных ожиданий. Целенаправленное влияние каких-либо политических субъектов на процесс формирования ожиданий в данном случае весьма затруднено, так как речь идет об уже самостоятельно сформировавшихся, пусть и неустойчивых, представлениях людей о вариантах развития ситуации. Изменение этих представлений под воздействием поступающей информации – процесс не всегда предсказуемый и, как следствие, малоуправляемый.

Преодолеть трудности управления ситуативными ожиданиями возможно в случае обеспечения информационного доминирования политического субъекта в течение первых часов после произошедшего события, когда и формируется реакция индивида на новую информацию. Именно поэтому базовой рекомендацией поведения в кризисной ситуации является скорейшее обнародование реакции заинтересованными сторонами. Это не всегда удается, так как зависит от параметров самой ситуации. В целом не стоит преувеличивать значение ситуативных ожиданий, однако их следует учитывать.

Среднесрочные ожидания более устойчивы. Анализ политической практики свидетельствует о том, что они масштабнее по своей природе и имеют более продолжительный срок – сохраняют актуальность в течение 2–3-х лет. Объектом данного вида ожиданий могут быть как условия жизни людей, так и результаты функционирования политических институтов и субъектов. Одним из первых, кто обосновал существование двухлетнего срока ожиданий, был Дж. Девис, который заметил, что если в период экономического роста начинается неожиданный спад и различие между ожиданиями и реальными условиями достигает критической величины, происходит социальный взрыв. Причем революция может произойти в течение короткого промежутка времени, но не более двух лет – по истечении этого срока люди склонны смириться с ситуацией [22].

В российской политической практике двухлетний период ожиданий проявляется прежде всего в оценке перспектив улучшения ситуации. Избрание В.В. Путина Президентом РФ привело к стремительному повышению позитивных ожиданий как в отношении изменения ситуации в стране в целом, так и в отношении личностных перспектив россиян. Завершение двухлетнего периода президентства В.В. Путина (декабрь 2001 г.) сопровождалось снижением уровня позитивных и усилением нейтральных ожиданий (табл. 2) [23].

Таблица 2

Динамика изменения позитивных ожиданий россиян в 1998–2003 гг. (%)

Позитивное ожидание	Дата опроса					
	декабрь					
	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Улучшение ситуации в стране	16	43	47	31	33	33
Улучшение ситуации лично для себя	21	41	46	36	38	39

Двухлетний срок подтверждается и анализом ожиданий населения относительно деятельности новых руководителей на региональном уровне. Так, по данным опроса «РОМИР – Саратов», проведенного в июне 2005 г., 46,4% опрошенных полагало, что в течение первых полутора-двух лет новому губернатору (П.Л. Ипатову, приступившему к обязанностям в апреле 2005 г.) удастся «реализовать основные направления деятельности» [24, с. 7]. Оценки остальных опрошенных значительно разнятся. К слову сказать, завершение двухлетнего периода губернаторства П.Л. Ипатова сопровождалось стремительным падением уровнем доверия: если в первые месяцы его работы на новой должности (июнь 2005 г.) ему доверяли более 60% жителей региона, то в сентябре 2007 г. – уже 48,2% [25]. В марте 2008 г. уровень доверия губернатору снизился до 33,7% [26].

Анализ обращений граждан, поступающих в органы власти, также свидетельствует о сохранении ранее выявленной тенденции. Как показывает практика, авторы обращений готовы в течение двух лет ждать от власти шагов по решению жизненно важных для них проблем, однако по прошествии этого срока их оценки власти резко меняются. Рассмотрим данный тезис на материалах Саратовской области.

Ежегодно в правительство Саратовской области обращается 60–65 тыс. человек с просьбой оказать содействие в решении проблем. Так, в 2000 г. зарегистрировано 60 558 обращений, в 2001 г. – 53 262, в 2002 г. – 60 077, а в 2003 г. – 63 171 обращение [27]. Их рост неизбежно приводит к повышению уровня ожиданий населения. Однако процент исполнения всевозможных наказов и обращений остается невысоким и колеблется от 7 до 25% в зависимости от целей ведения статистики по данному вопросу [27].

Для большинства граждан неудачный опыт обращения за помощью в органы власти становится причиной разочарования. В результате уровень негативных оценок деятельности власти возрастает [27, 28]. Так, количество обращений жителей Саратовской области в правительство Саратовской области возросло с 4898 в 1995 г. до 63 171 в 2003 г., что привело к увеличению количества негативных оценок деятельности органов власти и лично губернатора области Д.Ф. Аяцкова (уровень недоверия к нему вырос с 11,1% в 1998 г. до 68% в 2003 г.). Нет оснований утверждать, что данный фактор является единственным, определяющим отношение к главе региона, но он, бесспорно, значим. Обращение в органы власти – своеобразный опыт личного взаимодействия с властными структурами, и полученный результат оказывается намного значительнее медиа-воздействия.

Таким образом, анализ практического материала позволяет нам считать обоснованным выделение среднесрочных ожиданий со сроком реализации от нескольких месяцев до 2–3-х лет.

Долгосрочные ожидания, превышающие срок в 2–3 года, базируются на сформировавшейся системе ценностей, при этом объектом ожиданий становятся те ценности, которые целенаправленно актуализируются, в нашем случае – отдельными политическими институтами. Поэтому можно называть их ценностными ожиданиями.

Под ценностями следует понимать «фундаментальные ментальные образования, абстрактные идеалы, существующие в сознании каждого человека ориентиром, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия» [29, с. 62]. Ценности, таким образом, выражаются в отношении человека к окружающему миру, имеют устойчивый и основополагающий характер. Они фиксируются в форме эмпирически выявляемых предпочтений и ориентаций индивида. Структура ценностей формирует и структуру долгосрочных ожиданий: «Ценности – это желательное, предпочтительное для данного социального субъекта (индивида, социальной группы, общества) состояние социальных связей, принципов и практики социальных взаимоотношений, критерий оценки реальных явлений; они определяют смысл, стратегию целенаправленной деятельности и тем самым регулируют социальные взаимодействия; внутренне побуждают к деятельности» [30, с. 13–14].

В ходе обоснования хронологической классификации ожиданий населения нами было предложено и обосновано выделение трех самостоятельных типов ожиданий: краткосрочных (ситуативных), продолжительность существования которых не превышает нескольких недель, среднесрочных – со сроком реализации до 2–3-х лет и долгосрочных, отличительной чертой которых является их значительная временная устойчивость. Срок реализации данных ожиданий превышает 2–3-х-летний период. Различие в природе каждого из типов ожиданий определяет специфику поведения, мотивированного ими. Это ставит задачу разработки технологий управления ожиданиями различного типа как в части их структурирования, так и в реализации.

По логике данной статьи политическую деятельность по управлению массовым поведением можно представить как процесс постоянного конструирования системы ожиданий и их реализации в повседневной практике. При этом наибольшее значение имеют средне- и краткосрочные (ситуативные) ожидания, так как именно они имеют жестко фиксируемое временное измерение, что необычайно важно для политического процесса. Специфика объектов ожиданий позволяет формировать набор уникальных технологий, оперирование которыми способствует достижению поставленных целей. Достаточно сложной представляется проблема определения приоритетов в процессе формирования ожиданий и влияния различных хронологически определенных типов ожиданий на политическое поведение. Эта проблематика требует дополнительного изучения.

Библиографический список

1. Баранов С.Д. Российское электоральное пространство: структура и динамика («круглый стол») // Вестн. Моск. ун-та. Сер 12: Политические науки. 2000. № 4.
2. URL: bd.fom.ru/report/map/dd062522
3. URL: bd.fom.ru/report/map/dd044411
4. URL: bd.fom.ru/report/map/d074522
5. URL: bd.fom.ru/report/map/dd044411
6. Как забывают теракты // Коммерсантъ Власть. 2005. № 35.
7. URL: bd.fom.ru/report/map/d075101
8. URL: bd.fom.ru/report/map/d074902
9. URL: bd.fom.ru/report/map/d074802

10. URL: bd.fom.ru/report/map/d074702
11. URL: bd.fom.ru/report/map/d074601
12. URL: bd.fom.ru/report/map/d074501
13. URL: bd.fom.ru/report/map/d074402
14. URL: bd.fom.ru/report/map/d074301
15. URL: bd.fom.ru/report/map/d074201
16. URL: bd.fom.ru/report/map/d074101
17. URL: bd.fom.ru/report/map/d074001
18. URL: bd.fom.ru/report/map/d073901
19. URL: bd.fom.ru/report/map/d073801
20. URL: bd.fom.ru/report/map/d073701
21. URL: bd.fom.ru/report/map/d073601
22. *Davis J., Gurr T.* The «J-curve» of rising and declining satisfaction as a cause of some great revolutions and contained rebellion // *Violence in America*. N.Y., 1969.
23. URL: bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0751/d075122.
24. *Бутенко Т.* Дембельский аккорд // *Время*. 2007. 2 апр. (№ 12).
25. URL: saratov.gov.ru/news/events/detail.php?ID=20190&phrase_id=72179
26. URL: www.redcollegia.ru/2955.html/
27. URL: saratov.gov.ru/government/departments/priem/arhiv.html
28. *Фомин О.Н., Иванова Н.В.* Политический анализ: методика определения центров сил. Саратов, 2005.
29. *Ховалыг Д.В.* Коммуникативная природа ценностей и их трансформация в медийном пространстве // *Политические исследования*. 2008. № 1.
30. *Пирогова Ю.С.* Динамика ценностных ориентаций населения региона на современном этапе трансформации общества: дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2004.

V.N. Kuzin
Stating the Food Security
Problem in the USSR:
Historical and Legal Aspect

The author notes that the discussion of the USSR food security problem arose in 1920s. The process of formation of the relevant legal basis for the salvation of this problem in the context of the state development process is considered.

Key words and word-combinations: state policy, food security problem, food resources, state and party documents.

Отмечено, что проблема продовольственной безопасности в СССР поднята в 1920-е годы. В контексте государственного развития рассматривается процесс формирования правовой основы решения проблемы продовольственной безопасности.

Ключевые слова и словосочетания: государственная политика, продовольственная безопасность, продовольственные ресурсы, государственные и партийные документы.

УДК 338.43:351
 ББК 65.32:67.401.11(2Рос)

В.Н. Кузин

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В СССР:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ
АСПЕКТ

Принято считать, что проблема продовольственной безопасности была осознана мировым сообществом еще в 1970-х годах [1, с. 89–92]. Но и сегодня у ученых и специалистов-управленцев отсутствует единое понимание сущности продовольственной безопасности и как научной категории, и как прак-

тически значимой сферы продовольственного обеспечения [2, с. 39]. Не сформулировано и единого определения продовольственной безопасности, хотя чаще всего под ней понимается способность государства обеспечить определенный достаточный уровень питания населения страны. Историко-правовой анализ документов и источников, прежде всего, ранее недоступных, позволяет утверждать, что в нашей стране, столкнувшейся с серьезнейшими продовольственными кризисами, такое понимание произошло гораздо раньше – уже в 1920-х годах. И хотя современного термина «продовольственная безопасность» тогда еще не существовало, тем не менее весь ход государственного развития того времени и формирование соответствующей правовой базы позволяют говорить о постановке этой проблемы в практической плоскости.

Необходимо заметить, что уровень продовольственного обеспечения населения обуславливается системой факторов – такими, как уровень аграрного производства, оперативность снабжения, организация торговли, культура продовольственного потребления, демографические процессы, климатические и иные особенности природы. Негативное проявление любого из перечисленных факторов приводит к «разбалансировке» системы продовольственного обеспечения, что уже составляет угрозу продовольственной безопасности. Поэтому «неотъемлемым элементом системы продовольственной безопасности всегда выступает наличие государственных запасов зерна» [3, с. 27].

Советский опыт показывает, что продовольственное обеспечение населения зависит еще и от господствующей идеологии, которая определяет характер и темпы развития производительных сил деревни, а также качество самого государственного управления. Все это получило отражение в нормах советского права и позволяет достаточно точно выявить хронологию проблемы.

Как известно, в результате ряда внешне- и внутривополитических, различных по своей природе причин, в некоторых регионах страны в начале 1920-х годов случился масштабный голод, одним из следствий которого стало осознание властью необходимости застраховаться от него на будущее. Поэтому, как только кризис был преодолен, уже в феврале 1923 г. один из ведущих ученых-аграриев Н.Д. Кондратьев выдвинул предложение «о создании некоторого хлебозапасного фонда в руках государства» [4, с. 364].

Следующий год стал переломным в развитии всего советского хозяйства, и с этого времени государство получило реальную возможность влиять на рыночную конъюнктуру, контролировать ситуацию с продовольствием. Важно отметить, что в советских публикациях этого года уже начала звучать тема продовольственного обеспечения, был поднят вопрос о необходимости наличия у государства хлебных запасов. Более того, именно в относительно спокойном в продовольственном отношении 1924 г. в Советской стране в небольшой брошюре впервые были обозначены приблизительные расчеты норм потребления на человека (20 пудов 8 фунтов) и необходимых запасов в стране (около 400 млн пудов хлеба) [5, с. 16]. Однако главная проблема заключалась в отсутствии источника этих стратегических накоплений.

Следует особо подчеркнуть, что направление и темпы хозяйственному развитию страны задавали партийные документы, которые, не являясь в строгом

смысле нормативными правовыми актами, в условиях советской действительности нередко играли роль законов. Так, в январе 1924 г. в резолюции XIII конференции РКП(б) об очередных задачах экономической политики впервые была отмечена необходимость «принять все меры к организации государственной хлебной торговли на внутреннем рынке в формах, обеспечивающих устойчивость хлебных цен (переброски соответствующих количеств хлеба, регулирование тарифов, развитие сети элеваторов и пр.» [6, с. 399]. В данном документе зерновые запасы пока еще рассматриваются только как средство влияния на рыночную стихию, но в содержании резолюции уже можно увидеть все основные элементы будущей системы продовольственного обеспечения (элеваторы, переброска хлеба, регулирование тарифов).

В середине весны 1924 г. был сделан важный шаг на пути создания системы продовольственной безопасности. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР «Об элеваторах и зерноскладах, имеющих общесоюзное значение» был утвержден соответствующий перечень, включивший 121 элеватор и 51 зерносклад. Причем зернохранилища, признанные имеющими государственное значение, были распределены по всей территории страны, а Совету труда и обороны было поручено разработать порядок управления ими [7, ст. 540]. Правовой статус элеваторов, как «имеющих общесоюзное значение», не раскрывается, можно лишь предполагать, что данные зернохранилища выводились из подчинения республиканских органов.

Следует отметить весьма примечательную деталь: уже 28 мая 1924 г. перечень элеваторов, получивших общесоюзное значение, был дополнен Новороссийским, Ростовским, Николаевским, Одесским и Ленинградским элеваторами [8, ст. 648]. Необходимо обратить внимание на их расположение – это были припортовые зернохранилища, что позволяет сделать вывод об их преимущественном ориентировании на вывоз зерна. Представляется, что названные документы свидетельствуют о подготовке материальной базы для аккумуляции продовольственных резервов и подготовки их к экспорту.

Становится совершенно очевидным, что перед руководством государства постепенно вырисовывалась сложная двудеятельная задача: создать достаточные внутренние запасы и обеспечить за счет продажи хлеба на внешнем рынке получение валюты.

На проходившем в мае 1925 г. III Съезда Советов СССР прозвучали предложения, проведение в жизнь которых было призвано коренным образом преобразовать лицо деревни [6, с. 472–479]. Предусматривались конкретные меры по развитию кооперации, улучшению урожайности, снабжению хозяйств тракторами и инвентарем. Более того, было сделано совершенно революционное предложение заинтересовать крестьянство в увеличении вывоза сельскохозяйственной продукции, причем не только зерна, но и льна, масла, свинины, птицы, табака. Признавалось необходимым строительство перерабатывающих цехов и заводов, элеваторов и холодильников, поскольку вывоз за границу крестьянских продуктов в любом переработанном виде представлялся более выгодным, чем вывоз сырья.

Таким образом, увеличивать доходность крестьянского хозяйства планирова-

лось прежде всего за счет продажи его продукции на внешнем рынке. Получение крестьянами части получаемой государством экспортной выручки резко повышало бы рентабельность крестьянского хозяйства.

Очевидно, что эти решения Съезда родились во время его работы, отражали настроения большинства депутатов, но во многом выходили за рамки партийных установок и потому, к сожалению, остались простой декларацией. Реальный механизм их реализации так и не был создан, а подзаконные акты, необходимые для конкретизации порядка реализации решений, не были разработаны. Уже через год, на следующем Съезде о прозвучавших предложениях и не вспомнят, но даже та их часть, которая все же была реализована, стала катализатором развития сельского хозяйства.

Необходимо отметить, что если раньше приоритет в развитии народного хозяйства принадлежал аграрному сектору, то после Съезда главным направлением развития обозначена индустриализация [9]. Сельское хозяйство стало рассматриваться лишь как источник средств и сырья. С этого времени в промышленности начали осуществляться широкие капиталовложения, не обеспеченные реальными деньгами. Госплан начал губящую червонец банковскую эмиссию, деньги обесценивались. Крестьяне стали придерживать хлеб, на который государство умышленно установило низкие закупочные цены.

В итоге в июне 1925 г. И.В. Сталин был вынужден поднять проблему создания продовольственных резервов: «Мы можем и должны держать в распоряжении государства достаточные продовольственные запасы, необходимые для того, чтобы давить на продовольственный рынок, вмешиваться в дело, когда это необходимо, поддерживать цены на приемлемом для трудящихся масс уровне и срывать, таким образом, спекулянтские махинации кулачества» [10, с. 124–125]. В декабре того же года проблема государственных резервов была поднята уже на XIV съезде ВКП(б): в резолюции по отчету ЦК партии вновь отмечена необходимость «готовить по возможности экономические резервы, могущие обеспечить страну от всех и всяких случайностей, как на внутреннем, так и на внешнем рынке» [11, с. 195]. С дополнением «по возможности» фактически это было никого и ни к чему не обязывающее решение.

Подчеркнем, что начавшиеся проблемы с хлебозаготовками происходили на фоне хозяйственного подъема в деревне. Развивался процесс коллективизации и кооперирования, необходимо было только грамотно направить деловую активность деревни в нужное русло. Однако вместо этого началась выматывающая гонка индустриализации. В результате авантюрной хозяйственной политики со второй половины 1920-х годов рыночная система в стране стала разрушаться. Цены были выведены из равновесия, регулирующую функцию стал выполнять не рынок, а государство. Этим было положено начало складыванию командно-административной системы управления экономикой.

На таком фоне в начале 1926 г. наконец-то приходит понимание того, что необходимо создание системы продовольственного обеспечения, предназначенной уже не для регулирования рынка, а для жизнеобеспечения страны. Выступая 13 апреля перед активом ленинградской организации ВКП(б), И.В. Сталин

определенно заявил: «Нужно, чтобы в руках государства скапливались известные резервы, необходимые для страховки страны от всякого рода случайностей (недород), для питания промышленности, для поддержания сельского хозяйства, для развития культуры и т.д. Жить и работать теперь без резервов нельзя. Даже крестьянин с его маленьким хозяйством не может теперь обходиться без известных запасов. Тем более не может обойтись без резервов государство великой страны» [12, с. 127]. Здесь уже можно говорить о зарождении системного подхода к проблеме продовольственной безопасности, попытке увязать национальное сельское хозяйство с наличием государственных резервов.

Однако реальные решения по созданию системы продовольственного обеспечения по-прежнему отсутствовали. Так, в апреле того же года пленум ЦК ВКП(б) принимает очередную резолюцию в которой, уже как заклинание, вновь говорится о том, что «образование в руках государства достаточных резервов является необходимым условие планового руководства хозяйственной жизнью страны» [6, с. 516]. Но только в начале 1927 г. были приняты практические шаги по созданию такой системы: 11 января СНК СССР принял Положение «О постоянном государственном хлебном фонде» [13, ст. 49]. Общий размер фонда должен был устанавливаться ежегодно Советом труда и обороны по представлению Наркомторга. Следует признать, что это было явно нелогичное решение – Комиссариат торговли по определению не мог знать потребности армии, мобилизационные планы правительства, проблемы внутренней и внешней политики. Вместе с тем отметим, что с этого постановления началось формирование правовой базы Государственного хлебного фонда.

1927 год печально известен началом истерии по поводу надуманной «военной опасности». Справедливо отмечено, что «в Советском Союзе нагнеталась атмосфера, призванная создать впечатление надвигавшегося на страну непосредственного военного нападения» [14, с. 21]. В условиях военного психоза информация по государственным резервам приобретала все более закрытый характер, что, собственно, и является основной трудностью в исследовании данной проблемы.

Так, 22 июля 1927 г. было принято уже секретное протокольное постановление Совета труда и обороны, определившее предварительный план хлебозаготовок 1927–1928 гг. в 675 млн пудов зерновых и 75 млн пудов маслосемян. Вновь констатировалась необходимость создания Госхлебфонда, но его конкретный размер определен так и не был [15, с. 771]. 27 июля было принято новое секретное постановление СТО «О директивах на хлебную кампанию 1927/28 г.». В разделе, посвященном использованию хлеба и снабжению внутреннего рынка снова говорится о необходимости «принять необходимые меры к исполнению постановления СТО от 22 июля об образовании государственного хлебного фонда» [15, с. 82–84]. Однако объемы и расположение резервов по-прежнему не были определены. К осени вся информация, связанная с экспортом хлеба, становится государственной тайной. В частности, 12 сентября 1927 г. по каналам ОГПУ было разослано предписание Главлита о запрещении

оглашения сведений об экспорте отдельных хлебных культур – пшеницы, ржи, овса, ячменя, даже об отходе за границу судов с небольшими партиями этих культур.

В феврале 1928 г. была принята новая редакция постановления СНК СССР о государственном хлебном фонде. Расходование ГХФ, цены на заготовливаемый хлеб теперь устанавливались Наркомторгом СССР уже на основании указаний Совета труда и обороны. При наличии исключительных обстоятельств Наркомторгу разрешалось производить расходование резервов фонда без соответствующего постановления Совета труда и обороны в количестве не более 5 млн пудов в течение года с последующим докладом о каждом случае расходования хлеба.

Следует отметить, что к этому времени руководство государством уже не располагало достоверными данными о состоянии дел в сельском хозяйстве. Еще в декабре 1925 г. было заменено все руководство Центрального статистического управления, а новое стало давать «нужные» руководству государства цифры, в значительной степени расходящиеся с действительностью. Об этом свидетельствует постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об итогах хлебозаготовок, о плане хлебозаготовок на IV квартал 1926/27 г. и о контрольных цифрах хлебозаготовок будущего года» от 15 сентября 1927 г. В нем говорится, что «ввиду того, что виды на урожай оказались лучше, чем это предполагалось ранее, признать необходимым увеличить общую цифру плана хлебозаготовок на 1927/28 г. до 740 млн пуд. зерновых хлебов; ввиду того, что экспорт пшеницы с 80 млн пуд. терпит прогрессивное падение, обязать Наркомторг принять меры к тому, чтобы это падение не дошло до цифры ниже 40 млн пуд, для чего ввести употребление смешанной муки вместо пшеничной» [15, с. 88].

Казалось бы, складывается иррациональная картина: хлеба стало больше, но его нет, и потому внутри государства надо перейти на смешанную муку вместо пшеничной. Все дело в том, что первый поток хлеба от нуждающихся в деньгах бедняков и середняков иссяк к сентябрю. С октября ход хлебозаготовок упал. К концу года ситуация стала критической: по сравнению с прошлым годом государство недополучило 128 млн пудов [16]. Перебои с хлебом в государственных магазинах привели к росту цен на рынке. Подорожание зерна вызвало подорожание продуктов животноводства. Началась цепная реакция, и произошел резкий скачок рыночных цен.

3 октября 1927 г. Нарком торговли СССР А.И. Микоян на заседании коллегии Наркомата, посвященном ходу хлебозаготовок, заявил: «Придется сократить экспорт зерновых, вместо 195 млн тонн взять план примерно в 90 млн. В прошлом году у нас было другое положение, а в этом году, ввиду того, что мы должны образовать хлебный фонд, экспорт будет сильнее во вторую половину года» [15, с. 94]. Здесь интересно само объяснение затруднений: «мы должны образовать хлебный фонд», – выходит, до этого его или не было, или он был образован в незначительном объеме? По сути, это явилось официальным признанием проблемы с выполнением государственного решения по образованию государственных резервов.

Фактический срыв хлебозаготовок стал следствием целого ряда политических и экономических ошибок руководства. Причем заготовленного хлеба не хватило даже для снабжения потребителей, находившихся на обеспечении государства: армии, горожан, бедноты, сдатчиков технических культур. Государство сократило экспорт до 110 млн пудов, но, не дотянув до нового урожая, импортировало 15 млн пудов пшеницы [16]. Следовательно, Государственный хлебный фонд в лучшем случае не пополнялся, в худшем – был пуст, что подтверждается выступлением И.В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б), проходившем с 4 по 12 июля 1928 г. Выступая на нем, руководитель партии прямо заявил: «Если бы у нас был резерв хлеба миллионов в 100 пудов для того, чтобы переждать и взять потом измором кулака, интервенируя рынок, мы, конечно, не пошли бы на чрезвычайные меры. Но вы знаете хорошо, что у нас этого резерва не было» [16, с. 325].

Документы, прежде имевшие гриф «совершенно секретно», подтверждают, что в хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг. план экспорта составлял 130 000 000 пудов. «В госхлебфонд по плану было намечено сдать 50 000 000 пуд. хлебопродуктов, причем максимальное количество госхлебфонд имел к 1 января, когда для него было забронировано до 24 000 000 пуд.» [15, с. 355–356]. Точнее говоря, государственные запасы стали таять, достигнув максимального значения всего в 24 млн пудов (пятой части от расчетного).

На этом же пленуме, 9 июля, И.В. Сталин уже определенно сказал о проблеме продовольственной безопасности страны: «Только слепые могут сомневаться, что зерновая проблема бьет теперь во все поры советской общественности. Мы не можем жить, как цыгане, без хлебных резервов, без известных резервов на случай неурожая, без резервов для маневрирования на рынке, без резервов на случай войны, наконец, без некоторых резервов для экспорта. Даже мелкий крестьянин при всей скудости его хозяйства не обходится без известных резервов, без некоторых запасов. Разве не ясно, что великое государство, занимающее шестую часть суши, не может обойтись без хлебных резервов для внутренних и внешних надобностей». Далее он перечислил стратегические предпосылки, обуславливающие необходимость продовольственных запасов: «Чтобы оборонять страну, мы должны иметь известные запасы для снабжения армии, хотя бы на первые шесть месяцев... Нам, безусловно, необходим хлебный резерв для интервенции в дела хлебного рынка, для проведения нашей политики цен... Нам абсолютно необходим известный резерв хлеба для того, чтобы обеспечить в случае неурожая голодные районы, хотя бы в известной мере, хотя бы на известный срок. Но мы не будем иметь такого резерва, если мы не увеличим производство товарного хлеба и не откажемся круто и решительно от старой привычки жить без запасов... у нас не хватает также известного минимума запасов для того, чтобы безболезненно перейти от одного заготовительного года к другому заготовительному году и снабжать бесперебойно города в такие трудные месяцы, как июнь – июль. Можно ли после этого отрицать остроту зерновой проблемы и серьезность наших затруднений на хлебном фронте?» [17, с. 176–178].

Хотя современное понятие «продовольственная безопасность» в этом вы-

ступлении и отсутствует, совершенно очевидно, что вместо него, в соответствии с терминологией того времени, употребляется выражение «зерновая проблема на хлебном фронте». Важно отметить, что впервые были открыто озвучены временные показатели необходимых государственных стратегических запасов – на шесть месяцев. Причем Сталин подтверждал, что до этого времени они в должном объеме в стране не были созданы, было обозначено и средство достижения продовольственной безопасности – увеличение производства товарного хлеба. В апреле 1929 г. руководитель партии впервые количественно наметил объем государственных резервов. Выступая с речью на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), он заявил: «Нам нужно для обеспечения хлебом городов и промышленных пунктов, Красной Армии и районов технических культур около 500 млн пудов ежегодно» [18, с. 87].

Таким образом, до начала индустриализации и массовой коллективизации проблема продовольственного обеспечения и создания государственных продовольственных запасов уже воспринималась как комплексная задача, но решение ее так и не было найдено. С началом индустриализации средств для ее решения уже не стало. Так, в сентябре 1928 г. был принят бюджет РСФСР на 1928/29 бюджетный год. В строке расходов «Образование особого резерва» на 1927/28 г. констатировалось выделение 18,9 млн рублей, но на 1928/29 г. финансирование уже не предусматривалось. Более того, по разделу «Хлебный фонд» ни в 1927/28 г., ни в 1928/29 г. финансы не выделялись.

Анализ нормативных актов и источников убеждает, что в нашей стране в середине 1920-х годов уже была осознана проблема продовольственной безопасности, были намечены системные подходы к ее решению и положено начало формирования соответствующей правовой базы. Однако перекос хозяйственного развития в сторону форсированной индустриализации, усугубленный господством идеологии, отрицающей индивидуальное хозяйство, подорвал производительные силы сельского хозяйства. Проблема на государственном уровне не была разрешена и к ситуации 1933 г. (следующего масштабного голода) страна оказалась не подготовленной.

Библиографический список

1. *Филонова Т.* Продовольственная безопасность: анализ факторов и их взаимосвязь // *Власть*. 2006. № 12.
2. *Оболенцев И., Корнилов М., Синюков М.* Продовольственная безопасность // *Экономист*. М., 2005. № 12.
3. *Шмелев Г.И., Назаренко В.И., Блинова Е.Н.* Продовольственная безопасность России: Пути достижения // *Проблемы прогнозирования*. М., 1999. № 1.
4. *Кондратьев Н.Д.* Относительное падение хлебных цен: избр. соч. / ред. кол. Л.И. Абалкин [и др.]; сост. В.М. Бондаренко [и др.]. М., 1993.
5. *Наше внешнее и внутреннее положение* / сост. В. Глыбов. М., 1924.
6. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.* М., 1967. Т. 1: 1917–1928 годы.
7. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*. 1924. № 55. Ст. 540.
8. Там же. № 826. Ст. 648.

9. Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.
10. *Сталин И.В.* Вопросы и ответы // Соч. М., 1947. Т. 7.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II: 1924–1930. М., 1954.
12. *Сталин И.В.* О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии // Соч. М., 1948. Т. 8: 1926. январь – ноябрь.
13. Собрание Законодательства Союза ССР. 1927. № 5.
14. *Нежинский Л.Н.* Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // История СССР. М., 1990. № 6.
15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999.
16. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999.
17. *Сталин И.* Об индустриализации и хлебной проблеме // Соч. М., 1949. Т. 11.
18. *Сталин И.В.* О правом уклоне в ВКП(б) // Соч. Т. 12.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

V.A. Trukhanov
**Problems of Civil Society
Formation in Modern Russia**

It is stated that there are institutions of civil society in Russia but their efficiency is rather poor. The author studies legal, political, social and cultural indicators of its performance.

Key words and word-combinations: civil society, legal and political problems, social and cultural problems, tolerance.

Отмечается, что институты гражданского общества в России присутствуют, но эффективность их влияния на власть довольно низкая. Исследуются юридические, политические, социальные и культурные индикаторы его работы.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское общество, правовые и политические проблемы, социальные и культурные проблемы, толерантность.

УДК 1:316.27(470+571)
ББК 60.027(2Рос)

В.А. Труханов

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Общественно-политические системы современных демократических стран характеризуются, прежде всего, развитым гражданским обществом, способным ощутимо влиять на властную элиту.

Вопрос о сущности гражданского общества, его функционировании в бывших странах с командно-административной системой управления остается во многом дискуссионным. Так, фонд «Общественное мнение» Института социологии РАН провел исследование в шестидесяти восьми субъектах РФ по выявлению предпосылок развития гражданского общества. Для этого исследования были разработаны и применены на практике пятнадцать показателей, в частности, такие, как «уровень доверия», «ощущение гражданами личной безопасности», «толерантность», «соблюдение гражданских прав и свобод», «уровень информированности населения об общественных объединениях» [1]. Как видно из результатов исследования, для того, что-

бы адекватно оценить реальные перспективы формирования в России гражданского общества, важно: во-первых, не только непредвзято определить характер институциональной среды, но и учитывать динамику массовых настроений, в том числе и касающихся отношения к демократическим ценностям и институтам, тем или иным способам и формам гражданской самоорганизации; во-вторых, прекратить «списывать» все издержки на наследие «коммунистического прошлого» или сложности осуществляемых политических и экономических преобразований.

Анализ научной литературы показывает, что понятие «гражданское общество» характеризуется многозначностью и недостаточной проработанностью в современных политологических и социологических теориях [2, с. 118–128; 3, с. 59–63; 4]. Актуальность рассматриваемого понятия и введение его в лексикон обществоведов и политических деятелей были обусловлены тем, что в нем в концентрированном виде были сосредоточены многие идеалы – такие, как свобода частных лиц, экономический и политический суверенитет граждан, отсутствие давления и насилия на них со стороны государства.

Как известно, гражданское общество – это система негосударственных общественных институтов и отношений, выражающая разнообразные интересы, потребности и ценности членов общества и дающая человеку возможность реализовать его гражданские права [4, с. 68]. Под инфраструктурой гражданского общества нами понимается комплекс взаимодействующих между собой институтов, ролей, связей, норм и традиций. При анализе проблем, связанных со становлением гражданского общества, приходится сталкиваться с необходимостью рассмотрения структуры институтов гражданского общества.

Использование структурно-функционального подхода позволило нам, взяв за основу классификации сферы общественной жизни (политической, социальной, экономической и духовной), структурировать институты гражданского общества в современной России следующим образом. В политической сфере: партии, общественно-политические движения, профсоюзы; в социальной сфере: семья, социальные группы, этносы; в экономической сфере: коммерческие, финансово-промышленные и другие негосударственные коммерческие предприятия и организации; в духовной сфере: церковь, средства массовой информации, творческие союзы. Данная классификация, конечно же, является во многом условной и не полной. Можно выделить значительно больше институтов в структуре гражданского общества, все зависит от тех целей, которые ставит перед собой исследователь данной проблемы.

Определившись с институтами гражданского общества, исключительно важно понять, в чем же заключаются сложности в становлении гражданского общества? Ведь практически все перечисленные институты в российском социуме имеются, но результаты функционирования гражданского общества в целом оставляют желать лучшего. Значит, должны быть в наличии другие составляющие, а не только структурные элементы. Остановимся только на имеющих отношение к становлению гражданского общества в России проблемах правового, политического, социально-культурного и социального характера.

Итак, *проблемы правового характера*. Общеизвестно, что гражданское общество предполагает наличие правового государства. Ученые нашей страны

среди признаков правового государства традиционно называют юридическую защиту личности и высокую правовую культуру граждан, соблюдение законности, эффективно действующие правоохранительные органы, свободу и хозяйственную самостоятельность в сфере производства и потребления, стабильность конституционного порядка, верховенство закона, юридическое равенство граждан, отлаженный механизм правовой защиты личности, высший контроль над соблюдением законов, народовластие, самоуправление, уважение прав и достоинств личности, законность, единство прав и обязанностей.

Отмечая особенности правового государства, обычно говорят о том, что между ним и личностью должны существовать взаимные права и обязанности, устойчивые правовые отношения. Однако в данном случае можно обратить внимание на то, что в отношениях между человеком и государством примат принадлежит первому, поскольку это вытекает из важнейшей задачи конституции – подчинить государство обществу. Не общество и его члены служат государству, не власть наделяет людей правами и обязанностями, а, напротив, государство в условиях демократии служит обществу и человеку. Каждый человек рождается свободным и равным другому, как личность он обладает неотчуждаемым кругом прав и свобод. Люди создают государство, в том числе и, прежде всего, для того, чтобы оно обеспечивало их безопасность и общественный порядок, защищало гражданские права и свободы, ограждало от асоциальных проявлений, от посягательств на жизнь, здоровье, имущество, честь и достоинство человека, а также от внешних нашествий, военных нападений и других угроз.

К сожалению, для нашей страны это во многом теория. Так, например, правоохранительные органы воспринимаются большинством россиян защитником каких угодно интересов, только не общественных. Чиновник чаще всего ассоциируется со взяточничеством, а это порождает прогрессирующее отчуждение граждан от государства, что подрывает основы гражданского участия.

Их можно охарактеризовать следующим образом.

Проблемы политического характера.

Во-первых, в России очевиден низкий уровень доверия к власти как таковой, что на первый взгляд входит в явное противоречие с беспрецедентно высоким уровнем поддержки как предыдущего, так и действующего главы государства, выступающих в определенном смысле персонифицированным олицетворением власти. В таком противоречии отчетливо просматривается присущее россиянам двойственное восприятие роли государства, а также многих политических и общественных институтов. С одной стороны, есть вполне естественная потребность в некоей силе (в данном случае президенте), которая могла бы защитить от давления бюрократии и ограничить экспансионистскую природу рынка с его стремлением подчинить себе все сферы жизни, а с другой – людям свойственно недоверие к любому администрированию и контролю.

Во-вторых, навязывание властью институтов гражданского общества сверху: яркий пример Общественная палата Российской Федерации, созданная по инициативе исполнительной власти, а также создание по инициативе региональных властей аналогичных институтов в ряде субъектов Российской Федерации.

В-третьих, дискредитация в общественном мнении идеи оппозиции, в ре-

зультате чего уровень рациональности в восприятии политических процессов снижается. Однако итогом здесь становится не исчезновение, а ее превращение во внешний субъект по отношению к политической системе. Оппозиция легитимируется уже не национальным общественным мнением и партийно-политической системой, но мировым сообществом, что мы неоднократно наблюдали в течение прошедшего года, когда давление на Россию по разным поводам было как никогда сильным.

Проблемы социально-культурного плана. Специфика развития гражданского общества в современной России и возможности его воздействия на процесс демократизации в значительной мере обусловлены особенностями общественного сознания и базовых ценностей россиян. В связи с этим нам представляется важным расширить понятие политической культуры включением такого элемента, как толерантность, поскольку современное общество перегружено негативными эмоциями в социальных, этнических, конфессиональных отношениях, и это, безусловно, накладывает отпечаток на политический дискурс власти и общества. Стоит отметить, что толерантность не подразумевает все терпимости и не должна быть синонимом индифферентности. Под знаменами идей толерантности и плюрализма нельзя разрушать базовые ценности российского общества, а также ограничивать участие граждан в политическом процессе, иначе это повлечет за собой еще более негативные последствия для процесса становления гражданского общества.

На проблемы становления гражданского общества в современной России во многом влияет процесс формирования политической культуры. Его содержание во многом зависит от характера связей и отношений индивида со своим историческим прошлым (ментальная составляющая политического сознания), взаимодействия с политической системой, определяемого состоянием и тенденциями реального развития социально-политического процесса в стране, а также от реализации социализационных функций обществом и государством. Результатом этого процесса будет формирование гражданской позиции, как итог не только усиления самого индивида, но и целенаправленного воздействия на него со стороны государственных и социальных институтов.

К сожалению, в политической культуре российского общества преобладают такие качества, как абсентеизм и патернализм, что, естественно, не способствует становлению и функционированию гражданского общества. Обычно это объясняется тем, что жизненная энергия людей практически безраздельно расходуется на элементарное выживание и адаптацию к новым условиям и обстоятельствам жизни, и у них уже нет ни времени, ни желания интересоваться, а тем более заниматься чем-нибудь сверх того.

Проблемы социального характера. Детерминированы данные проблемы, в первую очередь, распадом советского политического строя, который породил резкое социальное расслоение и неуверенность в будущем у большей части населения России. Кроме того, отметим практическое отсутствие среднего класса в современном социуме. В стране пока не сформировались крупные социальные слои, кровно заинтересованные в демократическом векторе развития России, а главное – способные использовать имеющиеся возможности для самоорганизации, для отстаивания собственных интересов. Отчасти это связано с

тем, что процесс социального структурирования общества еще далек от завершения. Разные группы активно перемещаются в социальной структуре, и в этом смысле сам средний класс представляет собой некий «перекресток мобильности». Вместе с тем для формирования в России гражданского общества большое значение имеют процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных социальных сообществ.

Таков далеко не полный перечень проблем, от которых зависит формирование гражданского общества в России. К ним можно добавить правовой нигилизм, макиавеллизм в политике, породивший пренебрежение нормами морали, а нередко и права, недоверие к власти, отсутствие ощущения гражданами личной безопасности, несоблюдение гражданских прав и свобод, низкий уровень информированности населения об общественных объединениях. Все это ставит под сомнение перспективы построения гражданского общества в современной России. Противодействие этому мы видим прежде всего в развитой системе политического и правового воспитания граждан.

Библиографический список

1. Перспективы развития гражданского общества в области назвали «неблагоприятными». URL: <http://news.sarbc.ru/main/2008/11/05/84900.html> (дата обращения: 05.11.2008).
2. Сидорина Т.Ю. Социальный контракт и гражданское общество в исторической перспективе и современных российских реалиях // Экономич. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2007. Т. 5, № 2.
3. Шушпанова И.С. Гражданское общество в социологическом измерении // Социологич. исследования. 2008. № 11.
4. Андропова И.В. Политические и социокультурные условия становления гражданского общества в современной России: дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2004.

E.S. Mikhailova
**Mechanisms of Political Parties
and Groups of Interests' Interaction
from the Viewpoint of the Societal
Demarcation Theory**

Forms and directions of interaction between political parties, and groups of interests with the regard to their societal nature are considered. Russian specificity in comparison with the European one is shown.

Key words and word-combinations: political party, groups of interests, mechanisms of interaction.

Рассматриваются формы и направления взаимодействия политических партий и группы интересов в зависимости от их социальной природы. Показана российская специфика в сравнении с европейской.

Ключевые слова и словосочетания: политическая партия, группы интересов, механизмы взаимодействия.

УДК 329
ББК 66

Е.С. Михайлова

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ СОЦИЕТАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ

Возникновение партийных систем различными исследователями объясняется разными причинами, одной из которых называ-

ется столкновение интересов многочисленных социальных групп в обществе. Столкновения могут носить кратко- или долгосрочный характер, оказывать незначительное или значительное влияние на функционирование политической системы. При этом краткосрочные столкновения социальных интересов, как правило, характеризуют деятельность групп интересов и выступают составной частью долгосрочных столкновений, находящих свое выражение в борьбе политических партий.

Нельзя не отметить диверсификации функций групп интересов и политических партий. Несмотря на то, что политические партии и группы интересов выполняют во многом схожие функции артикуляции и агрегации общественных интересов, тем не менее они заметно отличаются в институциональном плане.

Так, политическая партия характеризуется как организация, длительно существующая в политическом пространстве и стремящаяся к овладению политической (государственной) властью. Ввиду организованности политических партий и закреплённости их политико-правового положения, они способны оказывать прямое влияние на процесс управления и органы публичной власти, а также устанавливать тесные связи с таковыми.

В свою очередь, группы интересов являются добровольными ассоциациями индивидов и институционализированных субъектов, которые структурируют многочисленные интересы, имеющиеся в обществе, формально оставаясь вне процессов борьбы за политическую власть. Их деятельность ученые рассматривают как вспомогательную, поскольку они информируют общественность и политических лидеров о потребностях и взглядах тех или иных социальных групп, организуют действия для продвижения своих интересов (например, забастовки и митинги). При этом основой возникновения подобных групп может стать практически любой социально значимый статус или признак – возраст, пол, этничность, профессионально-статусные характеристики [1, с. 121].

Однако, несмотря на указанные различия, имеющиеся между политическими партиями и группами интересов, для реализации своих специфических целей и задач они нуждаются друг в друге и поэтому организуют более или менее продуктивное взаимодействие. Оно во многом обусловлено объективными по своей природе причинами. Так, Г. Алмонд и С. Верба отмечали, что даже полностью аполитичное общество готово транслировать свои интересы органам власти, а задача партийных структур состоит в том, чтобы услышать их. В связи с этим ученые предположили: для построения действенной системы взаимоотношений политических партий и групп интересов необходима четкая вертикаль (механизм), идущая снизу вверх и транслирующая проблемы граждан через группы интересов к политическим партиям, а от них – к органам власти [2, с. 132].

Таким образом, напрашивается вывод, что своеобразным полем пересечения сфер политического приложения партий и групп интересов являются социально значимые проблемы, решение которых видится через применение властных механизмов. Наличие таких проблем в значительной степени обусловлено постоянно порождающимися в обществе социальными противоречиями.

Разработанная западными исследователями С. Липсетом и С. Рокканом теория социетальных размежеваний не только объясняет причины возникновения политических партий, но и выявляет возможные механизмы взаимодействия

политических партий и групп интересов [3, с. 87]. При этом ученые акцентируют внимание на том, что содержание взаимодействия политических партий и групп интересов в значительной степени зависит от состояния политической культуры и наличия в обществе социальных расколов. По мнению С. Липсета и С. Роккана, в политическом пространстве могут существовать четыре основных социетальных размежевания:

- «буржуазия – наемные работники»;
- «центр – периферия»;
- «государство – церковь»;
- «город – село».

Нам представляется интересным рассмотреть особенности организации взаимодействия политических партий и соответствующих им в рамках обозначенных социетальных размежеваний групп интересов. Таким образом становится возможным установить зависимости форм политических действий от их социальной природы и проанализировать процессы институционализации общественных интересов.

Первое из обозначенных размежеваний – раскол по социальному основанию, который институционально, политически и идеологически оформляется в противопоставлении «буржуазная партия – партия рабочих».

В современной интерпретации буржуазная партия характеризуется представителем интересов предпринимателей, поэтому такого рода партии тесно взаимодействуют с предпринимательскими ассоциациями и представителями бизнеса. Взаимодействие институционально оформленных предпринимательских групп интересов с социально близкими буржуазными политическими партиями зримо выражается в форме оказываемой партиям финансовой поддержки и выделения средств на проведение предвыборных кампаний. Рабочие партии представляют интересы работников наемного труда и чаще всего идентифицируются как социал-демократические. Они обычно устанавливают тесные связи с профсоюзами, которые не только оказывают им финансовую поддержку, но и могут являться составной частью партии (члены профсоюза – членами партии), активно участвуют в построении и парламентской деятельности политической партии.

В российской действительности как в общем, так и в частности наблюдаются отличия от западной модели. Связь отечественных партий с соответствующими группами интересов носит скорее «закулисный», чем открыто публичный характер. Группы интересов часто не прибегают к услугам политических партий, а решают значимые для себя проблемы иными – теневыми способами. Российские партии стремятся, по возможности, заручиться поддержкой профсоюзов, общественных движений и иных институционализированных групп интересов и в случаях проведения массовых политических акций синхронизируют с ними свои политические действия. Непосредственного финансирования политических партий соответствующими группами интересов чаще всего не наблюдается, либо определенная группа интересов может финансировать сразу несколько идеологически и социально достаточно различающихся партий.

Отмеченное С. Липсетом и С. Рокканом размежевание по основанию «центр – периферия» способствует возникновению общенациональных и региональных политических партий. Спецификой функционирования общенациональных партий

является нацеленность на осуществление масштабных и долгосрочных политических проектов. Поэтому они взаимодействуют исключительно с теми группами интересов, которые своими масштабами охватывают значительную часть регионов страны или территорию государства в целом. Взаимодействие общенациональных партий с группами интересов характеризуется разнообразием применяемых организационных механизмов: патрон-клиентеллистские, корпоративные, сетевые, PR-технологии, работа с адресными социальными группами.

Партии, возникающие на периферии, появляются только в том случае, когда государство состоит из территориальных единиц, имеющих правовую, экономическую и финансовую самостоятельность по отношению к Центру, а также из территорий со своей заметной и уникальной исторической, национальной и культурной спецификой. При этом территория становится политическим ресурсом, базой для политической и социальной мобилизации населения и коллективной деятельности. Все это способствует формированию (макро) региональных партий, движений, партийных систем [4].

Следует отметить, что в силу особенностей партийного законодательства функционирование региональных политических партий в Российской Федерации невозможно. Тем не менее некоторый их институционализированный аналог обнаруживается в региональных отделениях всероссийских политических партий или в сильных региональных общественно-политических организациях. Эти структуры в значительной степени оказываются ориентированными на региональную повестку дня и часто транслируют ожидания, генерируемые региональными группами интересов.

Социетальное размежевание между государством и церковью порождается тем, что интересы государства и церкви значительно различаются. Церковь как социальный институт вынуждена искать политических посредников, способных защитить ее интересы на государственном властном уровне. В отечественной политической системе раскол «государство – церковь» не проявляется, что обусловлено многонациональным и многоконфессиональным составом российского общества. Кроме того, в Федеральном законе «О политических партиях» отмечено, что в Российской Федерации не допускается создание политических партий по признаку религиозной принадлежности [5, ст. 9].

В противоположность России, в странах Западной Европы религиозные партии получили достаточное распространение и очевидную поддержку со стороны групп интересов. В частности, христианско-демократические и христианско-социальные партии тесно взаимодействуют с различными социальными группами – преподавателями, врачами, государственными служащими, рабочими [6]. Анализ функционирования религиозных партий Германии и Италии показал, что политические партии религиозной направленности сотрудничают с ассоциированными группами интересов и мобилизуют электорат, актуализируя религиозные ценности.

Социальное размежевание «город – село» создает социально-политические условия для возникновения сельских (аграрных) и городских (промышленно-буржуазных) партий. Аграрные партии представляют интересы сельского населения – как простых работников сельскохозяйственной сферы, так аграрной элиты [7]. В современном российском пространстве до недавнего времени

существовала Аграрная партия России, но в ноябре 2008 г. она прекратила свое существование, объединившись с политической партией «Единая Россия». Таким образом, структура утратила свое самостоятельное значение представителя социальных интересов, передав эту функцию универсалистской в отношении социального представительства партии «Единая Россия».

Исследование и систематизация социетальных размежеваний и возникающих на их основе различных взаимодействий политических партий и групп интересов позволяет нам разработать авторскую типологию идеальных механизмов взаимодействия политических партий и групп интересов, которая способна описать особенности возникновения политических партий в России и механизмы взаимодействия с группами интересов:

финансовый – предполагает финансирование группами интересов деятельности политических партий;

организационный – дает возможность группам интересов реализовывать конкретные краткосрочные цели путем инициирования политических действий или создания структур;

мобилизационный – выражается в воздействии политических партий на группы интересов с целью вовлечения их в политический процесс, легитимации политических программ и приобретения политического веса;

договорной – включается в результате подписания договоров (соглашений), которые действуют для достижения общих целей, соответствующих интересам каждой из сторон.

Сотрудничество политических партий и групп интересов может быть реализовано посредством обмена информацией, разработки и реализации общих программ и мероприятий, участия в совместных акциях.

Взаимодействуя с группами интересов, российские политические партии прибегают к различным механизмам, которые в большинстве своем представляют собой комбинирование указанных нами «модельных» вариантов взаимодействия политических партий и групп интересов. При этом предпочтение отдается организационному и мобилизационному механизмам. Так, анализ деятельности КПРФ показал, что, отстаивая в большей степени интересы рабочего класса, партия стремится объединить своих сторонников посредством организации митингов, шествий и акций протеста. «Единая Россия» и «Справедливая Россия», помимо организационного механизма, прибегают и к мобилизационному, что обусловлено имеющимися в их распоряжении административным, информационным и кадровым ресурсами.

Следует отметить, что в практической политической деятельности выявленные механизмы взаимодействия политических партий и групп интересов не встречаются изолированно друг от друга, а существуют в тесной взаимосвязи. В последнее время в российском политическом пространстве намечается тенденция к созданию демократических механизмов взаимодействия политических партий и групп интересов, переход от мобилизационных и организационных механизмов к более эффективным и продуктивным политическим механизмам, основанным на обратной связи с представителями общества – договорным, что вызвано строительством демократического государства в России.

Таким образом, можно сделать вывод, что теория социетальных размежеваний, предложенная С. Липсетом и С. Рокканом, применима в большей степени для анализа западных политических систем. В современной российской политической системе представлены два основных социетальных размежевания – «буржуазия (средний слой) – рабочие» и «город – село», а также (в трансформированном виде) – размежевание «центр – периферия». Эти размежевания находят политическое выражение в формировании институционализированных политических субъектов – партий и групп интересов – и осуществлении взаимодействий между ними. Обоюдная заинтересованность этих видов субъектов, выстраивание ими долгосрочных партнерских отношений способствуют решению целого круга вопросов: укреплению лояльности избирателей по отношению к политическим партиям, стабилизации политической системы, упрочению авторитета политической и государственной власти.

Библиографический список

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002.
2. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4.
3. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures // Party Systems and Voter Alignments. N.Y., 1967.
4. Бусыгина И. Территориальный фактор в европейском сознании. URL: http://cosmopolis.mgimo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=124
5. О политических партиях: Федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
6. Калывас С. Религиозные партии и демократическое развитие: опыт Западной Европы, выводы для современного мира. URL: <http://www.inop.ru/page529/reading/page135/>
7. Аграрная либеральная партия. URL: <http://wikipedia.org>

A.S. Kremez Features of Social Responsibility of the Russian Political Parties

The essence and mechanisms of functioning of the social responsibility of the Russian political parties are considered. The public opinion of Russians on issues of parties' social responsibility is analyzed.

Key words and word-combinations: social responsibility, political parties.

В статье рассматривается сущность и механизмы социальной ответственности российских политических партий. Анализируется общественное мнение по проблемам социальной ответственности партий.

Ключевые слова и словосочетания: социальная ответственность, политические партии.

УДК [316.334.3:329](470+5+1)
ББК 60.56(2Рос)

А.С. Кремезь

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

На текущем этапе социально-экономических и политико-правовых изменений, происходящих в России, институт социальной ответственности начинает играть веду-

щую роль в механизмах регуляции социума. Это связано в первую очередь с формированием действительной и действующей модели российской демократии. Развитие в Российской Федерации многопартийности, партийного и избирательного законодательства, становление устойчивой национальной партийной системы и наделение политических партий исключительными прерогативами в общественно-политической жизни страны обуславливают необходимость специального изучения политических партий как носителей социальной ответственности.

В условиях представительной демократии политические партии выступают связующим звеном между государством и обществом, они призваны отражать и отстаивать интересы различных социальных слоев. В то же время связь между отечественными партиями и представляющими их депутатами, с одной стороны, и избирателями – с другой, весьма незначительна и носит преимущественно односторонний (от партий – к избирателям) характер.

На сегодняшний день практически отсутствуют реальные рычаги воздействия граждан на политические партии, не созданы какие-либо действующие механизмы ответственности партий перед населением. Применительно к партиям категория ответственности не разработана и в теоретическом плане. Поэтому представляется, что тематика социальной ответственности политических партий является новым и перспективным в теоретическом и практическом отношении исследовательским направлением для российской социальной и политической мысли.

Имеющиеся в современной научной литературе взгляды на ответственность российских политических партий в конечном счете сводят ее преимущественно к юридическим последствиям, наступающим в результате нарушения тех или иных норм права [1]. На наш взгляд, в данном случае это слишком узкое понимание сложного социального явления. Для осмысления обозначенной проблемы необходима комплексная оценка, учитывающая, что в социальной ответственности партий имеется не только негативный, но и позитивный аспект.

Под социальной ответственностью партий в широком смысле следует понимать такой формат их деятельности, который основан на принципах:

- признания взаимной зависимости политических партий, общества и государства во всех сферах общественной жизни;
- соотнесения программных установок и практической деятельности политической партии с интересами как отдельных социальных слоев, так и всего общества в целом;
- установления эффективно действующих рычагов и механизмов контроля за деятельностью партий со стороны избирателей;
- законодательно оформленной обязанности политической партии отвечать за последствия своих действий в соответствии со степенью их значимости.

С позиций системного подхода социальная ответственность, как феномен, предстает в виде сложной упорядоченной системы, имеющей структуру, основными элементами которой являются субъект, инстанция и объекты. В таком случае политические партии могут быть рассмотрены в качестве субъектов социальной ответственности, поскольку удовлетворяют основным условиям ее возникновения: их деятельность является социально значимой; они обладают определенной свободой выбора (могут варьировать свое поведение в рамках

законодательных установлений и действующих социальных норм); существуют определенные инстанции, перед которыми может наступать ответственность (например, органы государственной власти или общественные структуры).

Природа политических партий предопределила тот факт, что они являются носителями трех основных видов социальной ответственности: личной, групповой и институциональной. Это предполагает разноплановость критериев оценки степени или уровня социальной ответственности рассматриваемых образований.

Институциональный подход дает основание оценивать ответственность политических партий через призму присущих и исполняемых ими в действительности социальных функций на основе сопоставления реальной партийной деятельности с интересами общества, социальных групп, отдельной личности. На наш взгляд, осознанная, содержательная, соотношенная с потребностями общества и его отдельных слоев реализация политической партией присущих ей функций является наиболее важным показателем социально ответственной деятельности.

В качестве иллюстрации приведем мнение члена Президиума Генерального совета партии «Единая Россия» А. Исаева, который, оценивая последствия реализации закона о монетизации льгот в одном из своих выступлений сказал: «Мы также несем определенную долю ответственности за произошедшее. Мы действовали недостаточно организованно при совершенствовании предложений правительства. По определенным вопросам депутаты, по сути, шли у него на поводу, посчитав, что правительственный прагматичный подход приведет к желаемому результату...» [2, с. 7]. Данная оценка свидетельствует об отсутствии ответственного отношения со стороны политической партии к выполнению целого ряда присущих ей функций: определению альтернативных путей общественного развития; выражению и объединению общественных интересов; реализации собственной политической программы [3, с. 65].

Организационный и индивидуальный подходы дают возможность аналитически оценить деятельность политических партий с позиций соблюдения ими следующих принципов социально-ответственного поведения в политике: служения общественным интересам; подотчетности; максимальной открытости деятельности; исполнения общепринятых стандартов поведения [4].

Достаточно сложной является проблема определения объекта или сферы социальной ответственности российских политических партий. В нашем случае объект – это то, за что отвечает субъект. Социологический анализ предполагает изучение российского общественного мнения по вопросам определения зон социальной ответственности партий, специфических областей жизни общества, за состояние которых общество спросит именно с политических партий. Результаты социологических исследований позволяют составить общую картину восприятия россиянами института политических партий, выполняемых им функций и уровня их социальной ответственности.

В российском общественном мнении существует точка зрения, согласно которой основное предназначение политических партий и, следовательно, сфера их ответственности заключаются в защите интересов определенных частей населения – пенсионеров, молодежи, сельских жителей [5, с. 122–123]. Основной задачей деятельности той или иной партии и критерием ее ответственнос-

ти в глазах многих россиян считается улучшение жизни той или иной социальной группы. Данная оценка целиком вписывается в патерналистскую модель политической жизни, при этом политические партии наделяются некоторыми респондентами несвойственными им функциями, а именно функцией социальной опеки и социальной помощи.

Для значительной части населения (как правило, это люди старших возрастных групп) характерно отношение к политическим партиям как к структурам, призванным осуществлять функции властного политического управления и контроля [6].

На основе такого видения гражданами формулируется концепция ответственности партии, которая не отвечает современным реалиям и той роли, которая отведена политически партиям в демократической системе организации публичной власти.

Многие респонденты, в том числе и участники фокус-групп, указывают на низкий уровень социальной ответственности современных политических партий. Проанализированные высказывания респондентов свидетельствуют о восприятии политических партий как своекорыстных и далеких от народа общественных организаций.

В целом в общественном мнении россиян наблюдается приписывание нехарактерных партиям функций, а именно функций государственного управления, государственной власти, а также социальной защиты и опеки. Более того, многие россияне отказывают партиям в их специфических функциях – в участии в политической конкуренции, лоббировании интересов, формировании бюджетной и иной политики государства.

Но ведь ответственность власти и ответственность партий – понятия далеко не тождественные. В результате замещения и частичного отождествления в общественном сознании россиян таких понятий, как «власть» и «партия», складывается ситуация, при которой на партии возлагается та же ответственность, что и на властные органы, вследствие чего формируется тотальная неудовлетворенность деятельностью любой партии, низкая оценка уровня ее социальной ответственности. Такая ситуация неизбежна по причине изначального несоответствия реальной деятельности партий критериям, применяемым для ее оценки обществом.

В отношении определения сферы ответственности российских политических партий у россиян сложились достаточно противоречивые представления. Так, часть респондентов полагают, что сфера ответственности партий должна быть достаточно ограниченной. Защищая интересы той или иной социальной группы, партия должна отвечать только за результаты своей деятельности именно в этом направлении, согласно формуле «партия рыболовов пусть занимается рыболовами». В этом случае не только конкретизируется и ограничивается зона, объект ответственности партии, но и инстанция ответственности. Логично предположить, что ответ держать такая партия будет непосредственно лишь перед рыболовами, но никак не перед дачниками или пенсионерами.

Согласно другой позиции, которая в целом не противоречит предыдущей, ответственность партии должна распространяться только на ее программные установки. Указанная позиция, по нашему мнению, также свидетельствует о

суженной трактовке объекта социальной ответственности партии в силу ограничения респондентом круга выполняемых политической партией функций.

Наряду с указанными, встречается также концепция совместной, коллективной ответственности, согласно которой политические партии должны нести коллективную ответственность за положение дел в стране. При этом не принимается во внимание, являются ли партии правящими или оппозиционными, парламентскими или не вошедшими в представительные органы власти.

Главной инстанцией ответственности для политических партий выступает государство – в том случае, когда нарушены (или могут быть нарушены) правовые нормы и наступает юридическая ответственность. Применительно к политическим партиям, в качестве инстанции ответственности в иных, неюридических формах ее проявления, огромное значение приобретают рядовые граждане, избиратели, население в целом. В процессе построения гражданского общества и правового государства данный вопрос приобретает принципиальное значение, поскольку аморфные группы населения, в отличие от сплоченного коллектива граждан, не способны стать реально действующей инстанцией ответственности для политических партий, политических деятелей любого уровня управления.

Распространенные в российском обществе модели восприятия политической информации не формируют у граждан установку на политическое участие, а, напротив, отводят ему роль пассивного наблюдателя [7, с. 94]. Многими исследователями отмечается укоренение в отечественной политической культуре комплекса социального бессилия, в результате чего вся полнота ответственности за происходящее в стране возлагается российскими гражданами на исполнительную власть, которая наделяется при этом статусом всемогущего и неподконтрольного простому человеку политического субъекта. Практическое отсутствие легального сопротивления, давления населения на органы власти, в том числе и представительные, сформированные при непосредственном участии политических партий, приводит к фактической бесконтрольности и безответственности партий.

Институт социальной ответственности, как один из механизмов регуляции функционирования и деятельности российских политических партий, на сегодняшний день находится в процессе становления. Можно констатировать недостаточную эффективность функционирования инстанции социальной ответственности для российских политических партий в лице рядовых избирателей. Данная ситуация обусловлена характерной для современных россиян политической культурой, отличающейся значительной инертностью и преобладающими патерналистскими установками.

В противовес достаточно слабому контролю со стороны рядовых граждан наблюдается укрепление инстанции ответственности в лице правоохранительных и судебных органов, ужесточение законодательства в отношении самих политических партий, а также условий и правил проведения выборов. Данные процессы, на наш взгляд, являются взаимно сбалансированными, и по мере роста политической активности граждан, по мере укоренения в российской политической культуре ценностей института многопартийности, представительной демократии будет происходить смещение акцента в качестве инстанции ответственности с органов власти и принуждения на институты гражданского общества.

Изменения в российском законодательстве, его ужесточение, замена смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системы пропорциональной, на наш взгляд, будет способствовать увеличению социальной ответственности политических партий, но не в силу ужесточения требований, а в силу ускорения процесса их институционализации.

Библиографический список

1. Лапаева В.В. Ответственность политической партии за нарушение действующего законодательства // Законодательство и экономика. 2002. № 2.
2. Социальное меню в программах российских партий / обзор В. Глазычева: сб. М., 2005.
3. Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность (Социологический аспект проблемы). Харьков, 1972.
4. Этика публичной политики: из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. М., 2001.
5. Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. 2007. № 1.
6. Фонд «Общественное мнение» [Опрос населения в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 10–11 февр. 2001 г. 1500 респондентов. Дополнительный опрос населения Москвы – 600 респондентов]. URL: <http://www.fom.ru>.
7. Кертман Г.Л. Интерес к политике по-русски: мотивы явные и скрытые // Полис. 2005. № 1.

Yu.A. Korolev
**Information Political Campaigns
in a Region:
Manipulating the Agenda
(By the Example of Saratov Region)**

The phenomenon of information political campaigns in a region is studied. Different information strategies of political subjects are presented. The public political life and dynamics of political institutions in Saratov Region in the context of “agenda-setting” are analyzed.

Key words and word-combinations: political campaign, agenda-setting, regional political process, conflicting information.

Рассматривается феномен информационных политических кампаний в регионе. Представлены различные информационные стратегии политических субъектов. В контексте «установления повестки дня» анализируется публичная политическая жизнь и динамика политических институтов в Саратовской области.

Ключевые слова и словосочетания: политическая кампания, установление повестки дня, региональный политический процесс, информационное противоборство.

УДК 323.232
ББК 66.62

Ю.А. Королев

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В РЕГИОНЕ: МАНИПУЛИРОВАНИЕ ПОВЕСТКОЙ ДНЯ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В современной политической жизни наблюдается все большее увеличение роли информации и влияния массовой коммуникации на сознание больших групп граждан. В региональном политическом пространстве наряду с проявлениями глобальных информационных тенденций присутствуют, активно развиваются и иные, которые связаны не-

посредственно с особенностями социально-политической жизни данной территории.

В отечественной и зарубежной политической науке определены основные значения таких явлений, как «информационная кампания», «коммуникационная кампания» в их привязке к политической сфере [1–6]. Для нас теоретически значимым является закрепление понятия «информационная политическая кампания», которую можно определить как форму организации информационно-коммуникационных взаимодействий, осуществляемых для достижения определенных целей в сфере функционирования власти, принятия решений и реализации государственной политики в пределах установленных временных рамок.

У истоков такой кампании стоит политическая элита, отдельные финансово-промышленные группы, центры принятия решений. В качестве способов информационного влияния выступают каналы межличностной и массовой коммуникации. И если первые практически всегда являются непубличными, латентными и приватными по характеру обеспечения влияния, то вторые – наоборот, позволяют, хотя бы в искаженном виде, обеспечивать публикацию сведений о властно значимых действиях.

Эмпирические исследования продемонстрировали, что средства массовой коммуникации устанавливают «повестку дня» [7], то есть определяют круг обсуждаемых социально и политически значимых проблем. Термин «установление повестки дня» (agenda-setting) употребляют самые разные исследователи. Практически было установлено наличие «сильных позитивных корреляций (между медиа-повесткой и публичной повесткой дня) в отношении ненавязчивых проблем и слабых и в основном негативных корреляций – в отношении навязчивых проблем» [8, с. 101]. Разделение проблем на навязчивые и ненавязчивые позволило сделать вывод о том, что публичная повестка дня есть результат достраивания и коррекции медиа-повестки на основе непосредственного опыта членов аудитории. В рамках информационной политической кампании повестка дня устанавливается на любом уровне властного управления, в том числе на региональном или субрегиональном.

Анализируя процессы, происходящие на территории Саратовской области, и их отражение в средствах массовой информации, можно отметить, что в регионе достаточно много политических игроков, представленных в медийном пространстве. Заметные политические фигуры и организации посредством различных коммуникационных каналов пытаются установить выгодную им повестку дня. При этом они, конечно, исходят из собственного видения региональной политики, по-разному определяют свою целевую аудиторию и соответственно технологии и стиль работы с ней. Такая активность нередко выливается в региональные информационные войны.

Подобного рода информационные политические кампании в Саратовской области обусловлены рядом обстоятельств:

наличием достаточно мощной инфраструктуры средств массовой информации в регионе, которая позволяет различным политическим силам, финансово-промышленным группам и даже полукриминальным структурам использовать мощный медийный ресурс в собственных интересах;

нестабильностью политической ситуации в регионе на протяжении нескольких последних лет, выражающейся в постоянных конфликтах политических сил, представляющих не только различные партии и движения, но и клиентелы основных лиц, принимающих решения и обладающих соответствующими политическими и правовыми полномочиями;

складыванием на региональном политическом рынке ситуации, при которой постоянно воспроизводится спрос на подготовку и тиражирование негативной информации о политиках.

Одним из крупных медийных игроков саратовской политики является региональное отделение партии «Единая Россия», которое обладает наиболее широкими пропагандистскими возможностями и конкурентными преимуществами, отсутствующими у их противников. Саратовские «единороссы» в своем медийном активе имеют печатные издания, несколько Интернет-сайтов, региональное телевидение (ГТРК «Саратов» движется в фарватере партии власти). Содержательно информационная работа регионального отделения «ЕР» сосредоточена вокруг конкретных «партийных» проектов: строительства школ, физкультурно-оздоровительных комплексов, реконструкции больниц, ремонта изношенных объектов социальной инфраструктуры. Региональный партийный лозунг – «Верьте только делам!» – воплощается в жизнь конкретными средствами, понятен большинству простых граждан, которые и являются главной целевой аудиторией.

Повестка дня по версии регионального отделения партии на сегодня выглядит следующим образом: реализация партийных проектов и программ (в основном за счет средств федерального бюджета), борьба с региональными олигархами, формирование и реализация программы антикризисных действий. В значительной степени именно такой набор предопределен неформальным региональным партийным лидером – В.В. Володиным. В связи с этим следует отметить: процесс установления повестки дня саратовских единороссов персонафицирован. Это подтверждается тем, что в региональном медиа-пространстве именно вице-спикер Госдумы является главным ньюсмейкером, часто опережая губернатора области П.Л. Ипатова. В подконтрольных партии средствах массовой информации В.В. Володин представлен как мощный федеральный политик, курирующий большинство региональных социальных проектов и инвестиций.

Информационная стратегия губернатора Саратовской области П.Л. Ипатова предлагает собственную модель формирования публичной повестки дня, основанную на освещении работы региональной исполнительной власти. Откровенно прогубернаторские позиции, по мнению некоторых саратовских журналистов, занимают газета «Новые времена», «Саратовская областная газета», журнал «Общественное мнение» [9].

В последнее время региональная исполнительная власть все чаще комментирует собственные усилия по минимизации кризисных явлений, борьбе с коррупцией, контролю за ценами на потребительских рынках. Это в целом соответствует простой конъюнктурной стратегии – формируется имидж лояльного федеральной власти главы региона. Реализация более масштабных информаци-

онных поводов для губернатора весьма затруднительна, поскольку это требует значительных финансовых затрат и творческих усилий.

Губернатор – основной ньюсмейкер в регионе «по должности», однако саратовская специфика такова, что в текущих информационных кампаниях он чаще всего проигрывает. Стремление оставаться «над схваткой» в политических баталиях и необходимость реагировать на нюансы федеральной политики заставляют П.Л. Ипатова постоянно лавировать, осторожничать в информационном поле. Он одновременно обращается ко всем жителям области, подает сигналы политической элите региона, отвечает на сигналы, идущие из федерального центра. Возможно, именно отсюда проистекают непоследовательность, противоречивость и, как следствие, безадресность исходящей от губернатора коммуникации.

Весьма деятельным центром информационной активности в регионе является депутат Саратовской городской Думы, предприниматель («региональный олигарх») Л.Н. Фейтликер. Он стремится влиять на важные кадровые назначения и принимаемые по ключевым политическим вопросам решения. При этом депутат пользуется достаточно широкой и разнообразной поддержкой в журналистском сообществе. В свое время Л.Н. Фейтликер учредил газету «Наша версия», являлся издателем газеты «Новые времена». Подконтрольные ему медийные ресурсы предприниматель стремится использовать не столько в интересах своего бизнеса, сколько в политической борьбе.

Л.Н. Фейтликер находится в сложных отношениях с региональным отделением партии «Единая Россия» и в своей политической деятельности нередко пытается представить себя «жертвой» политических преследований с ее стороны. Своеобразным экономическим «бэкграундом» этого противостояния является конфликт бизнес-интересов Л.Н. Фейтликера и видных местных единороссов (по поводу приобретения собственности в г. Саратове, решения вопросов о землеотводе под строительство) [10].

Основными целевыми группами исходящих от городского депутата сообщений являются региональная и федеральная политическая элита. В частности, в обращении – открытом письме Л.Н. Фейтликера к вице-спикеру Государственной Думы В.В. Володину (июль 2007 г.) проявилось активное стремление городского депутата оставаться в числе главных ньюсмейкеров региона, а также желание в очередной раз существенно переопределить повестку дня в регионе с привлечением информационных ресурсов федерального уровня.

Мощным компонентом информационной стратегии Л.Н. Фейтликера является использование вполне традиционного недоверия народа к власти: любые реальные и мнимые ее промахи дают основание для жестко критического или карикатурного изображения конкретных действий политических противников городского депутата. Материалы такого рода становятся предметом обсуждения, иногда требуют внимания и проверки правоохранительными органами, доставляют серьезные неудобства затронутым в них лицам. Кроме того, как показывает опыт, негативная информация гораздо чаще, чем позитивная становится фактором привлечения общественного внимания.

В рамках любой информационной стратегии постоянно присутствуют обра-

зы «героев» и «антигероев». Это позволяет отдельным политическим силам четче обозначить свои позиции и обеспечить легитимацию собственных действий. В этом контексте формирование медийными средствами негативного образа своих политических оппонентов – составной элемент выстраивания повестки дня. Как правило, это развенчание намерений «врагов», демонстрация их низкого профессионализма или неприемлемых нравственных качеств.

Установление повестки дня вообще и в региональных политических кампаниях в частности в конечном итоге не является сознательным волевым актом. Повестка возникает на пересечении усилий различных средств массовой информации, властных структур, различных групп влияния и при этом подвержена влиянию неконтролируемых политическими субъектами событий и внезапных кризисов. Совершенно определенно можно сказать лишь то, что для целенаправленного инициирования и поддержания актуальности установленной повестки дня требуются значимые, заметные информационные поводы.

Исключительно значимыми информационными поводами, определяющими региональную повестку дня, являются ситуации, связанные:

с посещением субъекта Федерации каким-либо известным федеральным политиком или же с произошедшей деловой встречей регионального политика с кем-либо из федерального руководства;

с событием общенационального уровня, в той или иной мере затронувшим регион (часто – различного рода стихийные бедствия, техногенные катастрофы);

с вовлечением субъекта Федерации в заметную и интенсивно освещаемую в средствах массовой информации общенациональную акцию.

Отметим, что такие события гарантированно привлекают внимание общенациональных масс-медиа и дублируются региональными средствами массовой информации. Тем не менее заинтересованные в установлении определенной повестки дня политические акторы должны совершать целенаправленные организационные действия для привлечения внимания региональных СМИ к вышеобозначенной общенациональной теме [11].

Разработки в русле теории информационной ценности подтверждают гипотезу, что негативизм, персонализация, избыточность являются элементами самой массовой – развлекательной культуры. Они способствуют концентрации общественного внимания на наиболее общей информации [12]. При этом, «плохие» новости тиражируются в информационном пространстве в большей степени, тогда как позитивная информация о происходящем в регионе, как правило, либо не востребована в федеральной повестке дня, либо востребована иногда и лишь для того, чтобы проиллюстрировать какие-то актуальные на данный момент общенациональные тенденции [13, с. 54].

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что практически все региональные группы влияния стремятся навязать собственную информационную картину жизни региона и представить свою версию политической повестки дня. Для массового политического сознания такая ситуация значительно осложняет реальное понимание происходящих политических процессов, отражая лишь внешнюю, наиболее зрелищную часть происходящих событий.

Библиографический список

1. *Иванов В.Н.* Научное управление социалистическим обществом и его защитой. М., 1972.
2. *Соловьев А.И.* Политология: политические теории, политические технологии. М., 2001.
3. *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб., 2001.
4. *Максимов А.* «Чистые» и «грязные» технологии выборов (российский опыт). М., 1999.
5. *Морозова Е.Г.* Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М., 1999.
6. *Романова Е.А.* Информационные кампании в США как механизм мобилизации общественной поддержки политики Дж. Буша в Ираке: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2008.
7. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2002.
8. *McCombs M.* [et al.]. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. N.Y., 1981.
9. *Книгина Д.* Свобода слова по-саратовски // Репортер. 2009. 11 марта.
10. *Кашин П.* За чьи интересы бьется Леонид Фейтликер // Богатей. 2008. 22 мая.
11. *Дьякова Е.Г.* Общефедеральная и региональная повестки дня: проблемы взаимодействия. URL: <http://www.espi.ru/content/conferences/papers2002/duyakova.htm>
12. *Херманн М.* Политическая коммуникация: воздействие средств массовой информации на общество в современных государствах. URL: <http://www.academy-go.ru/site/journalpr/publications/herman.shtml>
13. *Муратов С.* ТВ-эволюция нетерпимости (история и конфликты этических представлений). М., 2001.

D.A. Lurie
The Internet and Its Role
in the Russian Society and State
Democratization Processes

The author analyzes the role and the significance of the Internet in the process of democratization of Russia. A complex of measures intended to improve the information exchange between the population and political actors is proposed.

Key words and word-combinations: political system democratization, information exchange, political development.

Проанализированы роль и значимость сети Интернет в процессе демократизации России. Предлагается комплекс мер, способных качественно улучшить информационный обмен между населением и политическими акторами.

Ключевые слова и словосочетания: демократизация политической системы, информационный обмен, политическое развитие.

УДК 004.738.5+321
ББК 32.973.202+66.03

Д.А. Лурье

ИНТЕРНЕТ И ЕГО РОЛЬ
В ПРОЦЕССАХ
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
И ГОСУДАРСТВА

В настоящее время в России активно развиваются процессы демократизации российской политической системы посредством Интернета и связанных с ним коммуникационных технологий. Информация, находящаяся в сети Интернет, охватывает все области жизни современного российского общества, образуя целостную информационную сферу. Рост влияния Интернета обусловлен

тем, что информация становится важнейшим фактором развития демократических процессов, и в этом плане имеет большую практическую значимость для страны. Демократизация общества и государства с помощью Интернет-технологий позволяет преодолеть личностную изолированность граждан, фрагментацию общества, ангажированность органов государственной власти, неразвитость социальных коммуникаций общества.

Проблема разрешения основной совокупности насущных вопросов демократизации политической и социальной жизнедеятельности общества средствами социотехнического прогресса становится перспективной тематикой исследований. Ее сложность состоит в наличии многообразных точек зрения на современное содержание и основные признаки демократии, а также на процессы информатизации государства и общества.

К настоящему времени в России четко обозначилось смещение акцентов с административно-силовых методов внедрения либерально-демократических ценностей в пользу самоорганизующихся механизмов демократизации общества и государства. Полагаем, что Интернет выступает своеобразным маркером и отражает степень развития общества и государства в целом. Кроме того, средствами Интернета становится возможным идентифицировать реально существующие и определить перспективные направления развития общественно-политических процессов и явлений.

Роль коммуникации применительно к общественным и политическим процессам в теоретических исследованиях представлена достаточно обширно. Так, А.Л. Стризое в рамках исторической ретроспективы форм взаимодействия государства и общества выделил три основные традиции коммуникативной зависимости государства: директивную, функциональную и коммуникативную [1, с. 102]. Исследователь отмечает, что коммуникативная традиция присуща современному этапу развития общества и государства, а понимание политической власти как особого рода коммуникации актуализирует вопросы «медиацции общества» в процессах политической и социальной модернизаций. Данный этап предопределяет особую роль коммуникации, которая, согласно теории Ю. Хабермаса, представляет собой механизм координации взаимодействующих равноправных социальных субъектов [2, с. 61]. Отсюда следует, что демократия, информация, общество и государство являются субстанциями, образующими единый порядок – социально-политическую жизнедеятельность.

Специфика такого рода коммуникативного взаимодействия в контексте становления российской демократии имеет ряд особенностей, которые определены трансформационными процессами постсоветского периода. Обозначим некоторые из них:

- процессы ускоренной (догоняющей) модернизации в экономической, политической и социальной сферах общества;
- медленное становление гражданского общества;
- неэффективность органов государственной власти;
- чрезвычайно высокий уровень социального расслоения российского общества.

Данные реалии развития страны усложнили процессы конституирования демократического способа правления, создания экономических, политических,

культурных предпосылок вовлечения граждан в диалог с государством, формирования и воплощения демократических по своему характеру социально-политических ценностей и решений.

Фундаментальная основа демократии в форме активного участия граждан страны в управлении ею оказалась в большей степени «привязанной» к информатизации общественного пространства. Используя социологический инструментарий, исследователи доказывают причинно-следственную связь между информированием граждан и явлениями абсентеизма, отсутствия собственной гражданской позиции и аполитичности.

Сравнивая показатели уровней политической информированности и включенности в общественно-политическую жизнь граждан России и государств Евросоюза, можно констатировать, что россияне гораздо меньше интересуются проблемами публичной политики. Так, только у 20% наших сограждан отмечена неэпизодическая заинтересованность политикой, хорошая информированность в области политики; лишь 11% россиян знают, каким образом возможно трансформировать свой политический интерес в конкретное политическое действие (в странах Европы данные показатели составляют соответственно 57 и 75%) [3].

Именно поэтому одной из главных целей осуществляемых в России реформ должны стать информационная открытость государственных организаций, переход от информационно закрытого государственного аппарата к открытому, формирование общества «информационно открытого типа». В связи с этим на первый план выходит эффективное управление информацией, увеличение количества и улучшение качества инструментов и субъектов коммуникационного обмена, расширение спектра населения, включенного в сферу информационно-политического, социального и культурного обмена.

Наиболее перспективным инструментом демократизации социально-политической жизнедеятельности в современных условиях выступает Интернет, посредством которого возможно создание новых форм коммуникации. По оценкам специалистов, Интернет способствует становлению новой формы существования человека – виртуальных социумов, которые в перспективе сольются в глобальное виртуальное общество [4, с. 323]. Интернет позволяет существенно повысить эффективность механизмов общественной самоорганизации, ускорить формирование и развитие демократии, обеспечить наиболее адекватную форму взаимодействия граждан и государства.

Интернет-технологии, делающие такие связи реальными, общедоступными и свободными от пространственно-временных ограничений, становятся вещественной основой нового, « сетевого » общественного уклада [5, с. 89]. К примеру, Интернет-порталы и созданные на их базе сети экспертов способны стать важнейшим фактором повышения эффективности механизмов выработки и принятия решений органами власти за счет снижения издержек доступа политиков и избирателей к хорошо структурированной и актуальной экспертной информации [6, с. 111]. В свою очередь, постоянный мониторинг Интернет-блогов, форумов, в которых общаются посетители сети Интернет, позволит определить первичную реакцию и впоследствии предопределить возможный «обратный эффект», реакцию на принятые политические решения или проис-

ходящие события. Социологический и политологический анализ Интернет-сообществ, методик «Opinion Mining», технологий «кибер-протеста» и других коммуникационных политических инноваций в сети Интернет позволит значительно расширить эмпирическую базу технологических разработок, применяемых в политическом менеджменте.

Другим актуальнейшим направлением демократизации государства является разработка информационных технологий организации взаимодействия правительства, населения и бизнеса средствами Интернета. Перспективность разработки и внедрения таких технологий воздействия граждан на государственную политику предопределяется увеличением количества пользователей глобальной сети и превращением ее в основную коммуникативную площадку. Так, согласно данным Фонда «Общественное мнение», доля пользователей Интернета в России постоянно возрастает, к апрелю 2008 г. она достигла 29% от общей численности населения страны [7]. В 2009 г., по прогнозу специалистов, численность российских пользователей сети составит 45,4 млн человек, а в 2010 г. – более 50 млн [8]. Наблюдается также готовность российского бизнес-сообщества начать использование Интернет-сервисов для реализации электронного взаимодействия с государственными структурами [9, с. 124].

Обозначенная тенденция показывает, что позиции традиционных средств массовой коммуникации, таких как газеты, журналы, телевидение и радиовещание, будут ослабевать. Кроме того, уже сегодня специалисты отмечают: значительная часть политически активного населения страны является пользователями сети Интернет. Все это наталкивает на мысль о неизбежности целенаправленного структурирования Интернет-аудитории заинтересованными политическими акторами.

Интернет-технологии представляют собой новый способ достижения целей в системе политической коммуникации, важной особенностью которых является специализированная направленность на решение практических политических проблем. В процессе использования таких технологий наступает эффект психологического равноправия субъекта и объекта политики, появляется возможность агрегирования и артикуляции политического интереса в комфортной для участника форме, не требующих преодоления бюрократических барьеров. Поэтому Интернет выступает одним из факторов демократизации российского общества, обеспечивает двустороннюю связь гражданина и государства, в которой права каждого федерального, регионального, местного участника коммуникации равны.

На пространстве глобальной сети любой индивид может потенциально (или реально) в самых различных ситуациях выступать коммуникатором или реципиентом массовой, групповой и личной коммуникации [10, с. 61]. Информация в Интернете теряет свою обособленную функцию выражения совокупного общественного мнения, выступая, прежде всего, в виде инструмента в руках государства, партий, движений, представителей бизнеса и отдельных индивидов. Роль личности, как открытой самоорганизующейся системы, в сети повышается хотя бы уже потому, что любой отдельный член сетевого сообщества с помощью своей web-страницы способен стать активным политическим акто-

ром. Это обеспечивает равный коммуникативный статус гражданину наряду с объединениями и организациями, выражающийся в доступе к информации, в возможностях взаимодействия с органами власти и осуществлении гражданского контроля за политическими структурами в стране.

Для современной политической ситуации в России, где доминирующая роль одной из партий несет в себе опасность исключения основных демократических принципов – политического плюрализма и конкуренции, использование сети Интернет особенно актуально по следующим причинам.

Во-первых, Интернет-технологии дают возможность остальным политическим партиям обрести новые способы своего формирования и существования, мобилизации сторонников и организации политического действия, даже если партии теряют влияние и значение в обычном формате. Применение Интернет-технологий позволяет им повысить активность первичных организаций, которые с помощью электронных процедур голосования могут участвовать во внутривнутрипартийной жизни.

Во-вторых, наличие официальных сайтов партий и их фракций в представительных органах власти обуславливает возможность создания интерактивной системы работы с гражданами (по образу и подобию существующих в настоящее время Общественных приемных). Можно предположить, что социально и политически активное население в возрасте 20–45 лет предпочтет использование прогрессивных форм обращения к конкретному депутату; трансляция в сети Интернет важнейших заседаний палат Федерального Собрания и Правительства РФ в режиме реального времени вызовет безусловный интерес определенной массы населения и обеспечит прозрачность части принимаемых государственно-политических решений.

Таким образом, разработка и внедрение Интернет-технологий в практическую область политической жизни общества призваны способствовать разрешению проблем получения объективной, достоверной и качественной социально-политической информации населением страны. Это позволит со сравнительно меньшими затратами легитимировать принимаемые политические решения, обеспечить возможность причастности экономически, финансово, политически, интеллектуально активного населения к управлению государством.

Библиографический список

1. *Стризов А.Л.* Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия. Волгоград, 1999.
2. *Ховалыг Д.В.* Коммуникативная природа ценностей и их трансформация в медийном пространстве // Социс. 2008. № 1.
3. Отношения к расширению ЕС. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_255_report_en.pdf.
4. *Иванов В.Г.* Народ эсперанто: от сетевых сообществ к сетевым этносам // Интернет. Общество. Личность: тез. для междунар. конф. СПб., 1999.
5. *Корытникова Н.В.* Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // Социс. 2007. № 2.
6. *Шадрин А.* Информационные технологии и совершенствование социальных институтов // Интернет и российское общество: сб. статей. М., 2002.

7. Опросы «Интернет в России / Россия в Интернете». Выпуск 23. Весна 2008. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/int0802.
8. Аналитики предсказали взрывной рост Рунета. URL: <http://lenta.ru/news/2008/02/08/runet>.
9. Иванов В. Об особенностях реализации функции социального управления // Интернет и российское общество: сб. статей. М., 2002.
10. Тихонова С.В. Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть // Полис. 2007. № 3.

A.M. Charina
Ideology of Finno-Ugric
Ethno-National Movements:
Significance of Ideological
Constructs for Ethnic Elite

The article characterizes the ideology of Finno-Ugric ethno-national movements and defines the role of ethnic elite as the maker of this ideology. It is pointed out that the interests of the elite determine the substance of major ideology provisions and the very nature of its evolution.

Key words and word-combinations: ethnic elite, Finno-Ugric community, nationalism.

Охарактеризована идеология этнонациональных движений финно-угров и определена роль этноэлиты как творца этой идеологии. Указывается, что интересы элиты определяют содержание основных положений идеологии и сам характер ее эволюции.

Ключевые слова и словосочетания: этническая элита, «финно-угорский мир», национализм.

УДК 323.1(470)
ББК 66.3

А.М. Чарина

ИДЕОЛОГИЯ
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ
ДВИЖЕНИЙ ФИННО-УГРОВ:
ЗНАЧЕНИЕ
ИДЕЙНЫХ КОНСТРУКТОВ
ДЛЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Логика развития этнонациональных движений и этнических элит часто не совпадает с логикой политического развития страны и потребностями этнических сообществ, которых эти элиты пытаются представлять. Чтобы понять, как это произошло, представляется необходимым на примере движений финно-угорских народов России и их идеологических позиций оценить политическую эволюцию этнонациональных элит, рассмотреть пути политической трансформации этнонационального движения.

Этнонациональные по своей природе общественные движения финно-угорских народов в Российской Федерации интересны тем, что представляют собой своеобразный «этнополитический полигон». В их политической деятельности отражаются тенденции глобализации и регионализма, этничности и гражданственности, эксплуатации политических мифов и объективной обусловленности сложными социально-экономическими реалиями.

Сегодня есть основания говорить о некоем новом этапе развития этнонациональных движений финно-угров и формировании нового содержания их этнонациональной идеологии. На наш взгляд, анализ политического опыта этих движений, исследование идейных и организационных установок их лидеров могут быть весьма полезны как для научных теоретических дискуссий, так и для практики социального управления.

Современный этнический национализм, который является идеологическим «оружием» финно-угорского движения в России, трудно классифицировать однозначно. Он мало изучен российскими и зарубежными учеными и не являлся предметом специального рассмотрения; лишь некоторые аспекты этой темы затронуты в ряде исследований [1, 2]. В связи с этим следует рассмотреть этнополитические процессы в «финно-угорских» регионах Российской Федерации, определить роли этнических элит в формировании региональной этнонациональной политики, представить идеологии этнонациональных движений в развитии дискурса «этнические элиты и местный национализм».

На начальном этапе формирования этнонациональных движений финно-угров Российской Федерации (рубеж 1980–1990-х годов) их идеология формировалась на принципах этнического национализма. Центральное место было отведено идее «этнического самоопределения»: этнические группы должны самоопределяться (выступать в качестве самостоятельного политического актора) в условиях полиэтнического (в подавляющем большинстве случаев) состава населения той или иной территории. Тем самым этничность как идентифицирующий признак прямо противопоставлялась гражданству и гражданским идеалам [3].

Этническое самоопределение, в частности, предполагало, что представители титульных (подразумевалось – финно-угорских) этнических групп будут наделены особыми политическими правами:

– должности глав регионов могут занимать только лица «коренной национальности» или как минимум лица, владеющие языком титульной этнической группы;

– даются гарантии институционализированного представительства финно-угорских народов в парламентах «финно-угорских» регионов России: должна быть создана «палата коренного народа», куда могут избираться только депутаты, принадлежащие к титульному (коми, марийцы, удмурты, мордва, карелы) этническому сообществу; при этом предлагалось, что представители титульной группы могут быть избраны и во вторую палату парламента.

Этническая идентичность дополнялась территориально-политической: в частности, предполагалось введение республиканского гражданства, которое могут получить лишь лица с определенным цензом оседлости. В этом случае, как и в случае с выборами в региональные парламента, предполагалось поражение в правах граждан России, не связанных с конкретной территорией длительным сроком проживания на ней. Выдвигались и другие идеи, призванные политизировать этничность.

Идеология этнического национализма должна была обеспечить политическое доминирование этнических элит в так называемых финно-угорских регионах России. Но достичь этого не удалось, поскольку реализация идей этничес-

кого национализма требовала не просто отказа от принципов демократии, но предполагала коренное перераспределение политической власти, для чего у этнических элит просто не имелось ресурсов.

В современных условиях названные идеи уже не воспроизводятся, и центральное место в идеологии угро-финских общественно-политических движений занял другой проект, ориентированный на формирование некоей новой идентичности, – «Финно-угорский мир». Идеологи этнонациональных движений неоднократно заявляли о необходимости «воссоздания» такого мира, а сегодня утверждают, что финно-угорский мир стал реальностью.

Важно выяснить, в чем состоит причина усиливающегося внимания этнонациональных лидеров к идеологической конструкции «Финно-угорский мир». Представляется, что это связано с очевидным кризисом старых идей и самих этнонациональных движений, который признается многими активистами этих движений [4].

По нашему мнению, идейный кризис был неизбежен и во многом оказался спровоцирован самими лидерами. Он связан с двумя принципиальными ошибками в политической деятельности и идеологии движений:

1) идеология и политическая практика этнонациональных движений вольно или невольно противопоставляла интересы титульного населения интересам доминантного большинства населения «финно-угорских регионов»;

2) выработка решений и политической линии была монополизирована ограниченными группами активистов, которые не стремились к демократизации норм партийной жизни и к вовлечению в орбиту этнонациональных движений широких слоев населения, хотя сами они, как правило, выступали от имени своих этносов. В результате эти движения не получили поддержки и среди собственных народов.

Кризис собственно самих движений породил и кризис финно-угорских идентичностей в России. Недолгий период роста общественного интереса к этнической культуре, усилившегося стремления молодежи к идентификации себя как представителей тех этнических общностей, к которым принадлежали их предки, вновь сменился стремлением к интеграции в доминантное большинство. Свидетельством тому стали и результаты переписи населения 2002 г., показавшие значительное снижение численности практически всех финно-угорских народов (напомним, в вопросе национальной самоидентификации в ходе переписи действовало «заявительное» право гражданина).

Более того, перепись показала еще одну очень важную тенденцию – усиление процессов фрагментации среди финно-угорских народов. Значительные части представителей финно-угорских народов сегодня определяют свою этническую принадлежность не с помощью общеэтнических определителей, а с помощью локальных этнонимов. Очень значительная часть северных коми называет себя коми-ижемцами, большие группы мордвы предпочитают использовать этнонимы эрзя и мокша, существенная часть марийцев сознательно называет себя горными или луговыми марийцами, а не просто марийцами. При этом данные явления – не просто следствие важных культурных сдвигов, за ними стоят и определенные политические явления, которые связаны с ослабле-

нием идей этнического национализма и усилением микронационализмов. К примеру, эрзянские радикалы заявляют, что «мордва – это миф» и не существует единого мордовского народа, а есть два самостоятельных народа – эрзя и мокша [5].

Следуя обозначившейся тенденции и логике, этнонациональные лидеры озвучили идею, что на территории Мордовии надо создать два округа – эрзянский и мокшанский, в каждом из которых этническая элита двух субэтнических подразделений мордвы получит свою долю власти. Лидеры ассоциации «Изьватас», представляющие интересы самой северной группы коми (ижемцев), недовольные недостаточным вниманием лидеров общекоми-движения к положению этой части коми-народа, заявляют, что ижемцы есть особая группа, а некоторые даже называют их отдельным народом. Главное требование лидеров «Изьватас» – придать ижемцам статус коренного малочисленного народа Севера и предоставить им соответствующие преференции.

«Общезтнические» лидеры и «общезтнические» организации под воздействием меняющихся общественных настроений, общих политических процессов, происходящих в стране, и в результате нарастающей критики снизу и усиливающихся микронационализмов стали терять свое политическое влияние, им стала угрожать политическая изоляция. Выход из складывающейся ситуации был найден в консолидирующем финно-угорские этносы конструкте «Финно-угорский мир». О необходимости «воссоздания» такого мира было заявлено еще на первом международном конгрессе финно-угорских народов, который состоялся в 1992 г. в Сыктывкаре.

Суть идеи состоит в том, что финно-угорские народы должны сформировать некое единое культурное (и политическое) пространство, основанием чему служит якобы некогда существовавшая культурная близость этносов. В случае с финно-угорскими народами России декларирование их языкового, исторического и культурного родства, конструирование на этой основе новой идентичности – «Финно-угорский мир» – по сути своей есть попытка расширения группы солидарности и поиск внешних ресурсов для сохранения слабеющих политических позиций титульных этносов в национально-территориальных субъектах Российской Федерации. Особенно это связано со стремлением подвергающихся давлению снизу (со стороны титульного населения) и сверху (со стороны федеральной политической администрации) этнических элит усилить свои позиции.

Идея «Финно-угорского мира» созвучна другим паннационалистическим идеям и по своей сути является одной из форм идеологии политизированной идентичности. В ряду паннационалистических концептов находятся идеи панславизма, панарабизма, пангерманизма, пантюркизма, сионизма и другие. «Объектом лояльности в этом случае выступает не нация, а некая «сверхнация», точнее – паннациональное сообщество» [6, с. 262]. Как отмечает В. Малахов, большинство паннационалистических движений остались не только политически неоформленными, но и идеологически расплывчатыми.

В организационном плане идея единого финно-угорского пространства («Финно-угорского мира») ушла дальше, ибо при поддержке официальных

властей Финляндии, Венгрии, Эстонии, федеральных и региональных российских властей в национальных субъектах Федерации отдельные этнонациональные организации и движения смогли консолидироваться. Они регулярно согласуют свои позиции в рамках Всемирных конгрессов финно-угорских народов, а оперативное руководство осуществляется Консультативным комитетом финно-угорских народов, который является исполнительным органом конгрессов. В политическом плане международное финно-угорское движение претендует на то, чтобы стать неправительственной организацией, интегрированной в структуры Организации Объединенных Наций. Сегодня эти претензии отчасти реализованы, поскольку при ООН создан Форум коренных народов, в котором финно-угорское движение имеет своих представителей.

Отметим, что в последние годы трактовки идеи «Финно-угорского мира», даваемые российскими и зарубежными заинтересованными сторонами достаточно заметно различаются: для отечественных акторов конструкт приобрел преимущественно утилитарный общественно-политический характер «для внутреннего употребления», тогда как для заграничных акторов он актуализируется главным образом в культурно-языковом аспекте. Так, в Финляндии постоянно подчеркивается, что российские финно-угры – это *kielisukulaiset*, то есть родственники только по языку и не более, а для «внутреннего» (по отношению к Финляндии) пользования была предназначена другая идея – культурного единства с Западом («мы на 75% европейцы и только на 25% культурно близки с некоторыми восточными родственниками»). Такой подход замечен в отдельных деталях: например, если прежде финно-угорские коллекции в финляндских исторических музеях были в центре внимания, являлись жемчужинами экспозиции, то теперь они размещаются наряду с коллекциями из Африки, Океании.

В то же время по ряду причин полной «деполитизации» идеи «Финно-угорского мира» зарубежными участниками не происходит. Тем же финнам все же приходится говорить о своих «восточных родственниках», поскольку весь «финский фольклор» записан в Карелии, а карелианизм был основой финского романтизма, в значительной мере сформировавшего финское национальное самосознание. Таким образом, идея «Финно-угорского мира» превращается из некоего культурного символа в очевидный идейно-политический конструкт, который используется как инструмент идеологического и политического влияния.

Безусловно, такие масштабные идентичности, как «Финно-угорский мир» могут быть достаточно ясны только узкому слою этнической элиты, и именно она получает некие реальные политические дивиденды от эксплуатации подобных идей. Более того, подобного рода проекты создаются главным образом для того, чтобы этнические элиты, у которых достаточно ограниченные ресурсы для политического соревнования на местном уровне, получили внешнюю поддержку и усилили свое политическое влияние в собственных регионах. Внешние акторы также используют этот проект в своих интересах, которые меняются во времени и связаны либо с межгосударственным сотрудничеством, либо с попытками использовать конструкт как средство политического давления на власти соседнего государства, что уже неоднократно имело место [4].

Названный идеологический продукт в значительной мере ориентирован не на массового «потребителя», а на конкурирующие элитные группы. Он должен усилить символическую значимость этнических элит, но для повседневной жизни имеет весьма ограниченное значение. Отсюда очевидно, что массовой поддержки данные идеи получить не могут, и, следовательно, активность этнонациональных организаций будет все больше сосредотачиваться на локальном уровне. Очевидно также, что идеология этнонациональных движений финно-угров так и не приобрела гражданской направленности и ориентирована главным образом на интересы этнических элит.

Библиографический список

1. *Кирдяшов А.* О национализме в Республике Мордовия // Финно-угорский мир: история и современность: мат-лы II Всерос. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000.
2. *Taagapera R.* The Finno-Ugric Republics and the Russian State. N.Y., 1999.
3. *Шабаев Ю.П.* Идеология национальных движений финно-угорских народов России и ее восприятие общественным мнением // Этнографическое обозрение. 1998. № 3.
4. *Шабаев Ю.П., Чарина А.М.* Региональные этнолиты в политическом процессе (финно-угорское движение: становление, эволюция, идеология, политические лидеры). Сыктывкар, 2008.
5. *Шабаев Ю.П.* Новые идентичности у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. № 1.
6. *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005.

T.V. Karmaeva
The Development of Youth Civic Engagement in Germany: Contemporary Experience for Russia

The development of civic engagement forms and methods among young people in Germany are studied. Civic engagement development programs are analyzed.

Key words and word-combinations: youth civic engagement, forms and methods of civic engagement development, civic engagement development programs.

Автором рассматриваются формы и методы развития гражданской активности молодежи в Германии. Анализируются программы развития гражданской активности.

Ключевые слова и словосочетания: гражданская активность молодежи, формы и методы развития гражданской активности, программы развития гражданской активности.

УДК 316.42:65
ББК 60.54

Т.В. Кармаева

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ГЕРМАНИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

Проблема развития гражданской активности молодежи в настоящее время особенно актуальна как в России, так и в Европе. Ее решение является одним из приоритетов молодежной политики в Европейском Союзе: 25 ноября 2003 г. Совет ЕС в качестве одного из ключевых стратегических вопросов определил развитие гражданской активности молодежи [1, с. 295]. За прошедшее

время страны Евросоюза накопили эффективный опыт решения данной проблемы, применение которого будет полезно для России.

Анализ германских программ развития гражданской активности населения (в том числе молодежи) на уровне федеральных земель в Германии позволяет выделить следующие моменты, которые могут иметь интерес для российской действительности:

стратегические задачи в федеральных землях по развитию гражданской активности;

создание новых структур в федеральных землях в целях развития гражданской активности;

формы признания и стимулирования гражданской активности.

В 1999 г. в Германии по заданию Министерства по делам семьи, престарелых, женщин и молодежи было проведено первое национальное социологическое исследование динамики изменений гражданской активности населения, которое стало определяющим для выработки мер по развитию гражданской активности молодежи на национальном уровне и в федеральных землях [2]. Второе национальное исследование 2004 г. подтвердило данные предыдущего и показало положительную динамику увеличения (с 38 до 44%) числа молодых людей, готовых быть граждански активными. При этом рост потенциальной готовности в федеральных землях бывшей ГДР составил 11%, а в западных регионах ФРГ – 3%. Такое положительное изменение динамики стало возможным благодаря тому, что за прошедшие годы в Германии были созданы новые институты поддержки гражданской активности населения и молодежи как основной целевой группы.

В середине 1990-х годов немецкие ученые стали отмечать изменения в формах проявления гражданской активности немецкой молодежи и тенденцию к сокращению числа молодых людей, являющихся членами немецких общественных организаций (ферайнов). Например, такая традиционная форма проявления активности молодых людей как добровольная пожарная команда стала испытывать острую потребность в добровольцах. Вместо долгосрочного членства и регулярной деятельности в общественных организациях молодежь стала больше участвовать в краткосрочной проектной деятельности.

В 1998 г. эта проблема была заявлена на самом высшем уровне в Бундестаге (парламенте) Германии. Партийная инициатива в поддержке гражданской активности населения исходила от социал-демократической партии, но ее поддержали и остальные партии. В результате была создана Анкет-комиссия Бундестага, которая проработала в период с 1998 по 2002 г. В своем итоговом исследовательском отчете «Гражданская активность: на пути в будущее устойчивое гражданское общество» комиссия уточнила понятие «гражданская активность» и определила перспективные линии государственной политики по ее развитию.

Основу понятия «гражданская активность», согласно докладу комиссии, составляет активность личности, которая удовлетворяет следующим условиям: добровольная, не нацеленная на выгоду, но ориентированная на достижение общественно-полезных целей, протекающая в общественной сфере и осуществ-

ляемая, как правило, совместно и в кооперации с другими людьми [3]. Уточненная трактовка понятия «гражданская активность» должна была объединить ранее используемые понятия «общественно-полезная активность», «добровольческая активность», «гражданская активность», «самопомощь» и подчеркнуть родственную связь с понятием «гражданин». Такая расширенная трактовка данного понятия, по мнению комиссии, сохраняла контекст ориентации на участие в политической жизни, которые в других понятиях могли быть исключены.

В 2002–2003 гг. на общенациональном уровне в Германии появились новые организационные структуры, способствующие реализации политики развития гражданской активности. После завершения работы Анкет-комиссии, направление было продолжено в специально организованной подкомиссии Бундестага «Гражданская активность». Начиная с 2002 г., она стала переговорной площадкой для политиков, на которой вырабатываются политические решения и определяются перспективы национальной политики развития гражданской активности населения.

Анализ работы подкомиссии показывает, что ее деятельность представляет собой эффективную модель выработки общей позиции политиков и распространения инновационного опыта регионов по развитию гражданской активности. Благодаря этой подкомиссии во всех федеральных землях при министерствах по социальным вопросам созданы координационные структуры, занимающиеся вопросами политики развития гражданской активности. Ежегодно в декабре проходит обсуждение политики федеральных земель по развитию гражданской активности, на котором обсуждается позитивный опыт федеральных земель. Протокол заседания рассылается министрам-президентам всех федеральных земель, с обращением к тем, которые еще не внедрили механизмов, показавших свою эффективность в других федеральных землях.

Благодаря работе подкомиссии в 2007 г. во всех 16 федеральных землях было законодательно введено страхование добровольцев от несчастного случая и страхование ответственности добровольцев, поддержаны из федеральных средств добровольческие агентства и разработана система поощрения добровольцев. Кроме того, 16 мая 2008 г. Бундестагом Германии был принят закон о молодежных добровольческих службах, который объединил существующие ранее практики финансирования государством добровольческого социального года и экологического года для молодых людей. С 1 июня 2008 г. все добровольческие службы рассматриваются как особая организационная форма развития гражданской активности молодежи и софинансируются государством.

Другим инновационным структурным элементом на национальном уровне является федеральная сеть «Гражданская активность», которая была учреждена по рекомендации подкомиссии Бундестага в 2003 г. членами «Национального совета интернационального года добровольчества». Членами новой организации стали как общественные организации, так и министерства федеральных земель, бизнес-структуры и отдельные ученые (с правом совещательного голоса). Про-

образом Сети стал опыт сетевых структур по развитию гражданской активности земли Баден-Вюртемберг.

Сеть является эффективной моделью объединения различных общественных, государственных и бизнес-институтов по согласованию интересов и выработке общих решений по развитию гражданской активности. Ее особенность состоит в том, что она является диалоговым Интернет-пространством взаимодействия, в котором на федеральном уровне представлены стратегические моменты развития гражданской активности в рамках восьми направлений. Благодаря деятельности Сети с 2005 г. в Германии стали традиционно проводиться федеральные недели «Гражданской активности», которые в 2006 г. проходили под патронатом президента Германии. Это ускорило процесс поддержки гражданской активности и разработки соответствующих программ и концепций на коммунальном и региональном уровнях. На сайтах администраций городов Германии появился раздел «гражданская активность», были созданы соответствующие структуры, назначены уполномоченные.

Новой структурой в поддержке гражданской активности молодежи стало создание национальной сети добровольческих агентств Германии, одной из главных задач которой является вовлечение молодежи в добровольческую деятельность [4]. Во многих городах Германии появились агентства, которые собирают и публикуют объявления о потребностях в добровольцах, проводят обучающие семинары для потенциальных добровольцев. Как правило, их учредителями является либо городское управление, либо фонд, либо сами граждане. Отличительная особенность состоит в том, что каждое агентство заинтересовано получить так называемый сертификат качества работы от национальной сети добровольческих агентств, чтобы повысить шансы на бюджетное финансирование на коммунальном уровне.

Анализ региональных программ, реализованных в Германии, показывает разнообразие стратегических задач и инструментов развития гражданской активности. Общей тенденцией является решение стратегической задачи вовлечения молодежи в различные общественные организации или их временные проектные инициативы. Основной стратегией здесь является создание и поддержка добровольческих агентств, которые служат координационными и образовательными центрами для добровольцев.

Активизирующим фактором для федеральных земель стала трехлетняя федеральная программа финансирования добровольческих агентств, объединяющих разные поколения (2005–2008 г.). Поэтому общим моментом в программах является проведение акции «День добровольчества», получившей свой старт с интернационального года добровольчества в 2001 г. В рамках концепций и программ во всех федеральных землях созданы региональные Интернет-порталы.

На уровне отдельных федеральных земель Германии обнаруживаются как схожие элементы, являющиеся результатом внедрения апробированного успешного опыта в других землях, так и различия, обусловленные собственными инновациями. Можно выделить следующие новые структуры, работающие с молодежью: штабы или координационные центры гражданской активности,

ответственные в правительствах федеральных земель за гражданскую активность, сетевые объединения и сетевые советы, координирующие выполнение программ по развитию гражданской активности.

Во всех 16 немецких федеральных землях задача развития гражданской активности для структур правительства является общей задачей и не принадлежит конкретному министерству. В то же время в 11 из 16 министерств на земельном уровне по социальным вопросам созданы штабы или координационные центры по развитию гражданской активности. Ежегодный бюджет, выделяемый на поддержку работы данных структур, достигает в зависимости от уровня доходов федеральных земель от 125 тыс. (Бранденбург) до 750 тыс. евро (Баден-Вюртемберг, Гессен).

В землях Баден-Вюртемберг и Берлин существует должность ответственного в правительстве за развитие гражданской активности. В Баварии наоборот отказались от создания государственных структур и сделали акцент на общественное управление развитием гражданской активности. В результате в 2003 г. в Баварии была создана сеть организаций, состоящая из пяти основных «узлов»: «добровольческие агентства», «штабы взаимопомощи», «материнские центры», «центры сеньоров» (в 2007 г. к ним добавились «советы мигрантов»). Сходные сетевые структуры развиваются и в других десяти федеральных землях.

В земле Баден-Вюртемберг внедрена инновационная сетевая модель. С 1999 г. существует региональная «сеть сетей» по развитию гражданской активности. В нее входит городская сеть из 62 городов, сеть округов из 26 округов, коммунальная сеть из 90 коммун и другие сети, состоящие из различных общественных организаций.

В Гамбурге в 2002 г. создано трехсекторное сетевое объединение организаций со стороны общественных организаций, министерства по социальным вопросам и бизнеса – «Активоли». Участниками открытой сети за 6 лет стали 24 общественных организации. Основной задачей объединения стало достижение следующих задач: улучшение возможностей включения всех возрастных групп в социально активную деятельность через децентрализацию и создание локально ориентированной городской инфраструктуры, создание коммуникационных и информационных структур между различными общественными институтами, создание системы повышения квалификации для специалистов и добровольцев, внедрение системы признания гражданской активности. Основными мероприятиями сети стали 6 проектов-акций, объединенных единой символикой: 1) проведение биржи добровольческих мест, 2) проведение дня добровольца, 3) Интернет-портал для добровольцев и ищущих добровольцев организаций, 4) создание локальных добровольческих центров, 5) проведение обучающих курсов для добровольцев и специалистов третьего сектора, 6) внедрение паспорта добровольца и системы поощрения добровольцев.

Через полгода после своего основания в 2003 г. участники сети инициировали региональную концепцию и программу развития гражданской активности «Гамбург становится активным». Особенностью программы является работа общественного управляющего совета (кураториума), состоящего из 40 предста-

вителей бизнеса, власти и общественности. Координация программных мероприятий и финансовая поддержка осуществляются министерством по социальным вопросам, в котором создан отдел по координации гражданской активности со штатом из трех специалистов. Программа Гамбурга представляет собой результативную модель по развитию гражданской активности, которая может быть взята в качестве образца сетевых трехсекторных взаимодействий при разработке российских программ развития гражданской активности.

Анализ инструментов признания и стимулирования гражданской активности молодежи в Германии в действующих программах федеральных земель позволил выявить следующие формы, методы и средства.

1. Формы мероприятий: конкурс для социально активных, акции выражения благодарностей добровольцам (прием в сенате и законодательном органе, ежегодный прием у министра-президента земли), ежегодный Интернет-чат и прямая линия с ответственным по вопросам гражданской активности в правительстве, гражданские праздничные мероприятия с награждением добровольцев, конференции для специалистов, работающих с добровольцами.

2. Знаки отличия, документы и записи, подтверждающие гражданскую активность: благодарственная грамота, социальная медаль, почетный нагрудный знак, знак «Политика говорит спасибо» министр-президента федеральной земли, благодарственные письма министр-президента, внесение фамилии в гражданскую летопись добровольцев, публикация списка активистов, присвоение звания «Лучший доброволец месяца», публикация портретов молодых активистов в прессе, карта добровольца, удостоверение добровольца федеральной земли, вкладыш добровольца в свидетельство об успеваемости (для школьников), свидетельство добровольца с приобретенными компетенциями для работодателей, сертификат добровольца, квалификационный паспорт. В 12 федеральных землях молодым добровольцам выдается специальный документ (карта добровольца, квалификационный паспорт, удостоверение компетенций), который предназначен для работодателей и содержит характеристику способностей и перечисление компетенций, полученных за период добровольческой деятельности. Наиболее весомым является квалификационный паспорт, дающий возможность по модулям набирать необходимый уровень квалификации параллельно или вне системы повышения квалификации. В Гамбурге и земле Северный Рейн-Вестфалия удостоверение добровольца официально поддержано объединениями работодателей и признано в качестве документа, достоверно свидетельствующего о квалификациях и компетенциях наравне со свидетельствами о повышении квалификации. В Берлине «Паспорт добровольца» торжественно вручается в канцелярии сената и фиксирует не только деятельность и период работы добровольца в общественной организации, но и обращение к потенциальному работодателю с перечислением конкретных компетенций, которые приобрел доброволец в процессе общественной деятельности.

3. Подарки и денежные вознаграждения: ежегодная денежная премия за активность, бесплатные карты (билеты) на различные мероприятия, сувениры, бонусы определенных образовательных программ для молодежи, бесплатные курсы повышения квалификации, обучающие поездки для добровольцев.

В заключение следует подчеркнуть, что политика Германии по развитию гражданской активности молодежи представляет особый интерес для России в контексте проблемы развития гражданского общества. Немецкие общественные организации, ориентированные на молодежь, на 64% финансируются из бюджетных средств, 32% составляют членские взносы и 3% составляют пожертвования, что соотносится с наметившимися российскими тенденциями.

Библиографический список

1. Entschliessung des Rates vom 25. November 2003 ueber gemeinsame Zielsetzungen fuer die Partizipation und Information der Jugendlichen. Amtsblatt der Europäiischen Union. Bruessel, 2003.
2. *Gensicke T., Picot S., Geiss S.* Freiwilliges Engagement in Deutschland 1999–2004, Ergebnisse der repraesentativen Trenderhebung zu Ehrenamt, Freiwilligenarbeit und buergerschaftlichem Engagement, VS-Verlag, Wiesbaden, 2005.
3. Enquete-Kommission «Zukunft des Bürgerschaftlichen Engagements»: Bürgerschaftliches Engagement: auf dem Weg in eine zukunftsfähige Bürgergesellschaft. Bericht. Deutscher Bundestag. Opladen: Leske+Budrich, 2002.
4. Anleitung zum Aufbau einer Freiwilligenagentur. JWD Berlin, 2007.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

T.A. Shumilova, M.A. Murzova
**Restrictions of Civil Rights
and Liberties of Man and Citizen:
Principles and Limits**

International legal acts and Russian legislation are analyzed concerning terminological variability defining restrictions of civil rights and liberties of man and citizen. Certain criteria for setting the limits and legitimacy of restrictions of constitutional rights and liberties of citizens are revealed.

Key words and word-combinations: universality of rights and liberties of man and citizen, legitimate restrictions, the limits of legitimate restrictions.

Проанализированы международно-правовые акты и российское законодательство в части терминологической вариативности, определяющей такое явление, как ограничение прав и свобод человека и гражданина. Выявлены критерии установления пределов и правомерности ограничений конституционных прав и свобод граждан.

Ключевые слова и словосочетания: всеобщность прав и свобод человека и гражданина, правомерные ограничения, пределы ограничения.

УДК 342.7
ББК 67.400.3

**Т.А. Шумилова,
М.А. Мурзова**

ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ПОНЯТИЕ И ПРЕДЕЛЫ

Конституционное провозглашение прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, закрепление принципа всеобщности прав и свобод, установление обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина не исключают возможности их правомерного ограничения, которое объективно обусловлено процессами социализации человека. Как полагает В.К. Забигаило, «личность не может быть свободной от общества... Человек как часть... общества всеми своими действиями вплетается в разнообразные отношения с... обществом, государством и его органами, классами и партиями» [1, с. 36].

Безусловно, ограничение прав и свобод человека и гражданина – один из важнейших аспектов взаимоотношений человека и государства. Развивая мысль Е.В. Егоровой о том, что ограничения преследуют цель компромисса между общественной, государствен-

ной необходимостью и интересами правообладателя [2, с. 14], добавим, что при понимании права как основного инструмента защиты личности от произвола государства, роль ограничений прав и свобод состоит в защите общества, прав и свобод других лиц от произвола правопользователя (человека, гражданина). В Российской Федерации традиционное для российской и мировой правовой системы правило, в соответствии с которым осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, закреплено на высшем – конституционном уровне.

Институт ограничений прав и свобод человека и гражданина впервые получил свое закрепление в Конституции (Основном Законе) РСФСР 1978 г. [3]. В ст. 33 гл. 5 «Права и свободы человека и гражданина» разд. II «Государство и личность» провозглашалось: «Перечень прав и свобод, закрепленных настоящей Конституцией, не является исчерпывающим и не умаляет других прав и свобод человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина *могут быть ограничены законом* только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав и интересов других людей в демократическом обществе». В предыдущих советских Конституциях устанавливался только запрет на какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав граждан по расовым и национальным признакам [4, ст. 22; 5, ст. 13; 6, ст. 123; 7, ст. 36]. В настоящее время источником регулирования ограничения принципа всеобщности прав и свобод является Конституция РФ, в которой провозглашено, что права и свободы человека и гражданина *могут быть ограничены* федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [8, ч. 3 ст. 55].

Сравнивая конституционные формулировки статьей, закрепляющих нормы об ограничении прав и свобод человека и гражданина Конституции РСФСР 1978 г. и Конституции РФ 1993 г., можно отметить, что в перечень оснований, допускающих установление ограничений прав и свобод в действующей Конституции РФ, добавлены обеспечение обороны страны и безопасности государства. Иными словами, Основной закон современной России допускает, что установление правомерных ограничений прав и свобод возможно не только в интересах человека и гражданина, но и во благо всего российского общества и государства.

Сегодня в достаточно общих чертах на конституционном уровне определены контуры как оснований и целей ограничений прав и свобод граждан, так и пределов осуществления прав и свобод граждан. Вместе с тем, несмотря то, что допустимость ограничения принципа всеобщности прав и свобод человека и гражданина закреплена на конституционном уровне, в правовой науке, законотворческой деятельности и правоприменительной практике отсутствует общепринятая трактовка и дефиниция ограничения прав и свобод. Собственно ограничения в научной юридической литературе рассматриваются в нескольких и весьма различающихся аспектах [9, с. 44; 10, с. 76; 11, с. 80; 12, с. 52; 13, с. 58; 14, с. 105; 15, с. 69; 16, с. 23]. В справочной литературе также отсутствует однозначное определение ограничений [17, с. 444; 18, с. 391; 19, с. 210].

Многообразие теоретических трактовок обусловило терминологическую неоднозначность употребления в международно-правовых документах положений о правовых ограничениях прав и свобод человека и гражданина. Так, например, ст. 29 Всеобщей декларации прав человека гласит: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким *ограничениям*, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали и общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [20], то есть в данном документе используется термин «ограничение». В Международном пакте о гражданских и политических правах и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах наряду с термином «ограничение» применяются «умаление», «уничтожение прав и свобод». В ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод употребляется термин «ограничение»: «осуществление свобод выражения мнения, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом». В ст. 5 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. провозглашено, что закон имеет право *запрещать* лишь действия, вредные для общества; все, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом. В Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ используется термин «ограничение»; в Американской конвенции о правах человека – «приостановление гарантий» [21]. Таким образом, единого в терминологическом выражении понимания вопросов, связанных с ограничением конституционных прав и свобод, до настоящего времени достигнуть не удалось.

В научной литературе все больше внимания обращается на необходимость доктринального осмысления проблемы ограничения прав и свобод человека, что вызывает необходимость выработки концептуальных подходов к данному процессу. По мнению Б.С. Эбзеева, значимость конституционного нормирования проблемы ограничений прав и свобод граждан обусловлена взаимоотношениями личности и общества, вызывающими необходимость обеспечения совместимости индивидуальной свободы с благом общества, а блага общества, в свою очередь, – со свободой личности [12]. Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что разработка научно обоснованной теории ограничения прав и свобод человека и гражданина необходима для предотвращения возникновения антигуманистических теоретических подходов и практики возникновения режимов, умаляющих или даже отменяющих права индивида.

Нельзя не отметить, что в настоящее время не выработано и ясных критериев (пределов) ограничения прав и свобод человека и гражданина. В теории права выделяют «естественные пределы» (внутренние), к которым относят психофизиологические ограничения человека; ограничения, обусловленные его возрастом, состоянием здоровья, ранее накопленным объемом знаний, физическими, умственными и иными возможностями и способностями человека; окружающие его социальные условия, временные рамки его бытия [19, с. 54] и соответственно «искусственные пределы» (внешние) ограничений прав и сво-

бод человека, которые могут устанавливаться субъектом позитивного нормотворчества [22, с. 8].

Нам представляется необходимым на примере фундаментального права каждого на жизнь рассмотреть проблему установления пределов ограничений конституционного права как такового.

Право на жизнь – естественное и в связи с этим врожденное, неотчуждаемое и равное для всех право, понимаемое как единство трех элементов: права на физиологическое существование, права на достойную жизнь и права на духовное развитие. Специфика рассматриваемого права диктует особый подход к определению правомерности его ограничения. При введении частичных ограничений в отношении структурных элементов права на жизнь законодатель должен учитывать, что возможным последствием может стать утрата человеком жизни. Поэтому ограничения в отношении права на жизнь не должны носить произвольный характер, но должны вводиться исключительно в соответствии с определенными критериями. Представляется, что правомерных случаев лишения хотя бы одного из перечисленных элементов права на жизнь не существует. Частичное же ограничение представляется возможным только в отношении права на достойную жизнь и права на духовное развитие.

Исходя из известной классификации прав и свобод, можно утверждать, что естественные права по своей природе не могут быть ограничены, поскольку являются неотъемлемыми. Вместе с тем позитивное право по своей сути есть ограничение. В связи с этим первым необходимым ограничением естественного права является отражение его в позитивном праве, которое сопровождается установлением определенных границ его государственной охраны.

Так, в отношении права на жизнь в Конституции РФ установлено, что права принадлежат человеку от рождения, а это является ограничением права на жизнь детей до рождения. Кроме того, Конституция России суживает объем права на жизнь до права на физиологическое существование, в то время как остальные элементы права на жизнь не обозначены. Такое ограничение нельзя считать оправданным, поскольку оно затрудняет выстраивание единой системы гарантий.

Право на жизнь, бесспорно, является основным правом человека, и поэтому любое положение, устанавливающее возможность лишения человека жизни или предоставления государственной защиты права на жизнь с определенного времени после рождения, является противоречащим Конституции РФ и не подлежит применению.

Исходя из сказанного, на наш взгляд, существует коллизия между ч. 2 ст. 17 и ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, допускающей применение смертной казни. Полагаем, при разрешении данной коллизии следует учитывать, что ст. 17 носит общий характер. В публичном праве разрешено все, что не запрещено; в случае допустимости изъятий из правила, ею установленного, должно быть соответствующее на это указание. Например: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, если иное не установлено положениями настоящей главы Конституции». Также полагаем, что слова «могут быть ограничены», примененные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, не следует интерпретировать как право законодателя принять или не принять соответствующий закон,

ограничивающий права человека в случае реальной угрозы названным интересам и тем более в условиях систематического их нарушения.

Однако, как показывает практика, в российском обществе сложилось на этот счет иное представление. Например, в России отсутствует система мер против распространения среди населения продуктов, созданных с использованием генетически измененных компонентов. Обязанность производителя указывать на упаковке информацию о наличии в составе изделия ГМО не обеспечивает необходимую защиту здоровья как отдельных лиц, так и всей нации. В условиях добровольной сертификации отсутствует какой-либо реальный контроль, а значит, и ответственность производителя за отсутствие на упаковке указанной информации, что в потенциале несет угрозу праву на жизнь конкретного человека.

Для Российской Федерации традиционно уважение к нормам международного права и признание их особой роли в обеспечении прав человека. Статья 15 Конституции объявляет общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры частью национального законодательства. В международном праве существуют правила ограничения как общие для всех прав, так и специальные – для права на жизнь. Рассмотрим некоторые специальные условия ограничения права на жизнь, закрепленные в международных документах.

Так, в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. названо только одно возможное ограничение права на жизнь – смертная казнь; при этом определены условия ее применения. С 11 июля 1991 г. вступил в силу Второй факультативный протокол к Пакту, направленный на отмену смертной казни, в преамбуле которого сказано, что все меры по отмене смертной казни следует рассматривать как прогресс в обеспечении права на жизнь. Россия не является участником данного Протокола, и в п. 3 ст. 20 российской Конституции устанавливается возможность применения смертной казни. Специальные критерии ограничения права на жизнь определены также в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Для правильного понимания положений Конвенции следует руководствоваться решениями Европейского суда по правам человека. В частности, Европейский суд, называя ст. 2 Конвенции одной из самых важных, закрепляющей ключевую ценность демократических обществ, установил, что п. 2 главным образом определяет не те случаи, при которых кто-то может быть намеренно лишен жизни, а описывает ситуации, когда допускается применение силы, что может привести к непреднамеренному лишению жизни [23, с. 49; 24, с. 169–171]. Примечательно, что Суд считает оправданным применение силы, исходя из лучших побуждений, если оно основано на действительной уверенности в правильности таких действий в данный момент, но впоследствии оказывается ошибочным.

В данном случае очевидно, что лишение жизни не рассматривается как нарушение Конвенции, если оно является результатом абсолютно необходимого применения силы в следующих случаях:

- для защиты любого лица от противоправного насилия;
- для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Применяя силу в отношении конкретного человека, государство должно помнить, что этот человек также имеет право на жизнь. Здесь же, как нам кажется, имеет место лишение человека права на безопасность и личную неприкосновенность, которые являются гарантиями права на жизнь.

Другой важный вопрос обеспечения права на жизнь – защита нерожденных детей или право женщины на аборт. Проведенный анализ решений Европейского суда по правам человека показал, что до сих пор Европейский суд уклонялся от ответа на вопрос, предоставляет ли Конвенция защиту нерожденным детям.

Соответствующая статья сформулирована широко, ее содержание конкретизируется в решениях Европейского суда. Изучение актов Европейского Суда по данной проблеме выявило следующие факты. В одном из своих решений Суд постановил, что рождение и особенно обстоятельства рождения являются частью личной жизни ребенка, а затем и взрослого [25]. Комиссия при Европейском суде, рассматривая одно из дел, пришла к выводу, что аборт на начальной стадии беременности можно рассматривать как косвенное ограничение права зародыша на жизнь, «защищающее жизнь и здоровье женщины на этой стадии». Также, рассматривая дело «Херц против Норвегии», Комиссия решила: при определенных обстоятельствах зародыш может пользоваться определенной защитой по ст. 2, несмотря на то что в государствах-участниках Конвенции существует значительное расхождение мнений о том, защищает ли ст. 2 нерожденную жизнь. Поэтому, по мнению Комиссии, государства должны иметь определенную свободу выбора при осуществлении правового регулирования данного вопроса. Комиссией было определено, что законодательство, устанавливающее уголовную ответственность, не нарушает права на уважение частной жизни женщины [26, с. 131].

Анализ рассмотренных материалов позволяет сделать следующие выводы:

– до настоящего времени в юридической науке не удалось достигнуть единого понимания основания, сущности, целей и принципов ограничения прав и свобод граждан как изъятия из принципа всеобщности прав и свобод человека и гражданина;

– проблема пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина, как важная составляющая обеспечения оптимального баланса интересов личности, общества и государства, приобретает наибольшую актуальность в условиях становления правового государства и демократического общества, которые провозглашены в российской Конституции.

Библиографический список

1. *Забигаило В.К.* Право на права. Киев, 1989.
2. *Егорова Е.В.* Эволюция и современное состояние института ограничений прав и свобод человека и гражданина в России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.
3. Конституция (Основной Закон) РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
4. Конституция (Основной Закон) РСФСР // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
5. Конституция (Основной Закон) РСФСР // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. № 118.
6. Конституция (Основной Закон) СССР // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
7. Конституция (Основной Закон) СССР // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
8. Конституция РФ. М., 2008.
9. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве // Правоведение. 1998. № 3.
10. *Тихонравов Ю.В.* Основы философии права. М., 1997

11. Станкевич Т.Б. Ограничение прав собственности на земельные участки: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
12. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека от российскому законодательству и международному праву: «круглый стол» // Государство и право. 1998. № 10.
13. Камышанский В.П. Пределы и ограничения права собственности. Волгоград, 2000.
14. Гойман В.И. Формирование правовой активности личности как составная часть коммунистического воспитания. М., 1988.
15. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Саратов, 1977.
16. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Кабаева. Саратов, 1987.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
18. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2003.
19. Терминология российского законодательства: справочник юриста / сост. Р.В. Сумцова. М., 2003.
20. Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1998.
21. Сборник важнейших документов по международному праву. Ч. I: Общая. М., 1996.
22. Ягофарова И.Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. 2002. № 4 (10).
23. Дело Мак-Канн и другие против Соединенного Королевства от 27 сентября 1995 г. // Серия А. Т. 39, § 161.
24. Дело Стюарт против Соединенного Королевства от 10 июля 1984 г. // Серия А. Т. 39.
25. Дело Одиевр (ODIEVRE) против Франции (жалоба № 42326/98. Страсбург, 13 февраля 2003 г.). URL: <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=2545>
26. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998.

**A.V. Semenova
Migratory Processes
in the Russian Federation:
Administrative-Legal Regulation**

The necessity of systematization of the current legislation regulating migratory processes in Russia is substantiated. Mechanisms of administrative-legal regulation of migration reducing inappropriate mass movements of the population to a minimum are proposed.

Key words and word-combinations: migratory processes, migratory legislation, administrative-legal regulation.

Обосновывается необходимость систематизации современного законодательства, регулирующего миграционные процессы в России. Предлагаются механизмы административно-правового регулирования миграции, сводящие к минимуму неуместные массовые перемещения населения.

Ключевые слова и словосочетания: миграционные процессы, миграционное законодательство, административно-правовое регулирование.

УДК 342.9:314.15(470+571)
ББК 67.401.03:60.74(2Рос)

А.В. Семенова

**МИГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ:
АДМИНИСТРАТИВНО-
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**

В настоящее время термин «миграционная политика» ассоциируется преимущественно с применением государствами механизмов воздействия на процессы перемещения людей из одной страны в другую. В России это понятие применяется по отношению как к внешним, так и к внутренним

миграциям. Тем не менее подразумевается, что в любом случае речь идет о деятельности официальных властных структур и их должностных лиц.

Федеральные законы и соответствующие подзаконные акты, регламентирующие деятельность государственных органов и их должностных лиц, можно отнести к основаниям, на которых осуществляется государственно-правовое регулирование миграционных процессов. Первостепенное значение имеют нормы, регламентирующие вопросы гражданства, порядок его приобретения и прекращения, поскольку институт гражданства имеет исключительно важное значение для регулирования миграции.

Статья 27 Конституции России [1] закрепляет: «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства». Хотя миграция является своего рода выражением свободного волеизъявления граждан, следует отметить, что федеральная Конституция не признает за человеком права на абсолютную свободу в части передвижения и выбора места жительства. Это право принадлежит лишь тем лицам, которые находятся на территории Российской Федерации на законных основаниях, будь то гражданин России, иностранный гражданин или лицо без гражданства. В отношении двух последних категорий лиц Федеральным законом установлены специальные ограничения.

Субъектом права беспрепятственного въезда в Российскую Федерацию вообще может быть только гражданин Российской Федерации. Однако и это право необходимо соотносить с принципом, закрепленным ч. 3 ст. 17 Конституции РФ: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», в соответствии с которым ч. 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом «только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

В связи с этим нельзя не упомянуть о действии закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [2]. Данный закон определяет, что в соответствии с Конституцией России, международными актами о правах человека каждый гражданин Российской Федерации имеет право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации. Таким образом, данное право граждан закреплено конституционно.

При этом, как представляется, не каждое лицо, пользующееся упомянутым правом, может быть признано мигрантом. Это связано с тем, что переселенец (мигрант), во-первых, покидает прежнее место жительства, а во-вторых, его переезд сопровождается пересечением границ (государственных и административных). Не случайно упомянутый выше Закон закрепляет необходимость регистрации граждан по месту жительства, которая в то же время не является частью процедуры переселения (миграции) в том случае, если гражданин не меняет место жительства или меняет его, не пересекая границы. Однако ино-

гда в тех случаях, когда миграционные процессы приобретают массовый, неорганизованный характер, вызванный самыми различными причинами, возникает необходимость государственного регулирования данного явления. Нередко это происходит в случаях, когда затрагивается жизнеспособность какого-либо региона, возникают ситуации, влияющие на безопасность граждан.

В другую группу конституционных установлений, образующих правовую основу регулирования процессов миграции, можно включить нормы о разграничении предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией, ее субъектами и органами местного самоуправления. Характерно, что прямых конституционных указаний на то, что миграционные процессы находятся в совместном ведении федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Федерации нет. Таким образом, в данной сфере имеется очевидный правовой пробел. Думается, что во многом именно поэтому взаимоотношения между уровнями власти в миграционной сфере строятся в основном исходя из указов Президента и постановлений Правительства Российской Федерации, ведомственных нормативных актов. Хотя некоторые косвенные правовые основания в разграничении полномочий в области миграции вытекают как из смысла ст. 71–73 Конституции РФ, так и из более чем 30 действующих федеральных законов.

Одним из основных законодательных актов, регулирующих миграционные правоотношения, является Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [3]. Данный Закон непосредственно реализует положения ч. 2 ст. 27 Конституции РФ о том, что «каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию», закладывает основы механизма, призванного обеспечивать право на свободу передвижения – порядок получения выездных документов для российских граждан, въезда и транзитного проезда для иностранцев. Закон в то же время достаточно подробно, за некоторым исключением, устанавливает случаи и основания ограничения такого права, включая отсылки к законодательству о безопасности, и, как частные случаи, – к законам о государственной границе и о государственной тайне.

Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» [4], содержащий правила пересечения государственной границы лицами и транспортными средствами, перемещения через нее грузов, товаров и животных, развивает, в свою очередь, принципы и нормы, изложенные в другом акте, – Законе Российской Федерации «О безопасности» [5]. Последний предусматривает деятельность ряда уполномоченных органов, осуществляющих государственное принуждение, том числе и при пересечении государственной границы, и в части принятия решения о допуске (выдаче визы) в Российскую Федерацию.

Определенная регламентация въезда и выезда иностранных граждан установлены Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (например, вопросы заполнения миграционной карты) [6]. Основное же содержание данного Закона составляют нормы, устанавли-

ливающие статус иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Кроме того, правовое регулирование некоторых правоотношений в этой сфере осуществляется Федеральным законом «О беженцах» [7], который определяет основания и порядок признания беженцем на территории Российской Федерации, устанавливает экономические, социальные и правовые гарантии защиты прав и законных интересов беженцев.

В случае лишения либо утраты статуса беженца, нарушения правил пребывания, проживания в Российской Федерации или транзитного проезда через территорию Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства в соответствии с Федеральными законами «О беженцах» и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» подлежат депортации за пределы Российской Федерации. Однако в настоящее время законодательно не установлен четкий порядок депортации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Законодательным актом, регулирующим права иностранных граждан и лиц без гражданства в части получения российского гражданства, является Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» [8]. В нем содержатся принципы гражданства Российской Федерации и правила, регулирующие отношения, связанные с гражданством Российской Федерации, определены основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации. Законом установлены и ограничения приобретения гражданства: его не смогут получить лица, связанные с преступностью, не владеющие государственным языком, не имеющие возможности содержать себя в стране проживания. Введена норма, ограничивающая предоставление двойного гражданства в случаях, не предусмотренных федеральным законом или международными договорами, а приобретение российского гражданства иностранцами за рубежом разрешено только в исключительных случаях по решению Президента России.

Рассматривая правовой статус мигрантов на территории Российской Федерации, необходимо обратиться к Закону Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» [9]. В соответствии с п. 3 ст. 1 Закона устанавливаются правовые основания для признания лиц вынужденными переселенцами, правовые гарантии защиты их экономических, социальных и иных прав и законных интересов на территории Российской Федерации. Однако в соответствии со ст. 1 Закона «О вынужденных переселенцах» последними признаются граждане Российской Федерации, а основное действие Закона направлено на регулирование вынужденной миграции граждан Российской Федерации.

Помимо перечисленных выше федеральных законов, следует упомянуть о ряде кодифицированных законодательных актов, прямо или косвенно затрагивающих отношения в сфере миграции, устанавливающих ответственность за правонарушения, связанные с незаконной миграцией. К таким нормативным актам относятся Налоговый, Бюджетный, Гражданский, Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Вместе с тем законодательные средства, действующие сегодня в России, к сожалению, не позволяют до конца предотвращать и минимизировать негатив-

ные последствия миграции населения. Одним из негативных моментов следует признать также хаотичность нарастания миграционного законодательства, отсутствие системного и комплексного подхода к его развитию, что во многом обусловлено отсутствием четкой государственной миграционной политики.

Ввиду назревшей проблемы в декабре 2001 г. в соответствии с распоряжением Президента РФ была создана межведомственная рабочая группа по подготовке предложений по усовершенствованию миграционного законодательства. Группа должна была в первом полугодии разработать предложения по усовершенствованию миграционного законодательства, внесению изменений и дополнений в него, а также предложения по принятию новых законов в сфере миграции. В июле 2007 г. поступило распоряжение о продлении срока работы группы.

Результатом работы группы является одобренная распоряжением Правительства РФ Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации [10]. Однако в ней конкретные вопросы совершенствования законодательства по вопросам миграции рассматривались в самом общем виде, без указания конкретных этапов и сроков реализации законодательной программы.

К сожалению, в нашей стране сегодня отсутствует политическая и экспертная дискуссия по вопросу миграции, в ходе которой анализ миграционных процессов проходил бы всестороннюю научно-практическую прогнозируемость в стране в целом и в отдельных регионах. В числе направлений совершенствования миграционного законодательства на одно из первых мест в последнее время выдвигается его систематизация. В частности, предлагается проведение кодификации – создание Миграционного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем следует учитывать, что кодификация – это длительный и трудоемкий процесс, а развитие миграционного законодательства не может затягиваться на годы. Принятие пакета законов – более оперативно решаемая задача, которая позволит в более краткие сроки решить проблему ликвидации пробелов и противоречий в действующем законодательстве, исключения из него устаревшего массива законодательных норм, укрепления национальной безопасности страны. С другой стороны, – это своего рода подготовка к кодификации будущего миграционного законодательства.

Анализ как федерального, так и регионального законодательства позволяет определить, что процесс административно-правового регулирования миграции населения в настоящее время в России осуществляется весьма активно, причем нормотворческая деятельность в субъектах Федерации в данном направлении протекает также довольно эффективно, развивая и конкретизируя положения федерального законодательства.

Библиографический список

1. Конституция РФ. М., 2008.
2. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Федер. закон от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (в ред. от 25 дек. 2008 г.) // Рос. газ. 1993. 10 авг.
3. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федер. закон от 15 авг. 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 3 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

4. О Государственной границе Российской Федерации: Закон РФ от 1 апр. 1993 г. № 4730-I (в ред. от 3 дек. 2008 г.) // Рос. газ. 1993. 4 мая.
5. О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I (в ред. от 26 июня 2008 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.
6. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 23 июля 2008 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
7. О беженцах: Закон РФ от 19 февр. 1993 г. № 4528-I (в ред. от 23 июля 2008 г.) // Рос. газ. 1997. 3 июня.
8. О гражданстве Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.
9. О вынужденных переселенцах: Закон РФ от 19 февр. 1993 г. № 4530-I (в ред. от 23 июля 2008 г.) // СЗ РФ. 1995. № 52. Ст. 5110.
10. Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 1 марта 2003 г. № 256-р // СЗ РФ. 2003. № 10. Ст. 923.

A.M. Zyukov
Implementation
of the Common Law Norms
in Legal Regulation of the Life
of Ethnic Groups in Modern Russia

The problems of legal regulation of the life of ethnic groups in modern Russia are investigated. Special attention is paid to the existence of antisocial traditions and customs in different ethnic groups and to the system of measures against these phenomena.

Key words and word-combinations: ethnic groups, ethnic traditions and customs, ethno-social relations, conciliation.

Исследуются проблемы правового регулирования жизни этнических групп в современной России. Особое внимание уделяется существованию антиобщественных традиций и обычаев в разных этнических группах и системе мер противодействия данным явлениям.

Ключевые слова и словосочетания: этнические группы, этнические традиции и обычаи, этносоциальные отношения, примирение.

УДК 343.254
 ББК 67.518.9

А.М. Зюков

**РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМ
 ОБЫЧНОГО ПРАВА
 В РЕГУЛИРОВАНИИ ЖИЗНИ
 ОТДЕЛЬНЫХ
 ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП:
 ВОЗМОЖНОСТИ
 И ОГРАНИЧЕНИЯ**

В настоящее время в Российской Федерации, как и во всем мире, достаточно остро стоят проблемы этнических конфликтов, разжигания вражды по признаку неравенства или противопоставления одних этносов / групп народов другим. Поэтому у государства возникает необходимость создавать условия и механизмы политико-правовой защиты различных этнических и народных групп.

Построение Российского многонационального государства невозможно представить без адекватного современным требованиям правового регулирования жизни этносов. Исхо-

дя из федеративной природы нашего государства, такое регулирование осуществляется как на общенациональном, так и на региональном уровнях. Нельзя не отметить, что в ряде случаев федеральные или региональные государственные органы принимают акты, в которых, вопреки конституционному принципу равенства граждан, содержатся положения, ориентирующие правоприменителя на действия, имеющие очевидную этническую направленность. Например, в постановлении Законодательного Собрания Краснодарского края было закреплено положение о необходимости обеспечения оперативного контроля за коммерческими и банковскими структурами, принадлежащими представителям отдельных этнических групп или созданными с долей их участия [1, п. 3.5].

В то же время следует иметь в виду, что в России отмечается практика применения правил, обычаев, традиций, которые не соответствуют общепринятым и санкционированным государством правовым нормам. Ряд исследователей считают, что отдельные народы (например, цыгане [2, 3]) до сих пор живут преимущественно в условиях обычного права. Кроме того, наблюдаются целые регионы, в которых наряду с формально действующим общегосударственным законодательством в повседневной жизни продолжает оставаться чрезвычайно актуальной регламентация, базирующаяся на этнических традициях. Так, центральное место в регулировании жизни народов, населяющих республики Северного Кавказа, и на сегодняшний день занимают обычные нормы (например, у вайнахов – адаты [4]).

Все это обуславливает необходимость формирования в Российской Федерации такой правовой системы, в которой наряду с формальными, порожденными государственной волей, будут учитываться фактически действующие в сохранившихся традиционных обществах формы контроля общественных отношений. При этом следует иметь в виду, что в таких обществах многие конфликты, включая те, что в современном обществе квалифицируются как преступление, разрешаются неправовыми методами. Подобные методы могут нести в себе как негативное (например, обычай кровной мести), так и позитивное (например, процедура примирения) содержание. Поэтому, реформируя правовую систему в указанном контексте, необходимо искоренять отрицательное и культивировать положительное начало, имеющиеся в нормативных традициях российских этносов.

Настоящей проблемой в правовом регулировании жизни этносов является то, что ряд обычаев и традиций (например, фамильно-патронимические суды старейшин, брачный выкуп, многоженство, ранние браки, денежная компенсация за причинение вреда здоровью без уголовного преследования) существуют фактически, причем даже не тайно, и являются социально приемлемыми для определенных народов. Их формальный запрет в федеральном законодательстве может быть воспринят как выражение неуважения к культуре и традициям этноса. Поэтому необходимо проводить особую правовую политику, которая исходила бы из дифференцирования этнических традиций и практик (позитивные, нейтральные, негативные) и позволяла узаконить некоторые из них. В этом случае можно создать правовую основу сохра-

нения традиций и обычаев на территории России и эффективно использовать имеющийся в них позитивный потенциал регуляторов социального поведения.

Дифференцирование этнических традиций и практик жизненно необходимо потому, что оно позволит в качественном измерении определить реальные проблемы и возможности (допустимость) юридической легализации обычаев и традиций. Например, кровная месть и самосуд недопустимы (в том числе и по шариату), разграничение прав женщин и мужчин нейтрально, а общинные, внесудебные (примирительные и согласительные) способы решения конфликтов крайне желательны; похищение (умыкание) невесты, уже во многом противоречащее современным правовым представлениям народов Кавказа, недопустимо, брачный выкуп и многоженство (неофициально существующее в Чечне, Ингушетии, некоторых районах Дагестана) безразличны, а коллективная собственность на землю крайне желательна.

В этой связи целесообразным представляется обратить внимание на социально приемлемые (допустимые) у некоторых народов традиции и обычаи как проблему для российского уголовного права. Отдельные обычаи, сохранившиеся в этнических группах, хотя и не являются преступными, но облегчают переход к преступным формам. Предназначение других качественно изменилось в современных условиях: такие институты, как «кровная месть» и «абречество» на Северном Кавказе из ранее правоохранительных сегодня превратились в противоправные. Поэтому поддержка некоторых «горских традиций» может лишь обострить криминогенную обстановку.

Как показала практика, нельзя просто механически соединить уголовное право, порожденное современным государством, и обычное право, содержащее в себе нормы, связанные с совершением уголовно наказуемых деяний. Чеченская Республика (Ичкерия) в 1996 г. принимала собственный Уголовный кодекс, который не имел ничего общего с УК РФ и общепринятыми нормами международного уголовного права. Попытка соединить несоединяемое – мусульманское право с некоторыми институтами европейского права – явно не удалась. Рассмотрев, например, уголовное деяние, совершенное на почве кровной мести, шариатский суд выносил решение о выдаче осужденного родственникам убитого для убиения в соответствии с законом мусульман [5].

Анализ проблемы востребованности ислама и мусульманской правовой традиции в новейшее время на Северном Кавказе дает основание связать ее с издержками процесса становления нового социального и правового порядка, обусловленного внедрением единообразного права, имеющего большие пробелы и игнорирующего культурно-правовые традиции народов.

Одним из способов разрешения конфликтов на Северном Кавказе до сих пор остается обычай «кровной мести». Он является социально одобряемым (признаваемым), но внеправовым, поскольку существует установленная государством уголовная ответственность за убийство по данному мотиву. В современной России федеральная государственная власть проявляет равнодушное отношение к существованию традиций «кровомщения». Научно обоснованной,

системной, последовательной и целенаправленной политики государства в отношении обычая «кровной мести» не наблюдается. «Кровная мечь» – единственный этнический обычай, закрепленный в уголовном законодательстве России, однако единого согласованного, научно обоснованного определения понятия «кровная мечь» не существует. Простое закрепление в российском уголовном законодательстве квалифицирующего признака, предусматривающего повышенную ответственность за убийство по мотиву «кровной мести», не оказывает влияния на мстителей. При этом отдельные представители народов Северного Кавказа считают, что обычай «кровной мести» до сих пор следует считать действующим регулятором социальных отношений.

В то же время социально одобряемой является традиция примирения «кровников», несущая в себе предупредительный потенциал. Примирение (араб. – *маслааты*) – процесс, включающий в себя последовательные действия, направленные на прощение нанесенной тяжкой «кровной обиды» представителями стороны родственников погибшего. Так же, как и кровная мечь, примирение в настоящее время – внеправовое явление, поскольку юридически не закреплено. Однако очевидно, что облечение процедуры примирения в правовую форму и признание ее государством весьма желательно. Об этом свидетельствуют и некоторые уже совершенные государственными структурами действия. Например, о роли примирения и примирительных комиссий в государственном правовом строительстве и правовой политике шла речь 1 марта 2007 г. на заседании Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, где обсуждался законопроект «О примирительной процедуре с участием посредника (медиации)». Особую роль данный документ мог сыграть для народов Северного Кавказа, однако сфера его предполагаемого применения ограничивалась спорами хозяйственного характера.

В середине XIX в. на территории нынешних Чечни и Дагестана практика примирения позволяла примирить 200–300 семейств. В советские годы в республиках Северного Кавказа во главе с председателями Верховных Советов создавались примирительные комиссии по примирению кровников, однако результаты их работы были не столь масштабны.

Примирительные комиссии и сегодня создаются на территории Чечни, что свидетельствует о потребности чеченского общества в примирении и согласии. Подтверждением этому служит то, что в 2006 г. был опубликован Указ Президента Чеченской Республики, инициированный обращениями общественных и правозащитных организаций, представителей духовенства, старейшин и граждан в целях достижения мира и согласия в Республике [6]. Целью создания комиссий является примирение «кровников» и враждующих сторон, а в их состав должны входить старейшины и авторитетные представители населения. Примирительные комиссии надлежало создать главам администраций всех городов, районов и населенных пунктов Чеченской Республики. Однако сегодня инициатива по примирению исходит прежде всего от представителей исламского духовенства, а роль районных администраций является чаще всего «технической», обеспечивающей саму процедуру.

Как свидетельствуют исторические источники, в XIX в. в Балкарии был распространен суд посредников. С помощью медиаторского суда разрешались не только внутриобщинные тяжбы, но и конфликты между представителями разных обществ (прекращение кровной мести, поземельные споры и прочее) [7, с. 203]. Третейский суд являлся базовым механизмом традиционной правовой культуры горцев вне зависимости от нормативной основы производимых судебных разбирательств. В его состав обычно выбирали несколько уважаемых стариков – поровну от каждой конфликтующей стороны, которые и решали спор.

Примирительная работа – дело весьма сложное, о чем свидетельствует анализ процедуры примирения. В то же время, если ее построить на основе четкой правовой базы, она позволит существенно изменить криминогенную ситуацию на территории отдельно взятого субъекта Российской Федерации и всего государства. Созданные примирительные комиссии призваны стать важным элементом государственной системы предупреждения преступлений и профилактики правонарушений.

Формирование правовой базы по противодействию обычаю кровной мести настоятельно требует создания «Положения о примирительном производстве...», утверждаемого главой субъекта Российской Федерации, на территории которого выявляются факты совершения преступлений по указанному мотиву. Положение должно отражать правовые установки, заложенные в проекты федеральных законов «Об основах государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и «Об участии граждан в обеспечении правопорядка» [8]. Правовое закрепление и развитие примирительного производства будет проявлением оправданного правового компромисса, заключенного между современным государством и традиционными этническими обществами, живущими в этом государстве.

В современной России и, особенно, в регионах Северного Кавказа назрела необходимость преодоления межнациональных противоречий и разобщенности по этническому признаку. Вместе с тем сложно примирить разные народы друг с другом, пока внутри отдельно взятого народа (или группы народов) существуют давние родовые конфликты, являющиеся пережитками возрождаемых и сохраняемых родоплеменных отношений, к каким относится и «кровная месть».

Нельзя говорить, что в государстве на сегодняшний день сложилась идеология противодействия данному внеправовому способу разрешения конфликтов. Обычай «кровной мести» находится в плоскости теоретически не систематизированного, а кроме того, научно не обоснованного. Можно констатировать, что никакие запреты и наказания не отвратили представителей этнических групп от социально негативных, а иногда и откровенно противоправных для государства обычаев и традиций. Только лишь уголовное преследование в данном случае не эффективно, требуется применение иных механизмов, но тоже основанных на традициях и обычаях народов. Например, в случае с обычаем «кровной мести» – это примирение.

Сохранение этнического многообразия Российской Федерации трудно пред-

ставить без сохранения социально одобряемых позитивных или нейтральных народных традиций. Следует отметить, что сегодня отдельные исследователи выступают в защиту уже принятых абстрактных светских законов [9]. Однако действующее уголовное законодательство не приспособлено учитывать особенности социальной организации жизни различных российских этнических групп.

Применение унифицированных общегосударственных правовых положений в регионах или местностях, имеющих отчетливо обозначенную этническую специфику, может вызвать нежелательные или трудно предсказуемые последствия. Избежать этого можно, если модернизировать российскую правовую систему таким образом, чтобы стало возможным в случае необходимости использовать нормы обычного права. Это тем более представляется актуальным, что этнические традиции не остаются неизменными и приспособляются под современные стандарты жизни. Например, похищение женщины с целью принуждения к вступлению в брак на Кавказе сегодня уже вызывает осуждение. Народное собрание Ингушетии в 2004 г. даже внесло предложение криминализовать на общероссийском уровне это деяние [10], однако инициатива не была поддержана другими субъектами Федерации, для которых эта проблема не актуальна.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что обычаи и традиции того или иного этноса могут вступать в противоречие не только с общегосударственными установками, но и с порядком жизни, принятым другими этносами. Так, у цыган популярны сказки, в которых отражается цыганская жизнь и фигурируют воровство невест, конокрадство, гадание, попрошайничество. Конечно, цыгане имеют право на восприятие, сохранение, использование и передачу своей этнической духовной традиции, которая объединяет их, дисциплинирует, помогает им. Можно сказать, что цыгане остаются цыганами в основном именно благодаря этой традиции [2, с. 42]. Однако многие компоненты такой традиционной цыганской жизни не приемлемы как для государства, так и для иных этнических групп российского населения.

Следует учитывать и то, что многие народы, населяющие современную Россию, просто не успевают за развитием социальных, экономических и техногенных процессов. Как следствие, они предпочитают жить по традициям и обычаям, прошедшим проверку временем. В отсутствие направленной на искоренение антиобщественных традиций и обычаев государственной политики такие этнические общности вынуждены вести свою жизнь по «собственным правилам», которые нередко противоречат нормам действующих законов. Поэтому следует помочь данным народам и правовым способом направить их традиции в социально одобряемом направлении. Необходимо опираться на местные обычаи в той части, в которой они не противоречат здравому смыслу и действующим светским законам. Имеющийся исторический опыт подтверждает правильность такого подхода.

Правовая система Российского государства в XIX – начале XX в. в части регулирования этносоциальных отношений формировалась на основе результатов научных работ юристов, этнологов, историков, теологов и богословов. В

результате были приняты нормативно-правовые акты, такие как «Положение об инородцах» [11]. Подобного рода законы позволяли наиболее эффективным образом управлять территориями и местностями, населенными отдельными этническими группами, и при этом проявлять должное уважение к их национальным и религиозным традициям.

На сегодняшний день в России отсутствуют научные исследования, разрабатывающие теоретические и практические основы профилактики правонарушений и предупреждения преступлений за счет этносоциального потенциала самого общества. Анализ и учет возможностей предупреждения преступлений силами самих этнических групп также не ведется. Национальная и правовая политика Российского государства не базируется на глубоко осмысленной концептуальной основе, не обладает необходимой гибкостью. Ей недостает дифференцированного подхода, предметного учета исторического многообразия вековых традиций, самобытности культур и духовности, рационального учета этнической определенности в формировании и регулировании правовых отношений.

Итак, основными проблемами для системного правового регулирования жизни этносов являются:

регулирование жизни отдельных этнических групп преимущественно нормами обычного права;

преобладание в структуре правовых воззрений отдельных этнических групп норм обычного права над установленными государством правовыми нормами;

сложившееся среди представителей отдельных этнических групп мнение, что формальный запрет некоторых обычаев и традиций в федеральном законодательстве является пренебрежением к культуре и традициям народа;

отсутствие признания (закрепления в правовых документах) фактического существования асоциальных традиций и обычаев у отдельных этнических групп;

существующие среди современных ученых – культурологов, этнологов, политологов, юристов и философов разночтения в определении дефиниций «этнос», «нация», «народ»;

отсутствие целенаправленной, последовательной и системной политики государства в регулировании этносоциальных отношений.

Очевидно, что для решения обозначенных проблем необходимо исследовать историю возникновения, развития и трансформации этноправовых обычаев, а также опыт государственной борьбы с асоциальными обычаями. Актуальным представляется изучение особенностей принятого в традиционных обществах правового регулирования и закрепление политико-правовых способов регулирования этносоциальных отношений криминологическими и уголовно-правовыми средствами воздействия, которые можно разделить на три уровня: *теоретический, концептуальный и практический*.

Теоретический подход в исследовании вопросов уголовной этнополитики, на наш взгляд, заключается в изучении деятельности государственного аппарата, направленной на анализ общих правовых форм реагирования на противоречия в этносоциальных отношениях, детерминирующих криминаль-

но-криминогенные ситуации с участием представителей различных этно-групп.

Концептуальный подход должен включать в себя научные историко-правовые исследования проблем уголовной этнополитики, одну из которых мы видим в разработке государственной системы (стратегии) противодействия возникающим на основе этнических традиций и обычаев негативным процессам в этнических группах.

Практический подход, на наш взгляд, заключается в определении методов перехода от концептуального подхода в оценке современной государственной стратегии противодействия этнической преступности к предупреждению этносоциальных противоречий во всех формах и проявлениях уголовно-правовыми и криминологическими средствами на основе сохранившихся в традиционных обществах и социально одобряемых форм контроля общественных отношений.

Библиографический список

1. Об утверждении комплексной программы по укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью в Краснодарском крае на 2002–2003 гг.: постановление Законодательного Собрания Краснодарского края от 30 июля 2002 г. № 1626-П // Информ. бюллетень. 2002. № 39 (69). Ч. II, окт.
2. *Торопов В., Калинин В.* Феномен обычного права цыган России. Иваново, 2006.
3. *Пономаренков В.А.* Этносоциальная детерминация уголовно-процессуального доказывания: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2008.
4. *Богатырев В.В., Эльмурзаев С.М.* Особенности современного нормативного регулирования чеченского народа // Юрид. вестн. ВЮИ ФСИН России. 2008. № 3 (4).
5. *Мисроков З.Х.* Феномен мусульманского права в процессах динамики систем права России (XIX – начало XXI века) // Журнал российского права. 2002. № 10.
6. Об объявлении августа 2006 г. месяцем национального согласия и примирения: указ Президента Чеченской Республики от 24 июля 2006 г. № 220 // Тележурнал «Вести – Северный Кавказ». 2006. 4 авг. / информ. агентство «Интерфакс». 2006. 1 авг. URL: <http://podrobnosti.ua/accidents/warandterror/2006/08/01/335559.html>; официальный портал Президента и Правительства Чеченской Республики. URL: <http://chechnya.gov.ru/>
7. *Муратова Е.Г.* Судебная система в трансформирующихся обществах (на примере Балкарии XIX в.) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2006.
8. О разработке проектов федеральных законов «Об основах государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и «Об участии граждан в обеспечении правопорядка»: поручение Президента РФ В.В. Путина от 15 дек. 2006 г. № Пр-2174 (п. 3 протокола совещания Совета Безопасности РФ от 2 дек. 2006 г.). URL: <http://www.mvd.ru/news/14343/>
9. *Тимощук А.С., Тимощук Е.А.* Этноконфессиональная конкретизация права – да или нет? // Вестн. Владимирского юридического института. 2007. № 3 (4).
10. О проекте федерального закона «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации»: постановление Народного собрания Республики Ингушетия от 21 октября 2004 г. № 244. Магас, 2004.
11. Положение об инородцах. Изд. 1892 г. [с доп. и изм. на начало 1912 г.]. Разд. 3: Об инородцах в губерниях Ставропольской и Астраханской // Свод законов Российской империи. Изд. неофициальное: в 5 кн. СПб., 1912. Кн. 1, т. 2.

K.S. Smirnova
Constitutional and Legal Aspects
of Large Families' Social Support:
Russian and Foreign Experience

The author considers and compares legal regulation in the field of large families' social support in Russia and in foreign countries. Proposals on perfection of the Russian Federation legislation on the basis of positive foreign experience are made.

Key words and word-combinations: legal regulation, large families' social support, foreign experience, family allowance and privileges.

Рассматривается и сопоставляется правовое регулирование в области социальной поддержки многодетных семей в России и в зарубежных странах. На основе положительного зарубежного опыта дается ряд предложений по совершенствованию российского законодательства о семье.

Ключевые слова и словосочетания: правовое регулирование, социальная поддержка многодетных семей, зарубежный опыт, льготы и пособия.

УДК 342.415
 ББК 67.400

К.С. Смирнова

**КОНСТИТУЦИОННО-
 ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
 СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
 МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ:
 РОССИЙСКИЙ
 И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

В соответствии с нормами международного права материнство и семья находятся под защитой государства [1, ст. 22, ч. 2 ст. 25; 2, ст. 10]. Конституция РФ, учитывая положения международных нормативно-правовых актов, закрепляет одним из основных направлений социальной политики государства государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства [3, ст. 38].

Защита материнства и детства, семьи носит комплексный социально-экономический характер и осуществляется путем принятия разнообразных государственных мер поощрения материнства, охране интересов матери и ребенка, укреплению семьи, ее социальной поддержке, обеспечению семейных прав граждан. Для многодетных семей законодательством многих стран предусмотрены льготы и поощрения. С этой позиции представляется интересным рассмотреть, сопоставить правовое регулирование социальной поддержки многодетных семей в России и в зарубежных странах и на основе положительного зарубежного опыта выработать некоторые предложения для Российской Федерации.

Положениями ст. 72 Основного Закона России закреплено, что защита семьи, материнства, отцовства и детства находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. В рамках реализации данных

норм федеральной Конституции принят ряд законов как на общенациональном, так и на региональном уровнях.

На сегодняшний день у многодетных матерей в России существует перечень льгот, в числе основных можно назвать: ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком; пенсионные льготы; льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг. Многодетные матери, в соответствии со ст. 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [4], получают ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Данное пособие выплачивается в размере минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом, независимо от числа детей, за которыми осуществляется уход.

В зарубежной практике закреплены подобные льготы, однако в части как формально-юридической, так и содержательной они могут заметно отличаться от российских аналогов. Например, в Германии в рамках Реализации ст. 6 Конституции [5, с. 160–163] приняты Закон «О подоходном налоге» (*Einkommensteuergesetz*) [6] и Федеральный закон «О детских пособиях» (*Bundeskindergeldgesetz*) [7], которые закрепляют право получения дополнительного налогового бонуса многодетными семьями за рождение каждого ребенка и право на получение детского пособия. Согласно данным законам, на каждого ребенка в возрасте до двух (а в некоторых землях – до трех) лет мать получает по 300 евро в месяц. Помимо того, законодательством Германии предусмотрены пособия в размере 154 евро на ребенка (если их в семье до трех человек) и 179 евро – на каждого последующего. Это пособие выплачивается до 27 лет, если «ребенок» живет с родителями и не работает (имеется в виду, что он получает среднее, а затем и высшее образование).

Кроме того, социальная поддержка в германском законодательстве о детях дифференцирована по возрастам. Детям дошкольного возраста оплачиваются книги с картинками, небольшой набор игрушек, трехколесный велосипед. При зачислении ребенка в школу выделяются средства на покупку ранца, тетрадей и ручек, каждый год бесплатно выдаются необходимые учебники, оплачивается недорогая или подержанная спортивная форма. Многодетные (с тремя и более детьми) семьи имеют право на ежегодную бесплатную путевку для всех в санаторий или дом отдыха [8].

Пенсионные льготы для многодетных матерей в России впервые были введены Законом СССР о государственных пенсиях от 14 июля 1956 г. Позже они нашли свое закрепление в Законе РФ «О государственных пенсиях в Российской Федерации» [9]. Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» также сохранил право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости женщинам, родившим пять и более детей и воспитавшим их до достижения ими возраста 8 лет [10]. Пенсия в таком случае назначается по достижении возраста 50 лет, если мать имеет страховой стаж не менее 15 лет. Если же многодетная мать не имеет требуемого страхового стажа, пенсия по старости может быть назначена ей на общих основаниях.

В зарубежном законодательстве также закреплены подобные подходы. Например, в рамках реализации ст. 30 и 32 Хартии основных прав и свобод Чехии

[11] действует законодательство, закрепляющее, что каждый рожденный ребенок уменьшает на год возраст выхода на пенсию матери [12].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» многодетные семьи имеют льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг, а также право на бесплатный проезд детям на транспорте, бесплатное их питание и обеспечение школьной формой, гарантируется первоочередной прием в дошкольные учреждения, бесплатное посещение музеев, выставок [13].

Аналогичные льготы существуют и в зарубежных странах. К примеру, в Швеции в связи с реализацией положений гл. 2 Конституции [14, с. 135–140] принято законодательство, в соответствии с которым многодетные семьи получают весьма существенное прогрессивное пособие, размер которого возрастает с рождением очередного ребенка. При этом если заработная плата родителей не достигает прожиточного минимума, то многодетной семье начисляется дополнительное пособие для оплаты жилья, детских дошкольных учреждений или специальных талонов на продукты питания [15].

Кроме того, в зарубежных странах есть примеры, где многодетным семьям предусмотрено вместо предоставления льгот различные денежные пособия. Например, в Финляндии в рамках ст. 19 Конституции [16] действует закон, согласно которому многодетным семьям, а также матерям или отцам-одиночкам не предоставляется какие-либо льготы, а выдаются различные пособия. Финансово поощряется не только рождение каждого ребенка, но и обеспечивается его дальнейшая жизнь до наступления совершеннолетия. Так, новорожденным предоставляется большой пакет необходимых предметов, которые требуются им в течение первого года жизни, общей стоимостью около 100 евро. Ежемесячно, независимо от доходов семьи, на каждого ребенка до его совершеннолетия (18 лет) выплачиваются так называемые «дополнительные детские деньги» – около 100 евро. Необходимость данной статьи государственного расхода обусловлена сложными климатическими условиями, в которых вырастает новое поколение. Кроме того, в случае материальных затруднений оказывается финансовая помощь на приобретение школьных принадлежностей, организацию детского отдыха, дополнительное обучение. Таким образом государство, поддерживая благополучие и индивидуальное развитие ребенка, с раннего детства воспитывает в своих гражданах чувство уверенности в государственной поддержке.

В Эстонии мать после рождения ребенка в течение девяти месяцев получает полную заработную плату. Если она по истечении этого срока не выходит на работу и остается дома ухаживать за ребенком, то до достижения ребенком трехлетнего возраста может рассчитывать на дотации «по домашнему уходу за ребенком» (около 500 евро в месяц). Если это мать-одиночка, то компенсируется полная оплата квартиры, предоставляются бесплатное медицинское обслуживание и другие льготы, исходя из создавшейся ситуации [17].

Наряду с материальной поддержкой материнства и семьи, в современных государствах осуществляется иная, в том числе и моральная, статусная. Например, в Российской Федерации Указом Президента РФ от 13 мая 2008 г. был

учрежден орден «Родительская слава» и грамота о награждении орденом «Родительская слава» [18]. При награждении орденом «Родительская слава» одному из награжденных родителей (усыновителей) будет выплачиваться единовременное денежное поощрение в размере 50 тыс. рублей в порядке, определяемом Правительством РФ [19].

Подобная практика имеется во Франции. Кроме того, в этой стране, с самой высокой в континентальной Европе рождаемостью, существует государственная программа «Большая семья», которая адресована многодетным семьям. Данная программа введена с 1921 г. и в рамках общей государственной политики по стимулированию рождаемости предлагает многодетным семьям субсидирование и льготы. Многодетным семьям предоставляются налоговые льготы. Каждый следующий ребенок уменьшает налогооблагаемую базу семьи, так что семьи с четырьмя детьми практически не платят налогов. Распространяется льгота на всех граждан, невзирая на достаток, предполагаются выплаты в зависимости от количества детей в семье и дополнительные пособия, дифференцированные по возрасту ребенка. Кроме помощи от Кассы семейных пособий (распоряжающихся выплатой пособий), семьям, живущим в Париже и имеющим детей, мэрия города предоставляет дополнительную денежную помощь при найме на работу няни [20].

Что касается субъектов Российской Федерации, то анализ региональной нормативно-правовой базы в части поддержки многодетных семей свидетельствует, что нормы региональной поддержки многодетных семей в большей своей части дублируют меры, предусмотренные Указом Президента Российской Федерации «О мерах по социальной поддержке многодетных семей». В Карелии, Омской, Псковской, Свердловской, Тверской областях принят ряд региональных законодательных актов о защите семьи и детства. Вместе с федеральным законодательством они составляют единую систему, обеспечивающую реализацию положений ст. 38 Конституции РФ, существенно расширяя организационное, методическое и ресурсное обеспечение предусматриваемых мер. В то же время практически нет ни одного субъекта Федерации, в котором установленные нормы реализовывались бы в полном объеме.

Подводя итоги, необходимо отметить, что нормы, закрепленные Основным Законом России в области социальной поддержки семьи, в той или иной степени отвечают требованиям международного законодательства. Кроме того, конституционный принцип защиты материнства и детства, семьи находит свое конкретное выражение и развитие как в федеральном, так и в региональном законодательстве. На федеральном уровне и в ряде субъектов Российской Федерации приняты специальные законы, направленные на социальную поддержку многодетных семей, повышение их статуса в обществе и улучшение положения в них детей.

При всем этом, учитывая положительную практику зарубежных стран, необходимо, на наш взгляд, внесение некоторых изменений как в федеральное, так и региональное российское законодательство. В частности, в Федеральном законе «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» необходимо закрепить дифференциацию пособий в зависимости от возраста ребенка, а так-

же, учитывая сложившуюся ситуацию с недостатком мест в детских садах, предусмотреть возможность предоставления малообеспеченным семьям дополнительной денежной помощи при найме на работу няни.

Что касается регионального законодательства, то в настоящее время в субъектах Российской Федерации существует ряд общих проблем в сфере законодательного и практического обеспечения прав и интересов членов многодетных семей:

отсутствие в большинстве субъектов Российской Федерации специальных правовых документов, определяющих стратегию и приоритеты региональной политики в отношении многодетных семей;

недостатки существующего нормативно-правового регулирования на уровне субъектов Российской Федерации (отсутствие в ряде субъектов нормативных правовых актов, объединяющих основания, условия и порядок предоставления социальной поддержки многодетным семьям; действующие правовые акты не всегда адекватно отражают реальные потребности многодетных семей);

недостатки в правовой регламентации и практической организации выявления многодетных семей, нуждающихся в поддержке, влекущие неполный охват многодетных семей, нуждающихся в помощи.

Таким образом, в целом по Российской Федерации эффективность социальной поддержки многодетных семей является недостаточной. И хотя средств и способов защиты и поддержки семей в России за последние годы стало больше, необходимость в их дальнейшем совершенствовании, особенно в правовом, осталась.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. 1995. 5 апр.
2. Об экономических, социальных и культурных правах: международный пакт от 16 дек. 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
3. Конституция РФ: принята 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек.; 2009. 21 янв.
4. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федер. закон от 19 мая 1995 г. № 81 (в ред. от 25 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1929; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616.
5. Конституция Федератив. Респ. Германия от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / под ред. В.В. Маклакова. М., 2003.
6. Закон «О подоходном налоге» («*Einkommensteuergesetz*»). URL: www.arbeitsagentur.de/zentraler-Content/A20-Intern/A201-Organisation/Publikation/pdf/Anhang-F-Einkommensteuergesetz-Bundeskin.pdf
7. Федеральный закон «О детских пособиях» («*Bundeskindergeldgesetz*»). URL: www.arbeitsagentur.de/zentraler-Content/A09-Kindergeld/A091-steuerrechtliche-Leistungen/Publikation/pdf/DA-Famka-Bundeskindergeldgesetz-2005.pdf
8. Социальная помощь в Германии. URL: www.germanyhelp.pisem.net
9. О государственных пенсиях в Российской Федерации: Закон РФ от 20 нояб. 1990 г. № 340-1 (утратил силу) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351.
10. О трудовых пенсиях в Российской Федерации: Федер. закон от 17 дек. 2001 г. № 173-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // Парламентская газ. 2001. 20 дек.
11. Хартия основных прав и свобод Чехии (Чешской Республики) от 9 янв. 1991 г. URL: www.constitution.garant.ru/DOC_3864913.htm#sub_para_N_20
12. Кузнецова З. Социальная защита в Чехии при переходе к рынку. URL: www.transport.ru/2_period

13. О мерах по социальной поддержке многодетных семей: Указ Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 (в ред. от 25 февр. 2003 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 19. Ст. 1044; СЗ РФ. 2003. № 9. Ст. 851.
14. Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февр. 1974 г. // Конституции государств Европы. М., 2001.
15. Социальное страхование в Швеции и других Северных странах. URL: www.rurik.se/index.php?id=61
16. Конституция Финляндии (Финляндской Республики) от 11 июня 1999 г. (1999/731). URL: www.constitution.garant.ru /DOC_3864909.htm
17. *Мейнерт Л.* Молодежь Эстонии. URL: www.demoscope.ru/weekly
18. Об учреждении ордена «Родительская слава»: Указ Президента РФ от 13 мая 2008 г. № 775 // СЗ РФ. 2008. № 22. Ст. 2533.
19. О порядке выплаты единовременного денежного поощрения одному из родителей (усыновителей) при награждении орденом «Родительская слава» и предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на выплату единовременного денежного поощрения лицам, награжденным орденом «Родительская слава»: постановление Правительства РФ от 12 янв. 2009 г. № 19 // СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 416.
20. *Иванова М.* Материальная помощь родителям от французского государства. URL: www.foreign-parents.com/Russian_version

I.V. Mityakina
State Control (Supervision) over
Self-Regulatory Organizations:
Legal Regulation

Normative legal regulation of self-regulatory organizations of various spheres of activity is shown. Changes in the current legislation on state control (supervision) and the practice of its application are analyzed.

Key words and word-combinations: state control (supervision), application of right, self-regulation.

Показано нормативное правовое регулирование саморегулируемых организаций, действующих в различных сферах. Анализируются изменения законодательства о государственном контроле (надзоре) и практика его применения.

Ключевые слова и словосочетания: государственный контроль (надзор), правоприменение, саморегулирование.

УДК 342.951
ББК 67.401.03

И.В. Митякина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОНТРОЛЬ (НАДЗОР)
В ОТНОШЕНИИ
САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ:
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ

Государственный контроль (надзор) за осуществлением предпринимательской деятельности выступает как реализация экономической функции государства, форма воздействия на предпринимательские отношения и через них на состояние экономики страны, и, таким образом, может быть отнесен к публичному контролю (надзору) [1, с. 16]. С 1 мая 2009 г. в силу вступил Федеральный

закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – ФЗ № 294-ФЗ) [2], за исключением отдельных положений, вступающих в силу в иные сроки. Именно данный документ существенно изменяет сложившийся ранее порядок организации и проведения государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, том числе и тех, которые являются членами саморегулируемых организаций.

Новый ФЗ № 294-ФЗ разработан и принят во исполнение Указа Президента РФ «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» [3], согласно которому предусмотрено усиление гарантий защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора). В этой связи особую роль играет вопрос о предстоящих изменениях в порядке осуществления государственного контроля (надзора) в отношении саморегулируемых организаций, так как они призваны упорядочить осуществление функций государственного контроля (надзора) в отношении своих членов.

Именно по вопросам защиты прав своих членов саморегулируемые организации осуществляют взаимодействие с должностными лицами органов государственного контроля (надзора), как при проведении плановых, так и внеплановых проверок.

1. Плановая проверка в отношении членов саморегулируемой организации (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей) проводится в отношении не более чем десяти процентов общего числа членов саморегулируемой организации и не менее чем двух членов саморегулируемой организации в соответствии с ежегодным планом проведения плановых проверок, если иное не установлено федеральными законами. Обязательной процедурой в случае проведения плановой проверки членов саморегулируемой организации выступает требование об уведомлении саморегулируемой организации о сроках проведения в целях обеспечения возможности участия или присутствия представителя саморегулируемой организации при проведении плановой проверки. Уведомление должно быть направлено не позднее трех рабочих дней до начала ее проведения посредством направления копии распоряжения или приказа руководителя, заместителя руководителя органа государственного контроля (надзора) о начале проведения плановой проверки заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении или иным доступным способом.

2. Внеплановая выездная проверка членов саморегулируемой организации осуществляется органом государственного контроля (надзора) только после обязательного уведомления саморегулируемой организации о проведении внеплановой выездной проверки в тех же целях что и плановая проверка, но в срок не менее чем за двадцать четыре часа до начала ее проведения любым доступным способом.

В случае выявления в рамках и плановой и внеплановой проверок нарушений членами саморегулируемой организации обязательных требований и требований, установленных муниципальными правовыми актами, должностные лица органа

государственного контроля (надзора) при проведении внеплановой выездной проверки таких членов саморегулируемой организации обязаны сообщить в саморегулируемую организацию о выявленных нарушениях в течение пяти рабочих дней со дня окончания проведения внеплановой выездной проверки.

Преимущество саморегулирования по сравнению с государственным регулированием объективно, так как нормы саморегулирования, как правило, гибче норм, устанавливаемых государством, легче адаптируются к изменяющимся обстоятельствам; участникам рынка легче воздействовать на политику организаций саморегулирования, чем на политику государственных органов; механизмы разрешения споров обычно дешевле для сторон и занимают меньше времени, чем судебное разбирательство [4, с. 39]. Кроме того, развитие системы саморегулирования позволяет государству экономить значительные бюджетные средства в случае передачи отдельных функций государственных органов саморегулируемым организациям, финансируемым самим бизнесом. Так, государство может осуществлять контроль не за каждым профессиональным участником рынка, а в целом за саморегулируемыми организациями, которые обеспечивают соблюдение их членами правил поведения на рынке.

Учеными-правоведами указывается на то, что в юридической науке не сформулировано общепризнанное понятие государственного контроля (надзора), не определена присущая исключительно ему специфика. Специалистами предлагаются собственные точки зрения относительно государственного контроля (надзора) [5, с. 409; 6, с. 365–366; 7, с. 235–236; 8, с. 176–177], анализируя которые можно выделить две теоретико-правовые модели: согласно первой, надзор является составной частью контроля; согласно второй – надзор выступает как самостоятельный организационно-правовой способ обеспечения законности.

Однако отметим, что никакие предлагаемые учеными научно-теоретические систематизации, основанные на выделении различных признаков контроля и надзора, не находят своего отражения в современной российской правотворческой практике. Чаще всего надзор считается разновидностью контроля. Именно поэтому, изучая вопрос об осуществлении государственного контроля и надзора в отношении саморегулируемых организаций, необходимо исходить из относительной синонимичности понятий контроля и надзора.

В ФЗ № 294-ФЗ законодателем дано расширенное понятие государственного контроля (надзора), согласно которому он представляет собой деятельность федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями требований, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, посредством:

а) организации и проведения проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей,

б) принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, в) систематического наблюдения за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований при осуществлении деятельности юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

В статье 23 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» [9] содержится норма, согласно которой государственный контроль (надзор) за деятельностью таких организаций осуществляется в порядке, установленном федеральными законами. Данная норма носит отсылочный характер и не устанавливает единого механизма осуществления государственного контроля (надзора) в отношении саморегулируемых организаций. Однако согласно ФЗ № 294-ФЗ можно сделать вывод, что по сравнению с другими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями деятельность членов саморегулируемых организаций подвергается государственному контролю (надзору) с определенными ограничениями.

В настоящее время развитие института саморегулирования в России характеризуется созданием саморегулируемых организаций, конкретизацией их правового положения, регулированием приема в члены организации и прекращения такого членства, определением прав и обязанностей саморегулируемых организаций, решением вопросов осуществления контроля саморегулируемыми организациями за деятельностью своих членов и применения к ним мер дисциплинарного воздействия. Отметим, что обозначенные направления регулируются различными федеральными законами, касающимися той иной сферы деятельности, в которой создаются саморегулируемые организации, поэтому в зависимости от вида организаций, различают также и особенности осуществления в отношении их государственного контроля (надзора).

Сегодня наблюдается многообразие саморегулируемых организаций, чья деятельность регулируется различными нормативными правовыми актами, в которых отражены особенности создания и деятельности той или иной саморегулируемой организации. Начиная с 1996 года, в России было принято и действует более пятнадцати федеральных законов, упорядочивающих деятельность саморегулируемых организаций, не считая Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [10], Федеральных законов «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» [11], «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [12], «О кредитных потребительских кооперативах граждан» [13] и «О рекламе» [14], которые не придают регламентируемым ими объединениям статуса саморегулируемых.

В действующих на сегодняшний день федеральных законах предусмотрены следующие виды саморегулируемых организаций: саморегулируемые организации арбитражных управляющих [15]; саморегулируемые организации профессиональных участников рынка ценных бумаг [16]; саморегулируемые организации аудиторов [17]; саморегулируемые организации оценщиков [18]; саморегулируемые организации управляющих компаний [19]; саморегулируемые организации негосударственных пенсионных фондов [20]; саморегулируемые

организации жилищных накопительных кооперативов [21]; саморегулируемые организации в сфере кадастровой деятельности [22] и другие.

Оценивая качество правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций, отметим, что большинство соответствующих юридических норм не работает. Представляется, что в связи с введением в действие ФЗ № 294-ФЗ порядок осуществления государственного контроля (надзора) должен быть единым для всех видов саморегулируемых организаций. Это существенно снизит количество проводимых в отношении их членов всевозможных проверок и позволит избежать дублирования предметов проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей разными органами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

В целом создание эффективно действующей системы саморегулирования на территории Российской Федерации обеспечит необходимые условия защиты прав представителей предпринимательской сферы, послужит гарантией реализации прав и законных интересов граждан, а также позитивно повлияет на устранение коррупционных проявлений, в частности при проведении мероприятий государственного контроля (надзора).

Библиографический список

1. *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006.
2. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ (в ред. от 28 апр. 2009 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249; Рос. газ. 2009. 30 апр.
3. О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности: Указ Президента РФ от 15 мая 2008 г. № 797 // СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2293.
4. *Ростовцева Н.В.* Правовое положение саморегулируемых организаций в Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 11.
5. *Тихомиров Ю.А.* Административное право и процесс: полный курс. М., 2001.
6. *Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М.* Административное право Российской Федерации: учебник. М., 1999.
7. *Бахрах Д.Н.* Административное право: учебник для вузов. М., 1999.
8. *Конин Н.М.* Административное право России: учебник. М., 2006.
9. О саморегулируемых организациях: Федер. закон от 1 дек. 2007 г. № 315-ФЗ (в ред. от 23 июля 2008 г.) // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616.
10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февр. 1993 г. № 4462-1) (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357; СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 14.
11. Об адвокатской деятельности и адвокатуре: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23 июля 2008 г.) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616.
12. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федер. закон от 25 апр. 2002 г. № 40-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720; 2007. № 49. Ст. 6067.
13. О кредитных потребительских кооперативах граждан: Федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 117-ФЗ (в ред. от 3 нояб. 2006 г.) // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3420; 2006. № 45. Ст. 4635.
14. О рекламе: Федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 27 окт. 2008 г.) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232; 2008. № 44. Ст. 4985.

15. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2009. № 1. Ст. 14.
16. О рынке ценных бумаг: Федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ (в ред. от 9 февр. 2009 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918; 2009. № 7. Ст. 777.
17. Об аудиторской деятельности: Федер. закон от 30 дек. 2008 г. № 307-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 15.
18. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (в ред. от 30 июня 2008 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813; 2008. № 27. Ст. 3126.
19. Об инвестиционных фондах: Федер. закон от 29 нояб. 2001 г. № 156-ФЗ (в ред. от 23 июля 2008 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616.
20. О негосударственных пенсионных фондах: Федер. закон от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ (в ред. от 23 июля 2008 г.) // СЗ РФ. 1998. № 19. Ст. 2071; 2008. № 18. Ст. 1942.
21. О жилищных накопительных кооперативах: Федер. закон от 30 дек. 2004 г. № 215-ФЗ (в ред. от 23 июля 2008 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 41; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616.
22. О государственном кадастре недвижимости: Федер. закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616.

**D.S. Pastushenko
Problems of Institutionalization
and Legal Status of Bank
Supervision Agency
in the Russian Federation**

The processes of institutional transformations in the field of bank supervision are analyzed. The validity of the exclusion of the bank supervision functions from the competence of the Central Bank of the Russian Federation and the establishment of a mega-regulator of the financial market is considered.

Key words and word-combinations: bank supervision agency, mega-regulator of the financial market, legal status.

Анализируются процессы институциональных преобразований в области банковского надзора. Рассматривается обоснованность выведения функции банковского надзора из компетенции Центрального банка Российской Федерации и создания мега-регулятора финансового рынка.

Ключевые слова и словосочетания: орган банковского надзора, мега-регулятор финансового рынка, правовой статус.

УДК 347.73
ББК 67.402

Д.С. Пастушенко

**ПРОБЛЕМЫ
ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ
И ПРАВОВОГО СТАТУСА
ОРГАНА
БАНКОВСКОГО НАДЗОРА
В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Монетарная политика Российского государства предопределяет исключительно важное значение финансовых механизмов управления экономикой. В этой связи особое внимание обращается на совершенствование правовыми методами общественных отношений в денежно-кредитной сфере и институциональную оптимизацию финансовой системы.

Сложившиеся на сегодняшний день реалии социально-экономического и политико-правового развития свидетельствуют о значительной роли банковской системы в програм-

ме антикризисных мер, подтверждением чему является действие Федерального закона «О дополнительных мерах для укрепления стабильности банковской системы в период до 31 декабря 2011 года» [1]. Финансовый рынок в числе прочих мер требует развития взаимодействия уполномоченных государственных органов, осуществляющих контрольно-надзорные функции в указанной сфере общественных отношений, в связи с чем вопросы правового статуса таких органов являются актуальными.

Правительство Российской Федерации отмечает, что в настоящее время регулирование и надзор на финансовом рынке осуществляются несколькими государственными органами, что приводит к дублированию их функций, недостаточной является координация между ведомствами. Согласно современной структуре российских органов исполнительной власти, три российских надзора на сегодняшний день независимы, хотя и находятся в подчинении разных ведомств:

банковский надзор сохрнен за Банком России;

Федеральная служба по страхованию выделилась из Министерства финансов Российской Федерации, но осталась под его началом;

Федеральная служба по финансовым рынкам напрямую подчинена Правительству России.

Вместе с тем особенностью сложившейся системы является то, что на финансовом рынке ответственность за достижение целей единой государственной денежно-кредитной политики возложена на Центральный банк Российской Федерации [2]. Банк России как орган банковского регулирования и банковского надзора осуществляет защиту вкладчиков и кредиторов кредитных организаций, что важно для стабильности банковской системы, особенно в условиях экономического кризиса.

Очевидно, что в целях совершенствования финансового рынка необходимы повышение эффективности межведомственного взаимодействия и выработка единых подходов к развитию и регулированию всех секторов финансового рынка, в том числе унификация требований к участникам рынка, эмитентам и институциональным инвесторам, развитие саморегулирования на финансовом рынке, взаимодействие саморегулируемых организаций с органами государственной власти.

Правительством Российской Федерации было озвучено мнение, что предстоит рассмотреть вопрос о возможности объединения функций по регулированию всех сегментов финансового рынка (фондового, страхового, банковской деятельности, деятельности негосударственных пенсионных фондов) и создании мегарегулятора, а также о возможности объединения надзора за различными институтами финансового рынка в одном федеральном органе [3]. В специальной литературе изложены аргументы в пользу создания мегарегулятора, обобщенный смысл которых сводится к тому, что эта потребность порождается современным развитием рынков финансовых услуг: перекрестное предложение финансовых продуктов разными институтами; секьюритизация и создание банкоподобных финансовых продуктов; универсализация финансовых институтов в связи с открытием и либерализацией рынков; создание финансовых конгломератов [4].

Вместе с тем следует заметить, что убедительной представляется позиция, согласно которой «объединение нескольких видов функционального надзора (банковского, страхового, надзора за участниками рынка ценных бумаг) выглядит логичным лишь для стран, где крупный банковский бизнес плотно сросся со страхованием и инвестиционной деятельностью» [5]. В России процессы слияния банков с другими участниками финансового рынка пока не получили сколько-нибудь значимого развития. К тому же кредитной организации запрещается заниматься производственной, торговой и страховой деятельностью [6, ст. 5]. Финансовые рынки России раздроблены и состоят из мелких институтов, тогда как единый надзорный орган имеет смысл создавать только в случае активного сращивания банковского, страхового, инвестиционного, доверительного и иных видов бизнеса.

Целесообразность вывода банковского надзора из компетенции Банка России и создание мегарегулятора финансовых рынков были предметом парламентских слушаний по теме «Соответствие нормативного регулирования и практики осуществления Банком России банковского надзора основным положениям федерального законодательства» (февраль 2007 г.). В Стратегии развития финансового рынка на 2006–2008 годы предусматривалось в плане мероприятий подготовка доклада в марте 2007 г. о передаче Федеральной службе по финансовым рынкам полномочий по финансово-правовому регулированию, контролю и надзору на всех секторах финансового рынка, в том числе в страховой и банковской сферах [7].

Вопрос о необходимости объединения разных по правовым принципам регулирования ведомств только из-за того, что объединяются институты, предоставляющие эти услуги, остается открытым. Полагаем, что логичнее было бы разработать соответствующие нормативные акты, призванные наладить необходимую координацию деятельности самостоятельных надзорных ведомств.

Всякий мегарегулятор как минимум претендует на то, чтобы выполнять функции надзорного органа, а значит, должен строить свою работу, исходя из единой терминологии, принципов и подходов для банковского, страхового, инвестиционного и прочих сегментов финансового рынка. На это же указывает и Дж.В. Бэннистер: «В мире есть различные формы введения единого регулятора, меняющиеся от страны к стране. Самое важное состоит в том, чтобы единый орган надзора находился под единым управлением, а не обязательно под одной крышей» [8, с. 39]. По мнению А.В. Мурычева, «в мировой практике не существует единой модели мегарегулятора как с позиции норм регулирования, так и с точки зрения институциональной структуры, необходимой для их применения. Более того, целесообразность создания мегарегулятора и его эффективность далеко не во всех случаях выглядят достаточно убедительными. До сих пор идея мегарегулятора и ее практическое воплощение имеют как сторонников, так и противников» [9, с. 31].

Соглашаясь с мнением А.Г. Аксакова [10], необходимо констатировать наличие концептуальных расхождений, заложенных в банковском и страховом законодательстве, а также в законодательстве о рынке ценных бумаг (рынке капиталов), которые не позволяют добиться унификации подходов в области

надзора (контроля) для названных сегментов финансового рынка. В течение последних 10–15 лет соответствующие правовые нормы создавались различными государственными органами, как правило, без достаточной степени внутреннего и межведомственного согласования и нередко с использованием разных зарубежных моделей и правовых конструкций. По этой причине представляется спорным тезис, будто немедленное или достаточно быстрое создание в России мегарегулятора финансового рынка позволит достаточно быстро и безболезненно устранить названные противоречия, правовые неясности и несогласованности.

Создание в России мегарегулятора оправдано лишь в перспективе, при возникновении соответствующих экономических, финансовых, политических и организационных предпосылок: концентрации на рынке финансовых услуг; размытии границ различных секторов финансового рынка; расширении и усложнении перечня финансовых операций и услуг; упрощении доступа бизнеса малых форм к финансовым услугам; фактическом расширении нелегализованных форм предоставления финансовых услуг; создании единых методологических основ надзора и регулирования; повышении сложности финансовых инструментов и связанных с ними рисков. До тех пор, пока соответствующий уровень взаимопроникновения и переплетения банковских, инвестиционных и страховых операций и организаций не достигнут, разговоры о мегарегуляторе имеют чисто конъюнктурную природу.

Западная практика учит тому, что переход к мегарегулированию на финансовых рынках – длительный процесс. Европейские реформы конца прошлого века, связанные с реформированием системы контроля на финансовых рынках, готовились и проводились в несколько этапов, на что уходило от 5 до 10 лет. И это вполне естественно, ведь прежде чем начнет работать единый надзорный орган, необходимо гармонизировать национальное законодательство в сфере финансовых рынков. Это очень непростая задача.

На западных рынках мегарегуляторы образовывались путем слияния нескольких, обычно трех, надзорных органов – в сфере банковской деятельности, в области страхования и надзора на рынке ценных бумаг. Именно так в Германии в начале 2001 года образовалось единое надзорное ведомство, названное Федеральным ведомством надзора (BAFin). В Великобритании этот процесс прошел в середине 1980-х годов и привел к созданию FSA [10].

Указанные обстоятельства приняты во внимание Правительством Российской Федерации, и уже в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 г. внимание сосредоточено на унификации принципов и стандартов деятельности участников финансового рынка. С этой целью предложено унифицировать подходы к регулированию рисков на финансовом рынке в соответствии с основными принципами эффективного банковского надзора, определенными Базельским комитетом по банковскому надзору, и объединить регулирование близких по роду деятельности финансовых институтов [11].

В связи с этим следует подчеркнуть, что в ряде стран функции банковского регулирования и надзора различных сегментов финансового рынка объединены в единый институт под эгидой центрального банка страны. Следует согласиться

с мнением Н.В. Герасименко, что формирование подобного регулятора должно осуществляться под руководством Центрального банка Российской Федерации. Создание подобного мегарегулятора на базе других органов, например ФСФР России, приведет к дублированию соответствующих функций между Банком России и указанной службой, потребует четкого распределения ответственности между ними [12].

Пристального внимания заслуживает положение в Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год, согласно которому предусматривается обеспечение возможности допуска профессиональных участников рынка ценных бумаг к операциям рефинансирования со стороны Банка России – с передачей функций надзора и регулирования экономических показателей профучастников Банку России [13]. Высказаны и несколько иные предложения: депутат Государственной Думы М. Шакум предложил передать функции банковского надзора от Центрального банка Российской Федерации вновь созданному комитету, который в последующем можно было бы объединить с Государственной корпорацией «Агентство по страхованию вкладов», учитывая, что, например, в США функцию органа, надзирающего за деятельностью банков, осуществляет корпорация по страхованию депозитов [14]. По мнению помощника Президента Российской Федерации А. Дворковича, необходимо рассмотреть вопрос создания мегарегулятора отдельных сегментов финансового рынка, за исключением банковского, поскольку Центральный банк Российской Федерации должен выполнять полномочия по банковскому надзору самостоятельно [15].

Таким образом, институциональные преобразования в области банковского надзора в России на сегодняшний день преждевременны, и Центральный банк Российской Федерации должен сохранить статус органа банковского регулирования и надзора в целях обеспечения реализации единой государственной денежно-кредитной политики.

Библиографический список

1. О дополнительных мерах для укрепления стабильности банковской системы в период до 31 декабря 2011 года: Федер. закон от 27 окт. 2008 г. № 175-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 44. Ст. 4981.
2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790; 2009. № 1. Ст. 25.
3. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 годы): утв. распоряжением Правительства РФ от 19 янв. 2006 г. № 38-р // СЗ РФ. 2006. № 5. Ст. 589.
4. *Тавасиев А.М., Акимов О.М.* Нужен ли независимый орган для надзора за банковским сектором? // Вестн. Ассоциации российских банков. 2004. № 19.
5. О банках и банковской деятельности: Федер. закон от 3 февр. 1996 г. № 17-ФЗ (с изм. и доп. от 28 февр. 2009 г.) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; 2009. № 9. Ст. 1043.
6. Стратегия развития финансового рынка на 2006–2008 годы: распоряжение Правительства РФ от 1 июня 2006 г. № 793-р // СЗ РФ. 2006. № 24. Ст. 2620.
7. *Марданов Р.Х.* Государственное регулирование в финансовой сфере: каким ему быть? // Деньги и кредит. 2004. № 5.
8. Аналитический банковский журнал. 2003. № 8.

9. *Мурычев А.В.* К вопросу о целесообразности создания саморегулируемых организаций в банковской сфере // Деньги и кредит. 2005. № 8.
10. *Смирнов Е.Е.* Надзор на финансовом рынке России: в преддверии мегарегулятора // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2006. № 12.
11. Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 29 дек. 2008 г. № 2043-р // СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 423.
12. *Герасименко Н.В.* Совершенствование системы правовой защиты национальных интересов в финансовой сфере // Законодательство и экономика. 2005. № 5.
13. Рос. газ. 2009. 20 марта.
14. *Бутрин Д.* Правила игры // Коммерсантъ. 2009. 2 марта.
15. Мегарегулятор назрел // Ведомости. 2009. 15 апр.

М.А. Ovchinnikov
The Essence of Money Laundering

The essence of money laundering presupposes careful concealment of crime act from law-enforcement and controlling bodies. The article considers separate collisions in legislation caused by this circumstance, and describes the negative tendencies forming in the law-enforcement practice.

Key words and word-combinations: money laundering, definition, judiciary practice, criminal law application.

Суть легализации преступных доходов предполагает тщательное сокрытие преступной деятельности от правоохранительных и контролирующих органов. Рассмотрены отдельные коллизии в законодательстве, обусловленные данным обстоятельством, описаны негативные тенденции, формирующиеся в правоприменительной практике.

Ключевые слова и словосочетания: отмывание доходов, определение, судебная практика, правоприменение.

УДК 343.985.70:343.37
ББК 67.52

М.А. Овчинников

**О СУЩНОСТИ
ЛЕГАЛИЗАЦИИ
ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ**

Как утверждают специалисты, мировая «теневая» экономика вполне сравнима с экономикой некоторых среднеразвитых стран. Денежные средства, полученные в результате совершения преступлений, нельзя напрямую ввести в легальный бизнес, приобрести на них недвижимость, иные материальные блага, предварительно не легализовав и не придав им вид полученных законным путем. Возможность «отмыть» «грязные деньги» – обязательное условие существования организованной преступности, в том числе и международных террористических организаций. Легализация является механизмом, который позволяет преступнику получить пользу от преступно нажитых средств и тем самым стимулирует его противоправное поведение.

Несмотря на международный характер деятельности по противодействию легализации преступных доходов, наличие конвен-

ций, международных договоров, актов отдельных государств, единство в понимании вопроса «что есть легализация» отсутствует. Главная страница официального сайта авторитетной международной организации по борьбе с отмыванием доходов (FATF) содержит раздел «Что представляет собой отмывание доходов» и ответ на него: «Отмывание доходов – это процесс, в результате которого преступники стараются скрыть их (средств, полученных противоправно) незаконное происхождение» [1]. Таким образом, сложившееся в международной правовой системе определение легализации содержит обязательный признак – деятельность становится уголовно наказуемой, только если ее участниками преследуется цель сокрытия преступного происхождения дохода.

Принятое в российском Уголовном кодексе определение легализации сходно с приведенным выше международным: «совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем (за исключением преступлений, предусмотренных статьями 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2 настоящего Кодекса), в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом» [2, ст. 174]. Однако Федеральный закон о внесении изменений и дополнений в УК РФ признал легализацией еще и «совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления (за исключением преступлений, предусмотренных статьями 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2 настоящего Кодекса), либо использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности» [3, ст. 1]. В ст. 174-1 УК РФ исчезли слова «в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом».

Легализация доходов представляет собой целенаправленную деятельность по сокрытию источника доходов. Совершение операций с доходом, полученным преступным путем при отсутствии обозначенной цели, не попадает под классическое определение легализации, но соответствует определению, данному в УК РФ. Таким образом, сложилась ситуация, когда цель более не играет ключевой роли для привлечения лиц, приобретающих деньги и иное имущество в результате преступления, к уголовной ответственности, что негативным образом сказывается на практике расследования данного преступления. Уголовные дела возбуждаются и направляются в суд даже в тех случаях, когда преступник не преследовал цели легализации, а распоряжался имуществом по собственному усмотрению, что, в свою очередь, ведет к неоправданно высокому проценту оправдательных приговоров и отказов прокурора от обвинения по данной категории дел. Указанная проблема освещена в юридической литературе, например, о ней говорит В.Н. Курченко [4, с. 3].

Положения закона требовали толкования, и его дал Пленум ВС РФ: «В тех случаях, когда лицо приобрело денежные средства или иное имущество в результате совершения преступления и использовало эти денежные средства или иное имущество для совершения финансовых операций и других сделок, соде-

янное этим лицом подлежит квалификации по совокупности преступлений (например, как получение взятки, кража, мошенничество и как легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества)» [5]. Новая конструкция нормы об ответственности за отмывание доходов УК РФ позволила привлекать к ответственности лиц, совершивших любые сделки либо финансовые операции с полученными преступным путем средствами.

Как видно, с 2003 г. легализация де-юре стала спутником всех преступлений против собственности (теоретически хранение преступно нажитых средств может быть расценено как их отмывание), а значит, наиболее распространенным преступлением вообще, с учетом его латентного характера. Таким образом, заключенная в самом используемом термине (legalisation – придание законного вида) суть легализации как целенаправленной деятельности по сокрытию преступности источника средств в ст. 174-1 УК РФ оказалась утеряна.

Несовершенство действующей нормы негативно сказывается в процессе правоприменения. В частности, обобщение судебной практики Архангельским судом показало, что в 2007 г. было рассмотрено 18 дел о легализации. Общая сумма денежных средств, признанных предметом преступления, – более 410 тыс. руб., стоимость иного имущества, признанного предметом преступления, – около 220 тыс. руб., средний объем легализуемых средств составил около 30 тыс. руб. [6]. Необходимость совершать особые операции, направленные на «отмывание» такой суммы, сомнительна, поскольку распоряжение денежными средствами в таких объемах не представляется затруднительным. Следовательно, у лиц, получивших такие доходы преступным путем, может отсутствовать умысел специально их легализовывать.

Качественный состав дел также указывает на возможность преобладания случаев вменения ответственности за легализацию при фактическом отсутствии умысла на сокрытие преступной природы источника доходов (данное предположение уместно, поскольку в рамках проведенного непосредственно автором исследования материалов уголовных дел в судах г. Санкт-Петербурга обнаружена тенденция преследования лиц, совершивших грабежи, кражи, за совершение операций с полученным имуществом, без цели его легализации): 33% составляют насильственные преступления (грабежи и разбои), 44% – кражи, и не более 23% относятся к классическим доходобразующим преступлениям. Впрочем, отсутствие квалификации позволяет предположить, что объемы преступной деятельности не были велики.

Наряду с особенностями диспозиции соответствующих статей УК РФ негативные тенденции практики преследования за легализацию обусловлены отсутствием законодательно закрепленного размера «отмытых» средств, по достижении которого наступает ответственность. На это указывает и приведенная выше статистика.

Тенденция привлечения к ответственности за легализацию преступных доходов лиц, совершивших деяния, формально попадающие под действие ст. 174-1 УК РФ, но в силу малозначительности не влекущие уголовной ответственности, рассмотрена С.В. Зуевым. Он отмечает, что большинство вступивших в силу приговоров суда свидетельствует о выявлении фактов легализации похищенного имущества небольшой стоимости. Свою точку зрения он основывает на анализе

уголовных дел, приводя примеры наступления ответственности по ст. 174-1 УК РФ по фактам продажи банки меда на сумму 150 рублей или нескольких незаконно порубленных сосен [7, с. 32]. Причина неприменения к такого рода деяниям положений ст. 14 УК РФ не ясна (впрочем, положения ст. 14 УК РФ часто рассматриваются как диспозитивные), поэтому напрашивается вывод о необходимости установить минимальный объем средств, с которыми совершены финансовые операции, по достижении которого наступает ответственность за легализацию доходов.

УК РФ содержит ряд статей, для наступления уголовной ответственности по которым требуется превышение особо установленного предела. Большинство статей гл. 22 УК РФ применяются при нанесении крупного ущерба, установленного примечанием к ст. 169 УК РФ (250 000 рублей) либо специально для конкретного состава. Статьи 174 и 174-1 УК РФ в настоящее время являются единственным исключением. Было бы логичным определить нижний предел, по достижении которого наступает ответственность по ст. 174 и 174-1 УК РФ с учетом такового, установленного для преступлений со сходным объектом.

Немаловажную роль в создании препятствий легализации доходов играют финансовые структуры. В соответствии с письмом ЦБ России [8, с. 24], под особым контролем находятся все банковские операции, если объем используемых в них денежных средств превышает 600 тыс. руб. В то же время ЦБ РФ признает возможным расчеты между юридическими лицами наличными деньгами на сумму до 100 тыс. руб. Очевидно, предполагается, что совершение сделки на сумму менее 100 тыс. руб. является широко распространенным явлением и может происходить без применения мер дополнительного финансового контроля. Упрощенная схема проведения такой операции исключает необходимость прибегать к особым алгоритмам легализации. Денежные средства в данном случае используются непосредственно, доказывать законность их происхождения не нужно, что логически исключает возможность уголовного преследования по ст. 174, 174-1 УК РФ. Таким образом, в контексте нашего размышления целесообразно было бы закрепить ответственность за легализацию денежных средств (имущества) исключительно в крупном размере, а именно – свыше 100 тыс. руб.

Возможность дробления легализуемых средств не создает опасность ухода преступников от ответственности, поскольку, являясь приемом легализации, в любом случае подлежит установлению при расследовании уголовного дела. Каждая операция должна рассматриваться как элемент единого продолжающегося преступления. Для внесения полной ясности возможно установления срока (например, один год), в течение которого суммы по отдельным операциям должны суммироваться.

Применение норм Уголовного кодекса об ответственности за легализацию преступных доходов к малозначительным деяниям не является основным показателем формализации борьбы с отмыванием доходов. Диспозиция ст. 174-1 УК РФ позволила сформироваться практике привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших любые операции с доходом, в силу различных причин признанным преступным. Наиболее распространенным составом, предикатным к легализации преступных доходов, стало незаконное предпринима-

тельство (ст. 171 УК РФ). Предпринимательская деятельность, осуществляемая в отсутствие специального разрешения, связана с заключением договоров, совершением сделок. Материал уголовного дела по ст. 171 УК РФ должен содержать сведения о таких операциях, поскольку они составляют доказательственную базу. Те же материалы могут использоваться и для привлечения лица к ответственности по ст. 174-1 УК РФ.

Текущая ситуация характеризуется тем, что судебная практика, позиции судей, в том числе Верховного Суда РФ, противоречива. Вынося немногие оправдательные приговоры, суд часто дает толкование ст. 174 и ст. 174-1 УК РФ в совокупности или применяет ограничительное толкование ст. 174-1 УК РФ. Такой подход представляется весьма спорным. Уход от классического понимания термина «легализация» привел к тому, что закон (в данном случае уголовный) не применяется единообразно. Возврат к классической конструкции нормы ответственности за отмывание доходов в ст. 174-1 УК РФ (либо внесение соответствующих изменений) позволил бы более адекватно подходить к вопросам привлечения лиц к уголовной ответственности.

В заключение необходимо отметить, что подобная коррекция нормы повлечет усложнение процесса расследования. Доказать наличие цели – сокрытие источника дохода – довольно сложно. Однако на протяжении многих лет правоохранительные органы сталкиваются со схожей проблемой при расследовании мошенничества (особенно в случае организации «финансовых пирамид») и решают ее. Таким образом, внесение изменений в законодательство не повлечет за собой фактическую невозможность привлечения лиц к уголовной ответственности, что позволяет говорить об их целесообразности.

Библиографический список

1. Money Laundering. URL: www.fatf-fafi.org/document/29/0,3343,en_32250379_32235720_33659613_1_1_1,00.html
2. Уголовный кодекс РФ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
4. Курченко В.Н. Легализация преступных доходов: особенности объективной стороны преступления // Уголовный процесс. 2008. № 5.
5. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 нояб. 2004 г. № 23. URL: http://supcourt.ru/searchresult.php?page_Num_NewsR=0&totalRows_NewsR=103&i=5&text=%F1%EF%E5%F6%E8%E0%EB%FC%ED%EE%E5&x=86&y=19
6. Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения районными (городскими) судами Архангельской области уголовных дел о легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. URL: [http://www.arhcourt.ru/? Documents/Crm/Gen/2005/200510240811](http://www.arhcourt.ru/?Documents/Crm/Gen/2005/200510240811)
7. Зуев С.В. Осуществление оперативно-розыскной деятельности при выявлении фактов легализации доходов, полученных преступным путем // Российский следователь. 2006. № 5.
8. О методических рекомендациях по разработке кредитными организациями правил внутреннего контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: письмо ЦБР от 13 июля 2005 г. № 99-Т // Вестн. Банка России. 2005. № 37.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

E.V. Pesegova
**Socialization Vectors:
Mission of Education in the Space
of the Russian History**

Vectors of secondary socialization in the context of high school functioning as a social institution are revealed. The problem of achieving the general enlightenment and education is stated.

Key words and word-combinations: social function of education, values of national education, social institution.

Выявляются векторы вторичной социализации в контексте функционирования высшей школы как социального института. Поднимается проблема достижения всеобщего просвещения и образования.

Ключевые слова и словосочетания: социальная функция образования, ценности национального образования, социальный институт.

УДК 316.7
ББК 60

Е.В. Песегова

ВЕКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ: МИССИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Во всех государствах современного мира, включая развивающиеся страны, образование стало одной из основных сфер вложения капиталов. Между государствами имеются существенные различия в организации систем образования и в пропорции населения, получающего тот или иной уровень и тип образования. Особое значение придается развитию высшего образования, которое является своеобразным показателем качественного состояния общества и государства. В связи с этим обоснованным следует считать вопрос: могут ли усилия общества считаться чрезмерными, если они направлены на решение задачи, связанной со всеобщим просвещением и образованием?

Современная международная юридическая традиция предписывает государству принимать на национальном уровне все необходимые меры для осуществления права на развитие. Государство призвано обеспечивать, в частности, равенство возможностей для всех в том, что касается доступа к основным ресурсам – об-

разованию, здравоохранению, питанию, жилью, занятости и справедливому распределению доходов. Генеральная Ассамблея, принимая во внимание цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, в «Декларации о праве на развитие» [1], закрепила приоритетное отношение социального государства к человеку, как основному субъекту процесса развития. Вследствие этого политика в области развития должна рассматривать человека в качестве главного участника и бенефициария развития. Следуя данным установкам, Российская Федерация провозглашает это приоритетным направлением в области образования.

В российском Законе об образовании закрепляются такие принципы государственной политики в указанной области, как гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности; воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье; свобода и плюрализм в образовании [2]. Перечисленные принципы образовательной политики Российской Федерации полностью соответствуют положениям Конституции РФ, устанавливающим основной статус личности.

Свободное развитие личности в качестве принципа образовательной политики государства означает признание за ней собственной позиции и права на самоопределение в процессе образования. Отвечая на поставленный выше вопрос, можно аргументированно утверждать, что усилия общества не бывают чрезмерными, если они направлены на решение задачи, связанной со всеобщим просвещением и образованием.

По формальным признакам названные принципы максимально полно учитывают давние и богатые традиции российского образования, подытоживая его достижения, нацеленность на общечеловеческие и универсальные ценности. Более того, каждый гражданин России, независимо от пола, возраста, национальной принадлежности, вероисповедания, местожительства, экономического достатка, имеет доступ к получению образования в рамках, установленных законом. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в сфере формального воплощения институт образования обладает всем необходимым для своего гармоничного функционирования.

Утверждение, что российское образование имеет давние и богатые традиции, кажется неоспоримым. Но история государства Российского демонстрирует точки кардинального разрыва в системе ценностей и идеалов национального образования, оставляя неизменным только пафос любви и службы Отечеству. К примеру, М.В. Ломоносов писал И.И. Шувалову об основании Московского университета: «...предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе Отечества... Главное мое основание, сообщенное Вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план университета служил во все будущие годы. Того ради, не смотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. С начала можно приняться теми, сколько найдутся. Со временем комплект наберется» [3, с. 129].

Теснейшим образом образование (в особенности – высшее) в российской традиции было связано с социализацией личности. Такой подход находил непосредственное отражение в официальных документах: воспитание юношества

есть единое средство «утвердить благо общества гражданского; да сие и неоспоримо, ибо предметы воспитания, заключающие в себе чистое и разумное понятие о Творце и его святом законе и основательные правила непоколебимой верности к государю и истинной любви к отечеству и своим согражданам, суть главные подпоры общего государственного благосостояния» [4, с. 304].

Богатые традиции российского образования создавались великими мыслителями и патриотами своего Отечества, но национальная специфика такова, что многие из них не имели возможности претворить свои достойные уважения замыслы в жизнь. Так, в 1856 г. вышла знаменитая статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», которая была опубликована в журнале «Морской сборник». Свою статью Пирогов начал с экскурса в глубины древнегреческой философии для поиска ответов на вопросы о смысле жизни. В качестве образовательного идеала ученый выдвинул воспитание человечности в человеке: «Иди и будь человеком... Значат ли эти слова, что я добиваюсь невозможного, что я ищу в человеке земного совершенства, мечтательного гражданина вселенной или тому подобного?» [5, с. 342].

Идея общечеловеческого воспитания, которое должно подготовить к общественной жизни высоконравственного человека с широким умственным кругозором, оказалась весьма востребована и популярна в государстве диктатуры пролетариата, а затем и в обществе «социального равенства». Более того, от этой идеи не отказалась и современная Россия.

Интересен, на наш взгляд, советский педагогический опыт, обусловленный установлением государства и общественного устройства нового типа. В советский период изначально остро возник вопрос поиска общественно значимой идеи в образовании и идеалов образования в целом. В статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» В.И. Ленин писал о России как о «дикой» стране, в которой трудящиеся слои ограблены в смысле просвещения, света, знания, как нигде в Европе [6, с. 127]. С этим утверждением трудно не согласиться, если принять общую обвинительную ленинскую риторику. Но стоит взглянуть на Россию как на самостоятельную социокультурную систему, имеющую свой внутренний ритм развития, и станет очевидно, что уже к концу XIX в. страна достаточно продвинулась по пути развития сферы образования и науки от того момента, когда М.В. Ломоносов говорил о необходимости основания университета.

Как свидетельствует исследование Л.В. Камоско, до царствования Александра III процент простолюдинов в средней школе непрерывно рос при уменьшении доли дворянства. И поскольку из каждых десяти выпускников средней школы восемь-девять поступали потом в университет или иное высшее учебное заведение, становилось очевидно, что со временем состав студенчества постепенно начал носить все более демократический характер. В процентном отношении сословный состав учащихся русской средней школы выглядел так: в 1833 г. дворяне и чиновники составляли 78,9%, духовенство – 2,1%, податные сословия – 19,0%, а в 1885 г. дворяне, чиновники – 49,1%, духовенство – 5,0%, податные сословия – 43,8% [7, с. 206]. Безусловно, такая динамика была во многом обусловлена процессами, связанными с отменой крепостного права в Российской империи.

Во второй половине XIX в. большого расцвета достигли свободные профессии, в дореформенной России практически неизвестные. Подсчитано, что меж-

ду 1860-м и 1900-м годами число лиц, получивших профессиональное образование, выросло от 20 до 85 тысяч [8, с. 70]. Так постепенно расширялась образованная часть общества, из которой пополнялись ряды интеллигенции. Следует отметить, что за сравнительно короткий промежуток времени из малочисленной группы богатой молодежи слой образованных людей в России превратился в достаточно широкий, состоявший из представителей всех сословий.

Приступив немедленно после прихода к власти к восстановлению полицейского государства, Ленин и его соратники полагали, что ЧК, «ревтрибуналы», массовые казни, лагеря принудительного труда, ссылки, цензура и тому подобные репрессивные институты необходимы для того, чтобы выкорчевать последние остатки царского режима, и что с выполнением этой задачи вновь созданные учреждения будут ликвидированы. Однако «временные» репрессивные меры привели к оформлению тоталитарного государства со своей системой образования и воспитания. В новом социалистическом государстве упор в воспитании, и через это – в образовании, стал делаться на осознании личностью новой формации собственной причастности к общему процессу государственного и общественного развития. По мнению идеологов, в человеке необходимо было взрастить интерес к общественному, а также понимание приоритетности общественного перед личным.

Советское образование было строго урегулированным и не позволяло сколько-нибудь существенных отклонений от установленных норм. Оно должно было служить для воспитания человека как частицы советского общества. Вследствие этого регламентировались даже те стороны жизни индивида, которые представляются весьма частными. Так, например, сегодня курьезными выглядят двенадцать половых заповедей, предложенных А.Б. Залкиндом, считавшим, что они призваны оздоровить «наши нравы, это поможет нам сформировать крепких, творчески насыщенных классовых борцов, это позволит нам родить здоровую, новую революционную смену, это сэкономит уйму драгоценнейшей классовой энергии, которой и без того непродуктивно утекает...» [9, с. 63–68].

Развитие государственной образовательной системы в России представляется в достаточной степени противоречивым. Менялись исторические обстоятельства, порождая иные цели и задачи образования. Но, на наш взгляд, бесспорно утверждение, что еще не было такого времени, при котором система образования существовала бы без установленных государством идеалов.

Считаем важным отметить, что политика ликбеза, провозглашенная большевиками после их прихода к власти, привела к созданию уникальной и относительно гармоничной социальной модели массового образования. Массовое же образование в современных обществах неразрывно связано с идеалом равенства возможностей, что не только провозглашалось в Советском Союзе, но и в большинстве жизненных стратегий реализовывалось. Это способствовало тому, что в целом люди достигали положения, соответствующего их талантам и способностям. Однако на практике далеко не всегда образование помогало преодолению неравенства, а иногда даже усугубляет его. Исторический опыт России красочно иллюстрирует данное положение.

Утверждение той или иной модели образования во многих случаях было равносильно установлению механизма постепенного перераспределения власти и транс-

формации социальных структур в целом. Нами уже отмечено, что в системе ценностей национального образования, несмотря на точки кардинального разрыва, сохранялся пафос любви и службы Отечеству. Хотя первые годы советской власти были для потомственной «буржуазной» русской интеллигенции кровавыми и полными лишений, а времена массовых репрессий затронули и рабоче-крестьянскую интеллигенцию, идущая из Императорской России традиция давала образованному человеку советской эпохи базовые культурные образцы и ценности.

Общественный подъем эпохи перестройки всколыхнул общественно-педагогическое движение, направленное на гуманизацию и демократизацию образования. Современные реалии таковы, что до сих пор общество вовлечено в процесс трансформации институциональных форм образования в целом и высшей школы в частности. В результате в текущем десятилетии XXI в. совокупный интеллектуальный потенциал России, рассчитанный по методикам ООН, снизился до уровня тридцатилетней давности, когда в составе населения СССР присутствовала доля граждан, не имеющих мотивированных стремлений к высшему образованию [10].

Очевидны тенденции смены ценностных приоритетов, обеспечивающих общественное развитие. Совершенствование самой идеи реформирования национальной системы российского образования на всех уровнях приобрело характер перманентного дискурса о переакцентации источников интеллектуального потенциала. Полагаем, что миссия образования заключается отнюдь не в том, чтобы производить квалифицированную рабочую силу. Образование считается правом человека, так как ведет к развитию творческих способностей, а не только к получению знаний.

Снижение совокупного интеллектуального потенциала современной России связано, на наш взгляд, не только с недостаточной эффективностью образования с точки зрения его прагматически понимаемой экономической отдачи, но и со «слабостью» ресурсного человеческого потенциала. Следовательно, лишь преодолевая собственное кризисное состояние, преобразуя содержание социализации, формы и способы организации образования, осознавая на государственном уровне и связывая нитями интеллектуальной и духовной зависимостей систему образования, возможно адекватно оценить современную миссию образования в пространстве российской истории.

Библиографический список

1. Декларация о праве на развитие. Ст. 8. URL: http://www.echr-base.ru/evolution_oon.jsp
2. Комментарии к Закону РФ «Об образовании». URL: <http://www.lexed.ru/mpravo>
3. Письмо М.В. Ломоносова И.И. Шувалову об основании Московского университета (до 19 июля 1754 г.) // Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985.
4. Устав народным училищам в Российской империи // Там же.
5. Пирогов Н.И. Избр. пед. соч. М., 1985.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23.
7. Камоско Л.В. Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30–80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1970. № 10.
8. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.
9. Залкин А.Б. Революция и молодежь. М., 1924.
10. Лебедев О., Шабельник М. Духовный и интеллектуальный потенциалы // М-ОСТ. 2001. № 46.

O.Yu. Tarskaya
Modernization of the Government
by the Military Education:
Conceptual Model

The special attention is paid to the possibility and the expediency of the application of the system approach to the military education system research. On the basis of the modeling principals a conceptual model of socio-cultural paradigm of modernization of the system's government is constructed.

Key words and word-combinations: modeling, conceptual model, government, military education system, socio-cultural paradigm.

Акцентируется внимание на возможности и целесообразности применения системного подхода к исследованию военной образовательной системы. На основе принципов моделирования конструируется концептуальная модель социокультурной парадигмы модернизации государственного управления этой системой.

Ключевые слова и словосочетания: моделирование, концептуальная модель, государственное управление, военная образовательная система, социокультурная парадигма.

УДК 316.33:378
ББК 60.5

О.Ю. Тарская

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

В последнее время в отечественных социологических исследованиях все чаще стала использоваться методология моделирования. И это не случайно, поскольку целостный, синтетический анализ социальной системы, к которой относится и военная образовательная система, можно осуществить путем конструирования ее моделей, обозначающих различные виды и способы взаимодействия субъектов в процессе реализации социальной совокупной ответственности. Подобные модели позволяют представить процессы и явления, происходящие в конкретном образовательном пространстве, в виде системы, вследствие чего появляется возможность выявления причин и факторов, влияющих на их продуктивность [1]. Собственно говоря, речь идет о реализации системного подхода, который предполагает рассмотрение вопросов функционирования военной образовательной системы и в целом, и со стороны любого компонента.

Поскольку Вооруженные Силы РФ, как и все российское общество, находятся сегодня в стадии трансформации, наиболее актуальными становятся исследования военных образовательных систем в аспекте цели как главной структурной составляющей любой социальной системы.

Известно, что современная военная образовательная система должна быть направлена на подготовку высокопрофессиональных, компетентных специалистов, способных не

только самостоятельно проектировать свой жизненный и профессиональный путь, но и успешно продвигаться по нему к обозначенной цели. В то же время очевиден кризис не только форм и методов обучения, но и самих идей и технологий, на что сегодня обращают внимание отечественные ученые: социологи, философы, педагоги и психологи. Недостатки современной высшей военной школы, по мнению социологов, заключаются в устаревшей системе государственного управления сферой военного образования, самой концепции профессиональной подготовки военных специалистов. На наш взгляд, существующая система военного образования, принципы государственного управления военным образованием не обеспечивают в должной мере развития у обучаемых творческих личностных качеств, способности адаптироваться к изменяющимся социально-политическим и экономическим условиям.

Несколько отстраненную позицию по отношению к ключевым проблемам военного образования и государственного управления военными образовательными системами до последнего времени занимала социология. Между тем именно она призвана разрабатывать новые модели высшего военного образования на принципах, вытекающих из общей ориентации высшей школы на разностороннее развитие личности. Поэтому значительная часть военных вузов продолжает оставаться в плену больших проблем как в области подготовки специалистов, отвечающих современным требованиям, так и в области организации образовательного процесса. В то же время основной мировой тенденцией их развития является переход от иерархически-вертикальных структур к самоорганизующимся горизонтальным структурам. В этом случае ставка делается на личную инициативу, самостоятельность субъектов управления – преподавателей, руководителей, самих курсантов, на их способность к профессиональному росту, развитию военной организации, военного образовательного учреждения, что обеспечивает управленческое саморазвитие этой социальной системы, позволяющей адаптивно и эффективно реагировать на изменяющиеся социально-экономические и политические условия, развивать свой внутренний потенциал. Модели такого перехода еще только начинают разрабатываться отечественной социологией.

Таким образом, пытаясь решать настоящую проблему, мы невольно обращаемся к методологии моделирования. На наш взгляд, причина эксплуатации методологии моделирования при попытках представить системное видение тех или иных социальных явлений и процессов состоит в наличии эвристического потенциала, которым обладает технология моделирования применительно к социальным процессам.

Известно, что модель представляет собой концептуальный инструмент, аналог определенного фрагмента социальной действительности, служащий для хранения и расширения знания о свойствах и структурах моделируемых процессов, ориентированный в первую очередь на управление ими. Построение содержательной модели позволяет получить новую информацию о поведении объекта, выявить взаимосвязи и закономерности, которые не удастся обнаружить при других способах анализа [2]. Следовательно, развивая традиционные подходы к исследованию военных образовательных систем с точки зрения их системной целостности в качестве методологической основы, целесообразно воспользоваться

принципами моделирования, ориентируясь на построение концептуальных, содержательных моделей, при формулировке которых будут использоваться теоретические концепты и конструкты данной предметной области знания.

Моделирование представляет собой одну из ключевых технологий системного анализа при исследовании сложных, многоэлементных и полиструктурных систем, функционирование которых определяется большим количеством внутренних и внешних факторов. Именно к ним относятся военные образовательные системы, сложный характер которых определяется доминированием факторов сознания, способных оказывать регулирующее воздействие на траектории развития данной системы.

Моделирование образовательных систем и процессов управления ими обеспечивает сжатие информации, при котором отбрасываются многие несущественные факторы, благодаря чему появляется возможность сконцентрировать внимание на наиболее значимых элементах и способах их взаимодействия, то есть на тех составных частях системы и тех связях и отношениях, от которых в наибольшей степени зависит ее качественное состояние и перспективы развития. В результате этого модель приобретает свойства концептуального инструмента, с помощью которого можно осуществлять прогнозные и управленческие функции по отношению к моделируемому процессу. Подчеркивая данные свойства модели, К. Леви-Строс писал: «Во-первых, модель представляет характер системы. Она состоит из таких элементов, что любая модификация одного из них влечет за собой модификацию всех остальных. Во-вторых, все модели принадлежат к одной группе преобразований, причем каждая соответствует другой модели из той же группы, так что ансамбль этих преобразований составляет группу моделей. В-третьих, свойства, отмеченные выше, позволяют предвидеть, как будет реагировать модель в случае изменения одного из ее элементов. Наконец, модель должна быть сконструирована таким образом, чтобы ее функционирование соответствовало всем наблюдаемым фактам» [3].

Модифицируя элементы образовательной системы и отношения между ними, можно предсказывать те изменения, которые могут происходить в системе. Именно с этим связана методологическая и прогностическая ценность технологии моделирования при исследовании вопросов модернизации государственного управления военными образовательными системами.

Сущность военной образовательной системы в рамках предлагаемой концептуальной схемы видится в том, что она представляет собой функционально значимую социальную систему, имеющую своим содержанием целенаправленное, организованное регулирование в первую очередь социальных отношений. Цель данной системы заключается в том, чтобы при помощи создания благоприятных социального климата и условий обеспечить потребности общества и его военной организации не только в высококвалифицированных военных специалистах, но и ответственных, творческих личностях, способных к дальнейшему саморазвитию.

Современное военное образование, по нашему мнению, должно быть представлено в качестве института социальной идентификации, конструирования реальности, социального интеллекта, культурного инвайронмента и плюрализма жизненных стилей, удовлетворения статусных социальных, интеллектуальных и

экзистенциальных потребностей. При этом сам подход к моделированию государственного управления военными образовательными системами выходит за рамки традиционных подходов, так как сравнительной оценке в большей степени могут быть подвергнуты базовые принципы и характер взаимодействия основных субъектов образования – слушателей, курсантов, преподавателей, руководителей военных образовательных систем. Это даст возможность не только определить различия в обобщенных характеристиках типов данных систем, но и распознать множество внутренних специфических особенностей, включая формы, методы, технологии реализации, межуровневое распределение полномочий, источники финансирования, распределение ответственности между государственными и негосударственными участниками, формы социального партнерства, стратегические установки и приоритетные направления. Такой подход, на наш взгляд, позволит выйти на формирование социокультурной модели государственного управления военным образованием, выстроенной с учетом взаимодействия широкого спектра наиболее существенных факторов организационно-управленческого, правового, финансового и межсубъектного характера [4].

Технология моделирования на первом этапе предполагает выделение тех характеристик и свойств моделируемой системы, являющихся наиболее значимыми для ее функционирования, различия содержательного наполнения которых могут приводить к вариативности форм существования данной системы в рамках единого системного качества. Функционирование и качественное своеобразие любой системы, в том числе и системы, подвергающейся моделированию, определяется как минимум следующими факторами: набором основных, составляющих ее элементов; способами взаимосвязи и взаимодействия данных элементов; целевым предназначением (целевой установкой) данной системы; характером взаимодействия системы с внешней средой. Изменение любой из перечисленных характеристик может приводить к возникновению новых форм данной системы.

Если государственное управление военным образованием рассматривать как систему, подвергающуюся процедуре моделирования, то в качестве основных элементов прежде всего будут выступать ее субъекты, играющие определяющую роль в осуществлении процесса образования в целеполагающем, организационном, функциональном и ресурсообеспечивающем плане. К ним относятся и те общественные и государственные структуры, которые непосредственным образом участвуют в определении целей, организации, реализации, финансировании военного образования, разработке его конкретных программ. Исходя из этого, можно предложить, хотя бы и обобщенно, некоторые параметры концептуальной модели, выраженной системой принципов современного образовательного пространства [5].

В первую очередь это принцип *демократизма*, который позволяет воплотить идеологию партнерства, сотрудничества курсанта и преподавателя в процессе образования. В своей социально-конструирующей роли военное образование должно синтезировать новую этику военного образования, осуществляя поиск, способствуя стабилизации духовного и социального статуса его субъектов. Согласно данному принципу, современное военное образование должно стать поддерживающим, интегрирующим, обеспечивать открытость, гибкость, индивидуальный контакт и сокращение властной дистанции.

Следующим является принцип *универсальности*, обеспечивающий единство универсального и уникального, фундаментальной и специальной подготовки.

Принцип *инновационности* изначально утверждает инновационный тип военного образования, меняющий сам облик военной организации, социокультурный инвайронмент субъектов образования. Он предусматривает расширение выбора образовательных программ, профессиональных и личностных возможностей, осуществление жизненных стилей, достижение конкурентоспособности, и, самое главное, жизненного успеха. Инновационные технологии позволяют расширить жизненное пространство индивида.

Непрерывность образования. Концепция непрерывного образования ЮНЕСКО дополняется современной моделью военно-профессиональной ориентации и психологической поддержки. В рамках данной модели гибко реализуются различные варианты программ переобучения и повышения квалификации.

Принцип *информационности* связан с тем, что в настоящее время наблюдается так называемая интервенция информационных технологий в высшую школу, в том числе военную.

Инвайроментальный принцип означает, что военное учебное заведение должно быть ориентировано на подготовку к жизни не только в военной среде и обществе, но и на адаптацию молодого человека к социальным изменениям вообще. Выступая в качестве условия самореализации и жизненного успеха военного человека, военное образование осуществляет свою институциональную функцию в сотрудничестве преподавателя и курсанта.

В результате можно предложить концептуальную модель социокультурной парадигмы модернизации государственного управления военным образованием, представляющей собой образ будущей системы, основанный на отечественных традициях и содержащий предшествующий опыт, в том числе не исключающий зарубежный опыт.

Социокультурная парадигма модернизации государственного управления военным образованием включает в себя: высокий уровень информированности всех субъектов образовательного процесса о целях и результатах образования, требованиях к специалистам; высокое качество самих целей образовательного процесса, рациональность их выбора и интегрированность в мировое образовательное пространство; заинтересованность всех субъектов в повышении социального и профессионального качества образовательного процесса; активное участие субъектов управления в научно-исследовательской и информационной деятельности; наличие соответствующих социальных и образовательных технологий, повышающих уровень управленческой деятельности; контролируемость результатов управленческой деятельности, привлечение большинства участников образовательного процесса к оценочной деятельности; наличие у участников образовательного процесса высокосформированных управленческих умений и нравственных качеств. В контексте этой парадигмы в военных образовательных учреждениях целесообразно использовать систему взаимно- и самоконтроля, привлекая таким образом всех субъектов образовательной системы к ее управлению.

Практическое применение данной системы в ряде военных вузов позволило установить, что уровень продуктивности оценочной деятельности руководителя,

организатора образовательной системы напрямую зависит от уровня сформированности у него умений осуществлять само- и взаимоконтроль с привлечением большинства субъектов и с учетом не только внутренних, но и внешних факторов.

Поскольку определить эталонный уровень управленческих умений очень сложно, целесообразно применять методы сравнительного социологического наблюдения за деятельностью управленцев высокого, среднего или низкого уровня продуктивности. Оценку деятельности наблюдаемого можно в этом случае определять путем ее соотношения с тем или иным уровнем. Все это способствует повышению объективности контроля и формирует чувство сопричастности к самой системе государственного управления качеством военного образования.

Библиографический список

1. Константинова Л.В. Социальная политика: концепция и реальность. Саратов, 2004.
2. Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование. Ростов н/Д, 2001.
3. Levi-Strauss C. Anthropologies structural. Paris, 1958.
4. Лебедева И.П. Моделирование социально-педагогических систем. Пермь, 2004.
5. Ярская В.Н. Постнеклассическое образовательное пространство // Социальные проблемы образования: методология, теория, технологии: сб. науч. статей. Саратов, 1999.

A.P. Kara
State Cultural Educational Policy
in a Subject of Federation:
Multinational Region Experience
(By the Example of Krasnodar Krai)

Federal and regional approaches to the implementation of cultural and educational policy in the South of Russia in conditions of multinational region are analyzed. Strategic purposes, tendencies and achievements of regionalization of the cultural and educational sphere in Krasnodar Krai are shown.

Key words and word-combinations: policy, education, multinational region, ethnic culture, local lore studies.

Анализируются федеральные и региональные подходы к осуществлению культурной и образовательной политики на Юге России в условиях полиэтничного региона. Обозначены стратегические цели, тенденции и достижения регионализации сферы культуры и образования в Краснодарском крае.

Ключевые слова и словосочетания: государственная политика, полиэтничный регион, образование, этнокультура.

УДК 378
 ББК 63.3(2)

А.П. Кара

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В СУБЪЕКТЕ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Социальная стабильность и нормальное функционирование любого общества во многом обусловлены наличием в нем общепринятой системы ценностей. Особую роль в формировании такой системы играет институт образования, благодаря которому накопленные трудом предшествующих поколений материальные и духовные достижения,

знания, опыт, традиции передаются новому поколению людей и усваиваются им. И от того, каким образом это осуществляется, зависят взаимоотношения между различными этническими общностями и социальными группами.

Своевременность изучения данной темы определяется проявлением ряда негативных явлений в жизни российского общества, таких как рост национального и религиозного экстремизма, духовный кризис и неясность ценностных приоритетов, определяющих национально-культурную идентичность российского общества. Историческое обобщение позитивных наработок, имеющихся в региональном срезе отечественного образования, позволяет создать более эффективную модель формирования этнической толерантности, духовных оснований и ценностных ориентаций молодежи.

Особая актуальность исследования определяется необходимостью обобщения опыта взаимодействия федеральных и региональных органов образования в полиэтничных социокультурных условиях. Очевидно, что модель демократической школы XXI в. с приоритетами гражданского образования и воспитания [1, с. 34–35], не может быть создана без учета региональных особенностей. Именно поэтому необходимы объективный анализ и реалистичная оценка результатов деятельности государственных органов, которые позволят оптимизировать систему российского образования, привести ее в действительное соответствие современным требованиям, избежав при этом рисков субъективированного волюнтаризма.

Необходимость модернизации отечественной системы образования определяется рядом факторов, предопределяющих ее стратегические ориентиры, место в общественной жизни [2, с. 8]. Российское государство в лице соответствующих органов и структур выступает как инициатор и главная движущая сила модернизационных трансформаций, осуществляемых, тем не менее, при активном содействии общества. При этом изменение образования понимается как масштабная акция государства, политическая и общенациональная задача. Она должна привести к достижению нового качества российского образования, которое определится прежде всего соответствием социально значимым и перспективным запросам современной жизни страны [3, с. 10–16].

Необходимость реформирования отечественного образования была обозначена в августе 1999 г. на заседании Государственного Совета РФ. Впоследствии более четко были сформулированы государственная стратегия, цели и приоритеты развития национальной системы образования. Основные положения государственной образовательной политики изложены в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, выступлениях и заявлениях главы государства [4, с. 11]. Начиная с 2000 г., в развитие положений Закона РФ «Об образовании», Правительством РФ был принят ряд документов, содержательно определяющих стратегию развития образования в первой четверти XXI в.: «Национальная доктрина образования в Российской Федерации»; «Федеральная программа развития образования»; «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года»; Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Перечисленные и иные акты определили приоритеты в модернизации российского образования, в том числе и применительно к субъектам Федерации.

Особого внимания заслуживает Национальная доктрина образования в Российской Федерации – основополагающий документ, устанавливающий приоритет образования в государственной политике, определяющий стратегию и основные направления его развития. Документ отражает интересы граждан многонационального Российского государства в области сохранения и развития национальной культуры и межэтнических отношений. Доктрина призвана обеспечить реальное равенство прав граждан в сфере образования, независимо от их национальности. Отметим, что все региональные программы, касающиеся развития образования в субъектах Федерации, создаются в соответствии с положениями национальной доктрины. В то же время такие программы в большей степени, чем общенациональный документ, должны учитывать конкретику сложившихся на местах культурно-социальных и межнациональных отношений.

С начала 1990-х годов в образовательном процессе преобладают тенденции возрождения национальных традиций. Это повлияло на уровень развития национального самосознания и национальной самоидентификации. Национальное чувство – очень глубокое, духовное, подчас неосознаваемое. Оно принадлежит к первичным человеческим ценностям и выражает некую тайну национального и даже индивидуального бытия. Чувство принадлежности к нации, этносу, чувство национальной гордости нормально и неискоренимо. Другое дело – деформированное национальное чувство, лежащее в основе национализма. Каждый народ чувствует и думает иначе, чем другие. Это может быть огромным культурным и национальным богатством, но при игнорировании, ущемлении, либо, напротив, извращении, гипертрофировании национального чувства, оно способно стать причиной конфликта, колоссальной разрушительной силой. Национальное от националистического отделяет тонкая, не всегда уловимая грань: националистическое – опасно, замкнуто и агрессивно, национальное – открыто и дружелюбно.

Возникновению новых очагов межнациональных конфликтов в определенной степени способствует невнимательность органов власти к национально-культурному фактору, который связан с защитой, возрождением и развитием национальной культуры и этнокультурного образования, и в определенном смысле является гарантией прав национальных меньшинств.

Несмотря на процессы глобализации, личность человека немислима вне нации и национального самосознания. В многонациональных государствах и регионах возникает своя, особенная специфика формирования консолидированного национального или территориального сообщества. Россия и ее Юг (как геополитическое понятие) всегда были полиэтничны. Многонациональный состав населения являлся и является тем фактором, который во многом определяет социально-экономическое и общественно-политическое состояния территории.

Для Юга России особенно актуальны проблемы межнационального мира и этнической толерантности. Решение этой важной социальной проблемы видится нами через создание регионального поликультурного образовательного пространства, которое поможет поддержать мир и согласие в многонациональном регионе. Краснодарский край в этом отношении представляет особый интерес как положительный пример грамотной и взвешенной национальной и образовательно-культурной политики региональных властей.

Учитывая многонациональный состав населения края, на основании положений Федерального закона «О национально-культурных автономиях» в крае образованы краевые и городские национально-культурные автономии. Региональным управлением юстиции зарегистрировано около 150 национально-культурных общественных объединений национальных диаспор [5, с. 32].

Одним из направлений деятельности администрации края в сфере возрождения национальных обычаев, традиций, культуры, установления межнационального согласия является программа «Культура сближает народы». В сфере национально-культурного развития населения в Краснодарском крае действуют 382 славянских фольклорных коллектива и 52 – других национальных групп, а также Кубанский казачий хор. При хоре в 1992 г. была создана краевая детская экспериментальная школа народного искусства [6, с. 12]. Одной из главных задач этой школы является восстановление естественного механизма воспроизводства культурного наследия Кубани. С 1991 г. в крае проводится краевой фестиваль детских фольклорных коллективов «Кубанский казачок». В нем принимают участие коллективы не только Краснодарского края, но и других регионов Российской Федерации, стран СНГ. Этот фестиваль собирает детей самых разных национальностей и прививает им с ранних лет качества, способствующие развитию уважения и дружбы между народами. Богатейший опыт работы в сфере развития национальных культур имеет Центр национальных культур Лазаревского района г. Сочи, который функционирует при отделе культуры районной администрации. Здесь объединены центры нескольких национальных культур, особое внимание уделяется работе с подрастающим поколением.

При активной поддержке национально-культурных общественных объединений работают национальные творческие коллективы. Их участники часто выступают в школах, перед детьми-инвалидами в больницах. В крае все стороны жизни народов широко освещаются в информационных выпусках региональных и муниципальных теле- и радиопрограмм, а также в периодической печати – краевых газетах и на страницах газет, распространяемых национально-культурными общественными объединениями [7, с. 101].

С развитием общественной и религиозной жизни народов, становлением национальных общин были созданы предпосылки для более активной деятельности в культурно-просветительной области. Анализ работы национальных объединений показал, что одним из приоритетных направлений их деятельности была и остается образовательная сфера. В уставных и программных документах всех национальных общественных организаций региона говорится о необходимости создания условий для сохранения родного языка. С этой целью открыты школы и факультативы. В данный период наблюдается рост числа воскресных школ и факультативов по изучению национальных языков. В городах и районах края ведется изучение шести национальных языков. Наиболее распространено изучение армянского языка: он преподается на девяти территориях (например, в Новороссийске, Армавире, Краснодаре), в 34 учебных заведениях с охватом более 4 тысяч учащихся [8, с. 5]. Всего же языки национальностей, проживающих в регионе, изучают 6 тысяч школьников края.

Накопленный опыт деятельности по привлечению национально-культурных объединений к работе с детьми разных этносов, с родителями, жителями микрорайонов свидетельствует, что совместная деятельность способствует ускорению процесса социальной адаптации в новой среде, проведению более активного культурного диалога, снятию межнациональной напряженности.

Преподавание предметов на языках народов, населяющих край, спецкурсов по их истории и культуре ведется и в учреждениях высшего образования края – в целях подготовки учителей, способных преподавать национальные языки и этнокультуру разных народов в школах региона. Так, например, в Кубанском государственном университете на факультете романо-германской филологии открыто греческое отделение, при факультете востоковедения работают воскресные классы по изучению корейского языка. На историческом факультете читаются курсы «Регионоведение», «Краеведение» и «Этнология», а также ряд спецкурсов, на которых особое внимание уделяется изучению этнической истории народов Северного Кавказа. Все это способствует более эффективному осуществлению государственной политики в сфере поликультурного образования.

Как показали результаты нашего исследования, только совместное с национально-культурными объединениями использование образовательным учреждением в своей деятельности различных форм и методов этнокультурного образования и воспитания способствует развитию этнической и культурной грамотности молодежи, формированию межкультурной компетентности, позитивной этнической идентичности, осознанию взаимовлияния и взаимообогащения культур в современном мире. Кроме этого, у детей и молодежи происходит снижение проявлений игнорирования представителей других групп, усиление значимости гуманистических ценностей. Организованный в рамках такого взаимодействия межгрупповой контакт при благоприятных условиях, созданных в образовательном учреждении, способствовал обобщению позитивного опыта взаимодействия с членами других национальных групп и в целом позитивно повлиял на межэтнические отношения.

В наши дни вопросы национально-культурного развития, и в том числе образования, приобретают особое значение – вокруг них происходит консолидация или размежевание основных политических сил. Этноспецифические формы поликультурного образования обеспечивают чувство безопасности и целостности этносов, которые расширяют знания о своей культуре и стремятся обеспечить безболезненное вхождение в поликультурное общество, сохранив при этом этническую, языковую и культурную идентичность.

Накопленный опыт по привлечению национально-культурных объединений к работе с различными по своей национальной принадлежности детьми, их родителями, жителями населенных пунктов свидетельствует, что совместная деятельность государственных и общественных структур способствует ускорению процесса адаптации переселенческих семей в новой для них среде, снятию национальной напряженности на муниципальном и региональном уровнях. Такая практика продуцирует более активный межкультурный диалог, развивает общественную и религиозную жизнь территорий, активизирует различные формы деятельности в культурно-просветительной сфере.

Библиографический список

1. О гражданском образовании учащихся общеобразовательных учреждений Российской Федерации: письмо Министерства образования РФ от 15 янв. 2003 г. № 13-08/13 // Вестн. образования России. 2003. № 7.
2. Модернизация образования – дело всего общества: из доклада министра образования РФ В. Филиппова на итоговой сессии Министерства образования // Вузовские вести. 2002. № 5.
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.: приказ министра образования РФ № 393 от 11 февр. 2002 г. с объявлением распоряжения Правительства РФ от 29 дек. 2001 г. № 1756-р // Вестн. образования. 2002. № 6.
4. Президент России В.В. Путин. Вступительное слово на заседании Государственного совета Российской Федерации 29 августа 2001 г. М., 2001.
5. Информация о национально-культурных объединениях, зарегистрированных на территории Краснодарского края // Материалы ДОН Краснодарского края. Краснодар, 2000.
6. Программа «Культура сближает народы» // Текущий архив администрации Краснодарского края. Краснодар, 2006.
7. Информация о СМИ, издаваемых национально-культурными автономиями // Текущий архив администрации Краснодарского края. Краснодар, 2008.
8. Сводный отчет о распределении школ и учащихся по языку обучения // Текущий архив Новороссийского ЦРО. Краснодар, 2007.

I.V. Markina
The Practice of Foster Upbringing of Children Deprived of Parental Care in the System of Preventive Maintenance of Social Orphanhood

The situation connected with the problems of children's social trouble may be improved under the condition of the purposeful development of the foster family practices. The author researches the foster family life experience of children deprived of parental care.

Key words and word-combinations: foster family, care, upbringing, preventive maintenance of social orphanhood.

Изменить ситуацию, связанную с проблемами детского социального неблагополучия, возможно при условии целенаправленного развития практик фостерного родительства. Автором исследуется опыт семейной жизни детей, оставшихся без попечения родителей, в фостерных семьях.

Ключевые слова и словосочетания: фостерная семья, попечение, воспитание детей, профилактика социального сиротства.

УДК 316.3
ББК 60.5

И.В. Маркина

ПРАКТИКА ФОСТЕРНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

Сегодня увеличивается количество беспризорных и безнадзорных детей, детей-сирот, а также детей, совершивших административные правонарушения и преступления. Это указывает на масштабность проблемы детского неблагополучия и определяет необходимость принятия на государственном уровне комплекса мер по созданию системы социальной защиты и профилактики социального сиротства.

Исходя из официальных статистических данных, можно выделить основные регионы – рекордсмены по количеству детей, оставшихся без попечения родителей. Среди них Кемеровская, Свердловская, Иркутская, Челябинская области, Приморский край, где показатель увеличения детей-сирот варьируется от 1000 до 1700 человек в год [1]. В современных условиях все более актуальным становится процесс деинституционализации детей, оставшихся без попечения родителей, что предполагает проведение реформ, направленных на минимизацию закрытых институтов (интернатов, детских домов, исправительных колоний) и интеграцию клиентов этих учреждений в общество [2, с. 451].

Как известно, существует несколько видов устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Основными среди них являются помещение детей в интернатные учреждения и развитие альтернативных практик семейного воспитания. Одной из приоритетных форм семейного устройства детей в современных условиях становится фостерное устройство или семейно-воспитательные группы – более демократичные и цивилизованные формы опеки.

Фостерная (англ. «foster» – выхаживать, воспитывать) семья представляет собой профессиональную семью, воспитывающую ребенка на основании контракта с государственным учреждением, и отличается от других форм устройства детей временным характером и договорным способом оформления отношений [3, с. 78]. Для нас же более привычно понятие «приемная семья».

С позиций профилактики социального неблагополучия, поддержки детей, находящихся в сложных обстоятельствах, развитие фостерного семейного воспитания более предпочтительно. Оно содействует успешной социализации детей и заметно гуманнее, чем институциональные формы воспитания, такие как интернаты и детские дома. Подчеркнем, что именно замещающая семья является альтернативой институциональным формам устройства детей-сирот, поскольку способна привить ребенку семейные ценности.

В контексте исторического развития практик замещающего родительства, отметим, что пик фостерного воспитания в мире пришелся на окончание Второй мировой войны, когда в связи с военными действиями большое количество детей остались без родителей. В последние годы институт фостерных семей становится популярен во многих странах, и практики фостерного воспитания широко развиты в Великобритании, США, странах Западной Европы, где все сироты с рождения попадают в замещающие семьи [4].

В настоящее время фостерное воспитание получает развитие и в Российской Федерации. Так, например, на территории Саратовской области проживает около 500 тысяч детского населения, примерно 9906 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в возрасте до 18 лет, состоят на учете в органах опеки и попечительства, в интернатных учреждениях области проживает 2504 ребенка (24,7%). В Саратовской области действует 29 приемных семей (26 приемных семей в 2006 г.), в которых на воспитании находится 104 ребенка, в том числе 92 несовершеннолетних. В 2007 г. были созданы три новые приемные семьи в Кировском районе г. Саратова, в Татищевском и Советском районах области. Всего на семейных формах воспитания находятся 6538, или 66% детей (для сравнения – в 2005 г. 62%) [5]. Семейно-

воспитательные группы являются новыми формами для большинства российских регионов, и во многих из них находятся в стадии зарождения. К примеру, практику работы с названными семьями осуществляет одно из учреждений социального обслуживания г. Саратова, в котором фостерные семьи являются его структурным подразделением.

Нельзя не согласиться с Н.И. Ловцовой, которая считает, что проживание в семье, даже временной, лучше подействует на психику ребенка, чем нахождение в интернатном учреждении. Хотя здесь можно говорить о таком негативном факторе, как кратковременность пребывания в семье – как только ребенок привыкнет и адаптируется, ему приходится покидать семью, поскольку срок контракта вышел. Деятельность фостерной семьи имеет смысл лишь в том случае, когда за время пребывания ребенка в семье ему будут найдены усыновители [3, с. 86].

Очевидно, что наше общество нуждается в развитии семейных форм воспитания и создании необходимых условий для положительного опыта семейной жизни, так как нахождение ребенка в интернатном учреждении способствует депривации его развития во всех сферах [6, с. 67]. Подобного рода подходы и установки зафиксированы в официальных документах, принятых в целях сокращения масштабов социального сиротства [7, 8].

Нам представляется необходимым исследовать практический опыт фостерного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, изучить проблемы, с которыми сталкиваются семейно-воспитательные группы при воспитании детей-сирот. Для достижения задач исследования в 2008 г. было проведено 13 глубинных интервью с фостерными родителями г. Саратова, преимущественно женщинами в возрасте от 30 до 55 лет. Отметим, что в рассматриваемом нами случае семейно-воспитательная группа является структурным подразделением социально-реабилитационного Центра для несовершеннолетних г. Саратова и осуществляет свою деятельность в составе отделения «Семья + Я».

Безусловно, воспитание является процессом, в котором родители закладывают систему ценностей детям, передают им свои убеждения, верования, формируют желательные поведенческие навыки. Для большинства семей главной задачей является вырастить детей здоровыми и воспитать их хорошими людьми. Можно сказать, что большинство семей имеют профессиональный подход к воспитанию ребенка и стараются регулярно принимать детей в свою семью до момента восстановления биологической семьи.

По словам воспитателей, большая часть семей брали раньше детей на воспитание и в разном количестве: «Сначала взяли одного, адаптировались, потом – другого, потом – третьего. Мне это нравится, например, сейчас». Надо также отметить, что воспитатели берут детей на определенный срок: «Как статус ребенок получает, он уходит либо в родную семью, либо в детский дом – госучреждение, и мне дают других детей» (женщина, 42 года, взявшая на воспитание троих детей). Однако некоторые семьи рассматривают ребенка как своего собственного: «Детей с мужем мы очень любим, и они наши» (женщина, 52 года, замужем, взявшая на воспитание двоих детей).

Особо отметим, что уровень семейной адаптации напрямую связан с эмоциональным благополучием ребенка: «В воспитании ребенка для меня важнее

привить ему доброту, чувство доброты, дети сейчас озлобленные» (женщина, 54 года, замужем, взявшая на воспитание двоих детей). Естественно, что отрицательные стороны тоже присутствуют, в частности, эмоциональное неблагополучие ребенка, его агрессивность или замкнутость способны затруднить его адаптацию к семье. Однако позитивное отношение взрослых в течение первых дней совместной жизни помогает установить взаимодействие внутри семьи: «Нельзя, чтобы ребенок испытывал отрицательные эмоции, главное – дать ему спокойную жизнь» (женщина, 54 года, замужем, взявшая на воспитание двоих детей).

В процессе интервью было выяснено, что большинство фостерных родителей информацию о возможности взять ребенка на воспитание получили от своих знакомых, которые также занимаются данной деятельностью. Отвечая на вопрос: «Хотели бы Вы сменить форму устройства ребенка на другую?», все воспитатели единогласно выступили за то, что не имеют желаний переходить на иную форму, аргументируя данный ответ тем, что испытывают удовлетворение от своей работы: «Я не согласна ни на приемную семью, ни на опеку, а дети проживают до определения их статуса, то есть это для меня подошло. Я делаю то, что я умею делать» (женщина, 30 лет, замужем, взявшая на воспитание троих детей).

По словам информантов, с приходом ребенка в семью произошли некоторые изменения, в частности, появилась ответственность за его жизнедеятельность, увеличилась нагрузка на воспитателей, но в целом во всех семейно-воспитательных группах сменился эмоциональный климат. Как утверждают воспитатели, «стало дружнее и интереснее жить». Некоторые из них забыли, что значит одиночество. По мере возможности семьи реализовывают то, чего не удалось и не получилось сделать с собственными детьми. Можно сказать, что в таких семьях в корне изменился уклад жизни.

Результаты исследования показывают, что практика фостерного воспитания является весьма сложным процессом, поскольку требуются постоянное внимание и достаточно много усилий со стороны родителей-воспитателей. Говоря о трудностях, с которыми приходится сталкиваться семейно-воспитательным группам, респонденты склонны считать, что к ним в основном относятся отсутствие культурно-гигиенических навыков (в частности, неумение следить за чистотой своей одежды, причесаться), неуважение интересов взрослых со стороны ребенка. Однако воспитатели стараются не унывать и справляются с возникшими проблемами, устанавливая доверительные отношения и контакт с ребенком.

Особое значение для родителей имеет стремление научить детей найти свое место в жизни, адаптироваться, потому что это необходимо для них в будущем, так как на помощь государства в настоящее время семьи не рассчитывают. Для многих семей самое главное – привить ребенку чувство доброты и порядочности, «чтобы ребенок мог за свой проступок ответить и сказать, да это я сделал плохо, а не свалить на другого», а также следить за психофизиологическими особенностями ребенка.

Анализируя ответы воспитателей, отметим, что наилучшим результатом при работе с ребенком является обучение, в частности, проведение познавательных бесед, игр, которые нормализуют поведение детей, прививают устойчивые на-

выки по самообслуживанию, к трудовой деятельности: «Вот у меня сейчас два мальчишки, одному и другому по 8 лет. Они мне каждое утро помогают делать уборку в доме, я одна уже не осилю, потому что нужно что-то готовить» (женщина, 40 лет взявшая на воспитание двоих детей).

Весьма интересным и немаловажным является вопрос о том, как происходит распределение обязанностей среди супругов. Все из опрошенных заявили, что основной источник накопления средств – зарплата мужа, жена также вносит свой вклад, организуя свою деятельность в качестве воспитателя. Воспитанием детей, по словам респондентов, занимаются как жена, так и муж: «Меня во всем поддерживает муж, и воспитанием детей занимаемся вместе» (женщина, 45 лет, взявшая на воспитание двоих детей).

Мнения семей о выполнении должностных обязанностей специалистами Центра выражены как вполне удовлетворительные, например: «По возможности, как я думаю, Центр делает то, что может, все то, что в их силах они выполняют, то есть работа проводится большая (женщина, 36 лет, замужем, взявшая на воспитание двоих детей).

В процессе интервью мы попытались выяснить, как же оценивают оказываемую финансовую помощь семьи. Большинство воспитателей сообщили, что средств, выданных отделением «Семья + Я» вполне хватает на карманные расходы, питание. Среди видов помощи, которую получают семьи, следует отметить: распределение продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов, канцелярских товаров и других предметов вещевого довольствия в соответствии с нормами. Полученные данные свидетельствуют о том, что фостерные семьи чувствуют поддержку Центра и взаимный контакт с ним, поэтому их оценки являются вполне оптимистичными.

Особо, на наш взгляд, следует остановиться на такой проблеме, как дефицит кадровых ресурсов. Безусловно, мощным фактором остается нехватка специалистов (дефектологов, логопедов), и в целом наблюдается недостаточная психологическая помощь семьям, то есть слабо налажена работа служб сопровождения. Что же касается информационного обмена между учреждениями и регионами, то оно осуществляется позитивно, так как представители многих учреждений из различных субъектов проявляют интерес к деятельности Центра с целью обмена опытом.

Полученные данные позволяют констатировать, что специалисты и воспитатели положительно относятся к перспективе развития данной формы семейного устройства, поскольку ребенок является полноценной личностью в семье, где происходит развитие познавательной и эмоционально-волевой сферы, межличностных и внутрисемейных отношений. Интервью, проведенное с фостерными семьями, позволило выяснить, что удовлетворенность семей при данной форме устройства в целом высокая и имеет положительный результат.

Важным вопросом выступает эффективность деятельности семейно-воспитательных групп, которая оценивается в большинстве случаев по количественным показателям устроенных детей в семье, наличию положительной динамики развития ребенка (детей) в фостерной семье, устойчивости размещений, а также по степени удовлетворенности нужд и потребностей ребенка. Проведенное

исследование показало, что ребенок должен воспитываться в семье, так как проблема социального сиротства по своему масштабу близка к настоящему бедствию.

Для того чтобы семьи брали детей на воспитание, требуется определенная мотивация, поэтому необходимо стимулировать общество. Матери должны получать зарплату, а не пособия, поэтому данную практику нужно признать экономически значимым трудом. Гораздо эффективнее проводить профилактику социального сиротства, чем бороться с его последствиями.

Библиографический список

1. Данные официального сайта Министерства образования и науки РФ. URL: <http://www.usinovite.ru>
2. Шмидт В. Либерализация: единственный путь деинституционализации или одна из возможных стратегий // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 4.
3. Ловцова Н.И. Анализ практик фостерного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей // Социальная политика и социология. 2006. № 1.
4. Агаева И. Ребенок должен жить в семье. URL: <http://www.cirota.ru>
5. О развитии семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Саратовской области. URL: www.edu.seun.ru
6. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М., 2006.
7. Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. URL: <http://www.mun-nizh.ru>
8. Концепция семейной политики Саратовской области на 2006–2010 гг. URL: www.economy.gov.ru

**A.M. Stelmakh
Representation of the Common
Law Marriage Phenomenon
in Russian Press**

Interpretations of the common law marriage phenomenon in mass media are presented. The author connects the spread of the common law marriage and “guest marriage” with the market relations settlement.

Key words and word-combinations: common law marriage, student youth, mass media.

Представлены интерпретации феномена гражданского брака в средствах массовой информации. Распространение гражданского и «гостевого брака» связывается с утверждением рыночных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: гражданский брак, студенческая молодежь, средства массовой информации.

УДК 316:36
ББК 67.404

А.М. Стельмах

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОГО БРАКА В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Нарушение процесса социализации, воспроизводство девиантных форм поведения меняют представления молодежи о семье, приводя к появлению новых брачно-семейных стратегий, одной из которых является гражданский брак. Под гражданским браком сегодня понимается создание семьи без официальной регистрации брака государством. Распространенность таких союзов, на

наш взгляд вызвана социально-экономической ситуацией в стране и заметно изменившейся системой доминирующих социальных ценностей.

Сегодня общественное мнение и ценностные ориентации в значительной мере формируются средствами массовой информации. Особенно подверженной влиянию масс-медиа групп населения является молодежь, что во многом объясняется недостатком жизненного опыта. Современные социально-экономические и культурно-духовные условия формируют у молодежи предпочтения и ориентации на деньги, карьеру, самореализацию. Такие консервативные ценности, как семья, здоровье, отходят на второй план: «Молодежь хочет зарабатывать и развлекаться, а не пеленки сушить» [1].

Средства массовой информации активно формируют жизненные стандарты, в том числе и в семейно-брачной сфере. Их воздействие на молодежь носит неоднозначный характер. С одной стороны, масс-медиа положительно влияют на молодые умы, помогая им ориентироваться в обществе, узнавать интересующую информацию. С другой стороны, многие из них не учитывают того, что они вольно или невольно участвуют в формировании жизненных приоритетов и ценностных установок молодежи, не осознают своей ответственности за качество и социальное значение транслируемой информации. Помимо этого, средства массовой информации дают собственную оценку тем или иным явлениям в обществе, актуализируя и часто пропагандируя их.

В связи со сказанным важным, на наш взгляд, представляется исследование репрезентации средствами масс-медиа феномена гражданского брака в обществе и в студенческой среде в частности. С этой целью был использован метод контент-анализа (систематического изучения объектов или событий посредством их пересчета или интерпретации содержащихся в них тем [2, с. 86]). Данное исследование поможет нам определить, какие основные вопросы, связанные с гражданским браком, обсуждаются в прессе, являются ли свободные отношения социальной проблемой, мешает ли она обществу и должна ли решаться. Количественный метод позволит узнать степень приемлемости и распространенности гражданских браков среди молодежи, объяснить причины его популярности.

Для анализа нами были выбраны две центральные газеты – «Аргументы и Факты» и «Комсомольская правда», региональное приложение к «АиФ» – «Аргументы и Факты – Саратов», а также некоторые Интернет-ресурсы. «АиФ» и «КП» являются еженедельными, массовыми информационными изданиями, которые описывают происходящие в стране события. Они – наиболее читаемые, доступные и популярные не только среди старшего поколения, но и среди молодежи. В «АиФ – Саратов» описываются городские и региональные события.

Для анализа печатных изданий использовался сплошной тип выборки, то есть исследовались все номера «АиФ», «КП», «АиФ – Саратов», изданные за период с 2005 по август 2008 г. включительно. Всего в ходе предпринятого нами качественного анализа интерпретировались 33 газетные статьи и материалы 11 Интернет-ресурсов. На наш взгляд, информация в периодических печатных изданиях является более обсуждаемой в сравнении с той, что размещена в

Интернет-сайтах, поскольку в массовую печать попадают статьи на наиболее острые и актуальные темы.

Согласно модели публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска, социальная проблема должна соответствовать следующим требованиям: «драматичность, новизна, соответствие культурным предпочтениям, доминирующим в обществе, и институциональным ритмам публичных арен» [3, с. 93]. Кроме того, она не должна противоречить интересам правящей элиты. Если социальная проблема соответствует всем этим требованиям, то будет и обсуждаться в прессе. Этому мы нашли практическое доказательство в ходе нашего исследования.

В анализируемых нами печатных изданиях 2005–2007 гг. такое явление, как гражданский брак присутствует «заочно», оно не акцентируется (например, отдельной статьей или рубрикой). Словосочетание «гражданский брак» за весь указанный период встречается в 15 биографических статьях. Они описывают жизненные ситуации, в которых молодые люди делятся печальным или, наоборот, счастливым опытом гражданского брака. Чаще всего понятие «гражданский брак» фигурирует в разделе про шоу-бизнес, рассказывающем о жизни знаменитых людей.

Большинство звезд шоу-бизнеса не видят в этом проблемы, и вот, например, как они высказываются по поводу официального брака: «Официальный брак придуман обществом», «люди, которые цепляются за штамп в паспорте, делают это по меркантильным соображениям», «свадьба – это тот праздник, который люди устраивают, когда им неинтересно жить», «чаще всего избегают регистрировать отношения люди, которые не хотят создавать что-то подобное семье своих родителей» [4]. Отчасти их позиция понятна: большинство из них – материально независимые люди, старающиеся быть независимыми, в том числе и в семейных отношениях. Свободные отношения популярных людей становятся катализатором свободных отношений среди молодежи, которые стремятся соответствовать своим кумирам. Но молодежь забывает о том, что их кумиры – материально обеспеченные люди и в случае разрыва они останутся при своих интересах. Рядовая молодежь при отсутствии официальной регистрации отношений и наличии общего имущества в случае разрыва сталкивается со следующими проблемами, которые в прессе интерпретируются в социальных шаблонах: «кому достанется квартира» и «как справедливо все разделить».

Анализ феномена «гражданского брака» в прессе до 2007 г. показал, что указанная проблематика была неинтересна и мало актуальна для журналистов и, предположим, для общества в целом. Восприятие проблемы в значительной степени начинает меняться с 2008 г., который был назван «Годом Семьи». Нам представляется, что это послужило стимулом к появлению заметного числа статей, посвященных гражданскому браку и его различным сторонам. Только за первое полугодие 2008 г. в рассматриваемых нами изданиях их было напечатано 18.

Авторы многих статей утверждают, что гражданский брак делает институт семьи непрестижным и сильно влияет на деторождение. Свободные отношения являются следствием перестроечного времени, и в целом современные брачно-семейные отношения в России развиваются по западному типу. Н. Ми-

ронов, описывая привычки, которые россияне переняли с Запада, задается вопросом: «А действительно ли нам это нужно?». Вот как он описывает гражданский брак и объясняет его негативные последствия: «Мы с радостью подхватили у Запада сексуальную свободу, позанимались сексом и никого не родили» [5]. Далее автор приводит цитату из интервью с академиком Н. Римашевской: «Либерализм, перерастающий во вседозволенность, для нашей страны неведом и опасен. Россия не Голландия, где высокая плотность населения. Неудивительно, что там узаконены гомосексуальные связи, но у нас другая ситуация. Освоить огромные российские пространства можно только с помощью такого патриархального института, как семья». В статье делаются смысловые акценты на то, что в официально оформленной семье люди с большей уверенностью планируют рождение детей, чаще занимаются их воспитанием, в гражданских же браках у партнеров отсутствует прочность отношений, в таких союзах нет защиты детей и имущественных прав.

Таким образом, получается, что распространение гражданских браков, «гостевых браков» приводит к резкому падению рождаемости. Это, в свою очередь, рано или поздно может привести к интервенции со стороны наших ближайших соседей. Тем не менее, как утверждает гештальт-терапевт и детский психолог Ирина Ованесьянц, «гостевой брак» – это семья будущего, являющаяся результатом обстоятельств [6].

В отношении наших сограждан к установлению отношений гражданского брака прослеживаются гендерные различия. Интерпретация печатных источников показала, что инициаторами таких отношений в основном становятся мужчины. И это видно из социальной природы гражданских браков, основными причинами которой являются следующие факторы социальной среды:

- стремление к экономии сил, средств, времени: «не нужно отвлекаться на долгие ухаживания, поход в загс, свадьбу. Сошлись и живем» [7];
- желание снизить возможные риски: «при гражданском разводе каждый остается исключительно при своем нажитом имуществе» [8].

Исследуя массив Интернет-ресурсов, мы использовали технику дискурсивного анализа, которая позволила выявить следующие тематические дискурсы:

- что такое «гражданский брак»? (4 статьи);
- подводные камни гражданского брака (4 статьи);
- гражданский брак: «за» и «против» (3 статьи).

Статьи первой группы носят описательный характер, в них рассказывается о происхождении гражданского брака и причинах его распространения в России. Статьи второй группы имеют проблемный характер, описывают жизненные ситуации, возникающие при расставании с партнером. Авторами большинства таких статей в Интернете являются женщины, и они информируют читателей о проблемах, связанных с имущественными и алиментными отношениями. В статьях также даются советы и рекомендации юристов. В третью группу вошли статьи, которые могут оказать воздействие на читателя, так как приводят не только негативные последствия гражданского брака, но и показывают его положительные стороны.

Одним из негативных результатов гражданского брака является снижение

рождаемости. Как правило, в таком браке партнеры боятся заводить ребенка из-за неуверенности в завтрашнем дне и в продолжительности своих чувств. Подчас ребенок в гражданском браке становится объектом манипулирования, благодаря которому один из партнеров принуждает другого заключить официальный брак. Академик Н. Римашевская объясняет это явление на примере мигрантов: «Рождение ребенка для них – это повод жениться. Насколько будет прочен такой «брак по расчету» – большой вопрос» [5].

За последнее время сожителство стало массовым явлением и согласно Интернет-ресурсу обладает не только негативным, но и положительным воздействием для общества. «Гражданские браки становятся своеобразным шлагбаумом для несчастливых браков и увеличения количества несчастливых детей в следующем поколении» [9]. Люди, живущие в гражданском браке, находятся в постоянном поиске своей половинки и, найдя ее, создают семью. Это лучше чем «тратить силы и нервы на развод, суд, раздел имущества и детей, которые могут перенять стереотипы поведения в несчастливом браке» [9].

Таким образом, в популярной печатной прессе феномен гражданского брака и его распространенность не драматизируются и не позиционируются в качестве серьезной социальной проблемы. Тема гражданских браков представляется как обыденная, привычная, не требующая решающего вмешательства по изменению ситуации. Но признается, что гражданский брак способствует появлению социально-медицинских и демографических проблем, которые являются доминирующими в информационном поле. Отметим, что в региональной прессе отсутствуют какие-либо публикации, связанные с гражданскими браками. Данный факт рассматривается нами как показатель того, что население Саратовской области не обеспокоено данной тематикой.

В печатных средствах массовой информации мы не встретили ни одной статьи, которая бы описывала отношение общественности к гражданским бракам. Исследуемая нами проблема в прессе освещается в большинстве случаев с позиции журналистов, социологов, звезд шоу-бизнеса. Журналисты теоретически описывают феномен гражданских браков, социологи рассматривают его как причину, влияющую на разрушение института семьи и обостряющую демографический кризис, а для звезд шоу-бизнеса гражданский брак выступает условием необходимой им творческой свободы.

На наш взгляд, данная проблема должна рассматриваться в прессе специалистами по социальной работе, поскольку они способны осветить ее с позиций социальной и гуманистической направленности. Закономерно, что феномен гражданского брака является следствием явлений, которые произошли на макроуровне. В таком случае целесообразно рассматривать его как эксперимент и как один из этапов жизненного цикла семьи. Но при продолжающихся процессах акселерации и тенденции к омоложению брачности, общество должно задуматься о решении проблем молодой и студенческой семьи. Определенно не целесообразно стимулировать студенческую молодежь вступать в брак, но ее также необходимо оградить от возможных пагубных последствий гражданского брака. В этом случае поможет освещение указанных проблем с точки зрения экспертов, мнения которых так не хватает в массовых печатных изданиях.

Библиографический список

1. Коц А. Как Россию будут спасать от вымирания? // Комсомольская правда. 2007. 15 окт.
2. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследование в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза: учеб. пособие. Саратов, 2004.
3. Ясавеев И.Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX, № 1.
4. Лаптева Е. Гражданские браки – любовь или враки? // Комсомольская правда. 2005. 19 окт.
5. Миронов Н. Россию учат курить и заниматься фитнесом // Комсомольская правда. 2008. 15 мая.
6. Огнева Т. Брак будущего: погостил у жены – и домой! // Комсомольская правда. 2008. 16 авг.
7. Тесно, скучно и папа на работе... // Комсомольская правда. 2008. 11 февр.
8. Черных С., Хрусталева С. Гражданский брак: так мы женаты или как? // Комсомольская правда. 2006. 22 апр.
9. Гамологический подход к гражданскому браку. URL: <http://lovepr.by.ru/art/st37.htm>.

A.B. Padiarova
Social Inequality
in the Factor Model
of the Young Russians' Health

The tendencies of young Russians' health changes are analyzed. The place and the role of social inequality in the factor model of the new Russian generation's health are shown.

Key words and word-combinations: social inequality, new Russian generation's health, factor model of health.

Проанализированы тенденции изменения здоровья молодых россиян. Выявлены место и роль социального неравенства в факторной модели здоровья нового поколения россиян.

Ключевые слова и словосочетания: социальное неравенство, здоровье молодого поколения, факторная модель здоровья.

УДК 316.334:37
ББК 60.52

А.Б. Падиарова

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО
В ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ
ЗДОРОВЬЯ
МОЛОДЫХ РОССИЯН

Мониторинговые исследования показывают, что за годы социально-экономических трансформаций здоровье значительной части российского населения изменилось в худшую сторону. Но в большей мере реформы отразились на здоровье нового поколения, чье становление пришлось на период активного расслоения общества и радикального изменения социальных установок. Можно констатировать, что произошло усиление критических тенденций в функционировании всех основных органов и систем молодых россиян (как в объективных показателях, так и в самооценках), выросли показатели социальной дезадаптации [1, с. 48].

Сегодня молодым людям, выросшим в условиях формирования рыночной экономики

и смены идеологических установок, от 15 до 23 лет. В этом возрасте формируются психическая и духовная зрелость, происходит социализация личности. В связи с этим представляется необходимым выделение данной группы в качестве эмпирического объекта проводимого социологического исследования, целью которого является анализ влияния социального неравенства на динамику здоровья молодых россиян.

В научной литературе проблема зависимости здоровья от уровня социального неравенства поднималась как зарубежными, так и отечественными социологами [2, с. 56; 3, с. 94]. Нами было проведено исследование «Здоровье нового поколения россиян в социальном контексте» в январе – марте 2008 г. методом анкетного опроса (выборка квотно-гнездовая 1150 человек, погрешность не более 2–2,5%). В опросе принимали участие молодые люди в возрасте от 15 до 20 лет, проживающие в Ульяновской области, обучающиеся в различных типах учебных заведений: школа, профессионально-техническое училище, колледж, техникум, вуз. Мы исходили из возрастных границ нового «рыночного» поколения россиян, но ограничились верхним пределом в 20 лет, поскольку к этому возрасту здоровье достигает своего максимума. Основными критериями формирования выборочной совокупности стали типы населенных пунктов (областной центр, малый город, поселок городского типа, село), типы семей (по количеству иждивенцев в семье), возраст респондентов.

Теоретико-методологические положения, на которых базировалось наше исследование, состоят в следующем. Мы исходили из социологического видения здоровья, которое отличается от медицинского понимания. Здоровье видится нам как многоаспектный феномен, соединяющий элементы биологического и социального характера. В его структуре функционируют относительно самостоятельные компоненты, каждый из которых обладает своей природой и механизмом развития. Поэтому в ходе исследования изучались следующие характеристики:

- соматическое здоровье и его динамика – уровень физического самочувствия, частота и характер заболеваний;
- психическое здоровье – гармоничность психического самочувствия, умственная работоспособность, эмоциональное состояние;
- духовное здоровье поколения – характер ценностно-смысловых ориентаций, уверенность в завтрашнем дне, осознание себя субъектом собственной жизни.

Соединение компонентов здоровья в единое целое реализуется через социальную адаптивность и мобильность индивидуально-групповых носителей. В связи с этим определяющее значение имеет оценка факторов, оказывающих существенное влияние на здоровье молодых людей. В факторной модели здоровья молодежи на долю социальной среды приходится 50–55%, на долю экологического состояния среды – 18–20%, роль наследственности оценивается в 15–20%, на здравоохранение приходится 10–15% [4, с. 50].

Следует отметить, что фактор «социальная среда» – не только самый значимый, но и комплексный по содержанию. Во многом он определяется образом жизни – его ведущей составляющей, которая зависит от принадлежности чело-

века к определенному социальному слою и состоянию социального неравенства в конкретном регионе, населенном пункте. Одной из основных характеристик комфортности социальной среды является уровень социального неравенства.

Учеными отмечено, что социальное неравенство имеет комплексный характер и в современной России находит выражение во всех сферах жизни. Применительно к формированию жизненных ресурсов нового поколения наиболее ощутимыми являются материальное, образовательное и территориальное виды неравенств. Их влияние на здоровье молодежи, выросшей в условиях нарастающей дифференциации, были проанализированы на основании полученных эмпирических данных.

Материальное неравенство семей респондентов нами идентифицировано по двум основным критериям – уровень среднедушевого дохода и качественная оценка материальных возможностей семьи. В целом по выборке (среди городского и сельского населения области) больше половины семей отнесены к бедным и малообеспеченным (53%); каждая четвертая семья (23%) – к базовому слою; каждая шестая (17%) – к среднему; только 7% – к числу состоятельных и обеспеченных. Исходя из полученных данных, представляется необходимым определить, каким образом материальное неравенство влияет на здоровье молодых людей.

Физическое здоровье (по самооценке) более стабильно у молодых людей, чьи семьи принадлежат к базовому и среднему слоям: среди них больше практически здоровых (52% и 55% соответственно) и меньше больных. В группу риска попала молодежь из бедных и состоятельных семей: в первой группе здоровых (35%); во второй – почти в 2 раза больше совсем больных (с затяжными и хроническими заболеваниями – 24%; в среднем по возрастной группе – 13%). Последнее обстоятельство может быть связано с более частыми обращениями к врачам детей из обеспеченных семей. Но вывод о лучшем здоровье молодежи из среднедоходных групп совпадает с таким же выводом относительно взрослого населения.

Анализ частоты заболеваний показал прямую зависимость от уровня жизни семьи: чем ниже уровень жизни, тем выше уровень частоты заболеваемости детей. Это позволяет выделить условия их текущей жизни в качестве факторов риска. Отмечено, что среди бедных семей болеют часто 27% детей, среди малообеспеченных – 25%, среди базовых и средних 13% и 12% соответственно.

Заболеваемость менее одного раза в год и раз в полгода признается медициной естественным процессом в жизнедеятельности растущего организма и не является признаком серьезных отклонений в развитии. В целом таких молодых людей в среднем и базовом слоях – более половины; среди бедных – только каждый третий. Для выходцев из бедных и малообеспеченных слоев населения наиболее распространенными являются заболевания органов пищеварения (29%), органов дыхания (21%), сердечно-сосудистой системы (16%).

Следует обратить внимание на то, что повышение уровня жизни семьи сопряжено с понижением показателей психического здоровья детей. Молодежь из обеспеченных семей чаще отмечает чувство одиночества (44% против 29% в среднем по выборке), внутреннее напряжение (33% против 25%), наличие беспричинных приступов тревожности.

Материальные ценности среди молодых представителей всех социально-экономических слоев сегодня признаны ведущими. Можно сказать, что материальное благополучие – единственная ценность, которая признается всеми социально-экономическими слоями нового поколения. Здоровье как ценность находится в структурном резерве ценностного сознания молодого поколения: около половины молодых людей видят в здоровье смысло-жизненную ценность. Однако среди выходцев из бедных семей такую позицию разделяет лишь каждый пятый. Очевидно, что молодежь, не обеспеченная материально, чаще других разделяет инструментальное отношение к своему здоровью – если нет другого капитала, в ход идет здоровье (таблица).

Ценностно-смысловые ориентации нового поколения (в %)

Каким ты видишь себя через 10 лет?	Всего	Уровень жизни семьи				
		состоятельные	средние	базовые	мало-обеспеченные	бедные
Материально обеспеченным	57	58	52	59	62	67
Здоровым, сильным	49	43	47	55	58	20
Свободным, независимым	39	44	42	37	37	26
Настоящим профессионалом	38	36	39	36	39	53
Человеком с крепкой семьей	34	27	32	34	43	40
Образованным	34	26	40	34	25	35
Общительным	33	44	35	32	30	27
Инициативным	20	27	19	21	20	13
Патриотом	10	2	8	12	10	13
Справедливым	9	5	9	13	8	7

Для средних слоев весьма ценно образование. Такие ценности, как справедливость, чистая совесть, патриотизм на сегодняшний день можно признать неактуальными для молодежи из всех социальных слоев.

Образовательное неравенство семей наших респондентов и их самих мы классифицировали по двум критериям – уровень образования родителей и уровень образования молодых людей (тип учебного заведения, в котором учатся или закончили).

В целом среди занятого населения области 17% имеют высшее образование. В совокупности с теми, кто имеет среднее специальное образование, просвещенная группа составляет половину занятого населения.

С образовательным потенциалом родителей коррелируют такие показатели психического здоровья молодых людей, как беспричинные приступы тревожности, невозможность сосредоточиться на умственной деятельности, постоянное внутреннее напряжение, чувство одиночества. Эти характеристики становятся типичными для детей из семей с низким уровнем образования матери (ниже среднего специального). Каждый из указанных показателей снижается

практически вдвое по мере повышения уровня образования матери от среднего до высшего (с 57 до 30%). В семьях, где оба родителя имеют высшее образование, 70% детей указали, что они легко справляются со стрессовыми ситуациями и обычно пребывают в спокойном душевном состоянии. Подобная закономерность – скорее результат не более высокой культуры здоровья, а более высокой культуры общения и взаимопонимания в семье.

Сопоставление уровня здоровья молодежи с уровнем ее собственного образования показало: практически здоровыми себя считают 45% школьников, 43% учащихся профессиональных технических училищ, 40% учащихся колледжей и техникумов и 33% студентов высших учебных заведений. Таким образом, к 18 годам, когда достигается максимум здоровья, здоровыми ощущают себя менее половины представителей нового поколения, далее уровень здоровья падает. И это новая тенденция, открытая нами в пореформенный период: в исследованиях XX в. после 18 лет фиксировалось ровное сохранение достигнутого статус-кво до 30 лет, а потом спокойное снижение с временными остановками [5, с. 71].

Учащиеся высших учебных заведений чаще остальных отмечают наличие широкого спектра недугов: плохой аппетит (21%), вялость (26%), сонливость (29%), бессонницу (29%), головную боль (31%), раздражительность (26%), плохое настроение (28%). Среди школьников, учащихся ПТУ и техникумов уровень указанных недугов значительно ниже. Это позволяет сделать еще один вывод: высшее образование не формирует навыков самосохранения и культуры собственного благополучия. Освоение учебных программ и реализация жизненных планов становятся возможными лишь ценой собственного здоровья.

Очевидна взаимосвязь социального самочувствия молодых россиян с уровнем их образования: чем выше уровень образования, тем более уверены в успешности своего будущего молодые люди. Только каждый пятый студент вуза испытывает страх за свое будущее, среди учащихся техникумов – каждый третий, а среди учащихся ПТУ – каждый второй. Можно констатировать: более высокий уровень профессионального образования дает большую уверенность в своих жизненных ресурсах. Сформированность базовых ценностей и внутреннего жизненного стержня более присуща студентам высших учебных заведений.

Таким образом, влияние образовательного неравенства на здоровье нового поколения противоречиво: несмотря на то, что показатели физического и психического здоровья снижаются по мере подъема на более высокую ступень образования, образовательный ресурс дает уверенность в будущем и сформированность базовых ценностей.

Территориальное неравенство в современной России проявляется в двух формах: неравенство развития различных регионов страны и неравные возможности жизни в населенных пунктах разного типа. Результаты нашего исследования мы сравнили с данными аналогичных исследований в других регионах страны [6, с. 157].

Нами выявлено снижение показателей здоровья детей в Ульяновской области. В частности, в Ульяновской области больных в 2 раза больше (13%), чем в

Оренбургской области (6%), и в 4 раза больше, чем в Москве (3%). Это указывает на углубление территориального неравенства в России, а также на то, что последствия кризиса в стране острее всего проявляют себя в регионах.

Тип населенного пункта, как критерий другого вида территориального неравенства, демонстрирует достаточно четкие различия здоровья нового поколения в крупном и малом городах, поселках городского типа и селах. Более половины молодых людей (53%), живущих в поселках городского типа, считают себя практически здоровыми. Среди жителей малых городов и сел таковых оказалось по 46%, среди жителей областного центра 33%.

Крупный город, несмотря на его развитую социальную инфраструктуру, более губительно действует на физические компоненты здоровья нового поколения. Наиболее низкая подверженность заболеваниям различных органов и систем отмечается среди молодежи малых городов и поселков городского типа: почти в 2 раза реже здесь отмечаются заболевания органов дыхания (12%), зрения, слуха (10%), органов пищеварения (16%). Это перечень тех заболеваний, которые являются наиболее распространенными среди большинства детей и подростков крупных городов. В то же время молодежь из сел и малых городов уступает молодым жителям областного центра по показателям социальной мобильности и адаптивности. Молодежь областного центра более уверена в себе, с большим оптимизмом смотрит в будущее, отмечает наличие хороших перспектив. Это является частью культурного потенциала городских семей.

Таким образом, проведенное социологическое исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

По совокупному индексу (комплексное состояние физического, психического, духовного здоровья) более благополучная картина здоровья складывается не в самых состоятельных семьях, а в семьях со средним уровнем жизни. Такие индикаторы, как место жительства (тип населенного пункта), состав семьи (количество иждивенцев, полная, неполная семья) являются не просто социально-демографическими характеристиками, а показателями определенных типов неравенства, влияющих на условия жизни и поведение в сфере здоровья. Более высокая оценка здоровья и навыков самосохранительного поведения наблюдается у молодежи, проживающей в малых городах и поселках городского типа.

Все большее влияние на состояние здоровья молодых россиян в последние годы оказывают социокультурные факторы: культурные традиции, уровень образования и характер труда родителей, культура здоровья и восстановления собственных ресурсов. Фундаментом построения новой модели укрепления здоровья молодого поколения является соединение культуры семьи и необходимого уровня жизни. Более благополучными являются молодые люди из семей, в которых родители имеют высшее образование, а среднедушевой доход превышает прожиточный минимум региона хотя бы в три раза. Они более уверены в будущем, в них выше сознание ценности каждого члена семьи и лучше сформированы навыки самосохранения.

Таким образом, исследования показывают, что новое поколение российского общества вступает в самостоятельную жизнь не только с более низким, но и

более стремительно падающим потенциалом здоровья. Весомым фактором в этом процессе является углубляющееся и расширяющееся социальное неравенство.

Библиографический список

1. Журавлева И.В. Здоровье подростков: социологический анализ. М., 2002.
2. Штайнгамп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 11, вып. 1.
3. Тихонова Н.Е. Состояние здоровья среднего класса в России // Мир России. 2008. № 4.
4. Лисицин Ю.П. Концепция факторов риска и образа жизни // Здравоохранение РФ. 1998. № 3.
5. Венедиктов Д.Д. Общественное здоровье: пути оценки и прогнозирования // Общественные науки и здравоохранение. М., 1987.
6. Максимова Т.М. Состояние здоровья, условия жизни и медицинское обеспечение детей в России. М., 2008.

I.S. Samarina Features of Shaping Student's Youth Cultural Capital

Theoretical preconditions of shaping student's youth cultural capital are considered. Common and specific features of shaping the Russian student's youth cultural capital are clarified.

Key words and word-combinations: student's youth, cultural capital, shaping student's youth cultural capital.

Рассматриваются теоретические предпосылки формирования культурного капитала студенческой молодежи. Уточняются общие и специфические черты культурного капитала студенческой молодежи России.

Ключевые слова и словосочетания: студенческая молодежь, культурный капитал, формирование культурного капитала.

УДК 330.142
ББК 60.5

И.С. Самарина

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Студенческая молодежь является значимым фактором и ресурсом общественного и экономического развития современной России. Именно молодежь выступает перспективной силой, имеющей наибольший трудовой потенциал (образование, здоровье, мобильность). Особое значение в связи с этим приобретает тематика культурного капитала студенческой молодежи.

Общие черты и параметры оценки культурного капитала молодежи можно сформулировать на основе известных концепций, представленных в рамках классической экономической социологии. Для уточнения содержательной компоненты процесса формирования культурного капитала человека обратимся к идеям классика французской социологии П. Бурдьё.

Социологическое проявление формирования культурного капитала рассматривалось ученым в контексте социальных процессов достижения акторами привилегированного профессионального положения в той или иной социально-экономической системе. П. Бурдьё считал, что сущностная особенность формирования культурного человеческого капитала как раз и проявляется в том, что культурный капитал, хотя «напрямую берет свое начало с денег, конвертируется не только в деньги и доходы, но и в статус и права собственности» [1, с. 243]. По сути, в данном случае представляется оригинальный проект модели формирования содержательных компонентов культурного капитала, включающей в себя три формы / подсистемы: инкорпорированную, или воплощенную (длительные диспозиции ума и тела); объективизированную (культурные товары – картины, книги, словари, инструменты, машины); институализированную (через обновление норм, правил, принципов поведения как отражения принадлежности к различным группам – характеризуется дипломами, сертификатами, почетными званиями, знаками отличия) [1, с. 60–62].

Развивая данные подходы, несложно заметить, что инкорпорированная форма формирования культурного капитала является основной. Она характеризуется совокупностью устойчиво воспроизводимых диспозиций и реально внедренных трудовых способностей, которыми потенциально наделен собственник культурного капитала. Данная содержательная компонента формирования культурного капитала проявляется прежде всего в развитии социально значимых форм знаний, умений, навыков и социокультурных ценностей, которыми потенциально обладает и экономически реализует тот или иной актер социально-экономического действия.

Инкорпорированный культурный капитал представляет собой сущностную основу содержательного процесса формирования культурного капитала. В рамках развития инкорпорированной формы культурного капитала развиваются интеллектуальные способности индивидов, моральные качества, квалификационная подготовка. Кроме того, в рамках инкорпорированного проявления формируются базовые субъективные ценности, нормы, представления, обретаемые индивидом в процессе формальных и неформальных трудовых отношений.

Инкорпорированная форма культурного капитала дополняется институализированной, наблюдается формализация прав собственности населения, рангов, сертификатов, которые удостоверяют важность и ценность сформированного в человеке культурного капитала. Таким образом, постепенно формируются подсистемные компоненты культурного капитала [2, с. 59]. На наш взгляд, последующие объективизированные (опредмеченные) формы культурного капитала являются второстепенными в современных условиях. Они проявляются не в социальном ракурсе, а в материально-экономическом комплексе овеществленных форм, характеризующих «символическую составляющую» материальных ценностей разных социальных групп. Таким образом, общее содержание формирования культурного капитала акторов проявляется в его структурных содержательных компонентах.

Содержание процесса формирования культурного капитала мы связываем с его количественным и качественным совершенствованием. При этом количественная компонента культурного капитала нами соотносится с числовой величиной множества дееспособного населения, носителей того или иного уровня культурного капитала. Качественная компонента формирования культурного капитала определяется ростом и обновлением культурных характеристик носителя культурного капитала: знаний, умений, навыков, ценностей, морально-нравственных характеристик, норм, принципов, мотивации, сформированных индивидами в процессе социализации и определяющих их социальный статус и профессиональную компетентность.

Формирование культурного капитала различных социальных групп населения имеет ряд общих черт:

- процесс осуществляется как рост инкорпорированного культурного капитала;
- реализуется модернизация объективизированного культурного капитала;
- происходит институционализация, совершенствование институционализованного культурного капитала.

В то же время исследователи отмечают наличие особенностей протекания процессов формирования культурного капитала различных групп населения. Безусловно, формирование культурного капитала студенческой молодежи имеет существенную специфику.

Первая специфическая черта нами выделена на основе анализа концепций социальной политики молодежи. В рамках последних доказывается, что формирование культурного капитала студенческой молодежи проявляется как динамично изменяющийся, специфичный и неустойчивый процесс, подверженный существенным флуктуациям в рамках определенных временных рамок. «Молодежь как социально-демографическая группа отнесена к группам социального риска. Отсутствие жизненного опыта, социальных критериев поведения, и образа жизни создают условия для отклоняющегося, асоциального поведения, например, вхождения в криминальные молодежные группы, приобщения к наркотикам, алкоголю, «пустому» времяпрепровождению и т.д.» [3, с. 900].

На основе обозначенного методологического подхода представим такую отличительную черту, как динамичность изменений и неустойчивость процессов формирования культурного капитала студенческой молодежи. Поэтому исследование формирования культурного капитала студенческой молодежи предполагает необходимость применения панельных методик социологического анализа, систематической оценки динамики его изменения. В условиях России данная специфика активно учитывается в практике и теории социально-экономического проектирования.

Основной механизм реализации развития культурного капитала студенческой молодежи закладывается в социальных проектах, ориентированных на достижение ясных и измеряемых показателей устойчивого роста социальной культуры студенческой молодежи. В декабре 2006 г. Правительством РФ утверждена «Стратегия молодежной политики в Российской Федерации». Данный доку-

мент активно обсуждается в научных публикациях, в дискурсах общественности. «Стратегия государственной молодежной политики нацелена на развитие потенциала молодежи в интересах страны и предусматривает участие молодых граждан в разработке, оценке и реализации приоритетных направлений государственной молодежной политики и механизмов ее реализации. В основе Стратегии лежит развитие созидательной активности молодежи, вовлечение ее в социально-экономическую деятельность, а также обеспечение интеграции молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в общественную жизнь» [4, с. 49–59].

Исследователи отмечают необходимость государственного регулирования, охватывающего все направления молодежной социальной политики. Важнейший акцент делается на достижение устранения риска неустойчивости развития молодежи в целом, студенческой молодежи, каждого из студентов вузов и техникумов. Государство призвано устранять неустойчивость развития культурного капитала молодежи, закреплять принципиально новый регулируемый подход к реализации развития культурного капитала студенческой молодежи. Оно четко определяет цель и приоритеты, связанные с достижением предсказуемости и устойчивости данного развития.

Вторая особенность рассматриваемого нами процесса связана с тем, что формирование культурного капитала студенческой молодежи осуществляется в преимущественно потенциальной форме. В рамках образовательной системы развиваются знания, умения, навыки, формируются социально значимые ценности, при этом наблюдается искусственный отрыв образовательного производства культурного человеческого потенциала от потребностей современной организации. В то же время трудовое использование культурного капитала молодежи осуществляется, как правило, в период окончания учебного заведения и выхода акторов за пределы групповой принадлежности к студенческой социальной страте.

Поэтому можно констатировать, что студенческая молодежь в основной массе своей занята в системе образовательного труда, непосредственная трудовая деятельность ее ограничена и студенты не могут капитализировать собственный культурный потенциал в полной мере. Таким образом, студенческая молодежь – это слой населения, который непосредственно находится в системе производства (создания) образовательной формы потенциального культурного капитала.

Специфичность данного обстоятельства представляется в различных исследованиях по экономической социологии. Так, Г. Беккер доказывает, что особенность студенчества определяется его нахождением в системе непосредственного производства человеческого капитала, ведь развитие человеческого капитала в различных формах, в том числе и культурной, связано не только с вложениями в образование индивида, оптимальное размещение и подготовку на производстве, но и с наличием процессов образовательного воздействия. Здесь важнейшим фактором развития культурного капитала является само количество и качество образовательной деятельности акторов.

С определенной долей абстракции можно констатировать, что количество и

качество образовательной деятельности студенческой молодежи представляет собой важнейший индикатор социальной оценки формирования культурного образовательного капитала. Количество и качество образовательной деятельности – косвенные показатели формирования культурного капитала студенческой молодежи. Г. Беккер в связи с этим констатирует, что размер будущих социально-экономических выгод (в том числе и в форме заработной платы) имеет прямую зависимость от продолжительности и качества образования отдельных социальных групп. Поэтому в контексте формирования культурного капитала студенческой молодежи вполне можно говорить, что «способности людей объясняют только малую часть разницы в их заработках, в то время как образование – большую» [5, с. 246].

Преимущественно потенциальная форма формирования культурного капитала студенческой молодежи проявляется в общем составе усвоенных индивидами знаний, умений, навыков, морально-нравственных предпочтений, а также в культурных компетенциях и стратегических перспективах трудовой капитализации.

Третья особенность процесса связана с тем, что формирование культурного капитала и его реализация на рынке труда осуществляется при системной поддержке и комплексном контроле государства. Ведь именно государство через механизмы социальной политики обеспечивает условия образовательной деятельности студенческой молодежи и контроль за реализацией образовательного культурного капитала через рынок труда.

Исходя из вышеизложенного, можно представить еще одно проявление особенности формирования культурного капитала студенческой молодежи. Дополнительным индикатором формирования культурного капитала студенческой молодежи являются применяемые социально-экономические механизмы государственной молодежной политики. Она представляет собой один из специфических показателей формирования культурного капитала студенческой молодежи на уровне общества, региона, отдельной организационной системы.

Обобщая итоги исследования проблем формирования культурного капитала студенческой молодежи, отметим следующие особенности данного процесса.

1. Формирование культурного капитала студенческой молодежи проявляется как специфично динамично изменяющийся, неустойчивый процесс, подверженный существенным флуктуациям в рамках определенных временных рамок. Данная особенность обуславливает необходимость применения панельных методик исследования, выявления тенденций формирования в долгосрочном, краткосрочном и среднесрочном периодах функционирования.

2. Создание культурного капитала студенческой молодежи осуществляется преимущественно потенциальной форме. Данная особенность позволяет сформулировать два следствия: основным индикатором формирования культурного капитала студенческой молодежи является ее потенциальная форма; первым дополнительным индикатором формирования культурного капитала студенческой молодежи являются культурные компетенции студенческой молодежи.

3. Формирование культурного капитала студенческой молодежи и его реализация на рынке труда осуществляются при системной поддержке и комплексном контроле государства. Данная особенность позволяет сформулировать следующее следствие: вторым дополнительным индикатором формирования культурного капитала студенческой молодежи являются социально-экономические механизмы государственной молодежной политики. Анализ реализации механизмов государственной молодежной политики общества позволяет косвенно оценивать количественные и качественные характеристики формирования культурного капитала студенческой молодежи России.

Библиографический список

1. *Bourdieu P.* The Forms of Capital. N.Y., 1986.
2. *Быченко Ю.Г.* Управление развитием человеческого капитала. Саратов, 2005.
3. Молодежь. Социальная политика. М., 2008.
4. *Гусев Б.Б.* Современные тенденции формирования государственной молодежной политики в Российской Федерации // Социальная политика и социология. 2008. № 1 (37).
5. *Becker G.S.* Human capital. A Theoretical and Empirical analysis with special reference to Education. Chicago, 1993.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

L.Ya. Chikarina
Solving the Problems
of Social-Economic Adaptation
of Population in the State Social
Policy Context

The author researches political aspects of the population's social-economic adaptation problem. Different approaches to the salvation of the problem on federal, regional and municipal levels in conditions of financial crisis are considered.

Key words and word-combinations: social-economic adaptation, social policy, financial crisis.

Исследуются политические аспекты проблемы социально-экономической адаптации населения. Рассмотрены подходы к решению данной проблемы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в условиях финансового кризиса.

Ключевые слова и словосочетания: социально-экономическая адаптация, социальная политика, финансовый кризис.

УДК 316.334.3
ББК 60.5

Л.Я. Чикарина

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Сложившаяся в России под влиянием мирового финансового кризиса 2008 г. социально-экономическая ситуация имеет целый ряд особенностей, накладывающих отпечаток и на различные виды и формы практической деятельности, и на проводимые научные исследования. Подчеркнем, что при разработке государственной, региональной и муниципальной социальной политики, направленной в итоге на адаптацию населения к новым условиям жизни, важно учитывать получаемые эмпирические и теоретические результаты. Это требует предельно конкретного знания проблем, связанных с адаптацией и дезадаптацией населения, а также умения правильно использовать для формирования адекватной социальной политики самые разнообразные и эффективные адаптационные механизмы.

В большом массиве научных источников понятие адаптации рассматривается в широком и узком смысле. В широком смысле (который можно еще назвать философским) под адаптацией понимают любые взаимодействия индивида и среды, при которых происходит согласование их структур, функций и поведения. Адаптация в узком смысле (его обычно определяют как социально-психологический) понимается как взаимоотношения личности с малой группой, чаще всего – с производственным или учебным коллективом, другим малым сообществом [1, с. 135].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает проблема социально-экономической адаптации граждан, которая приобрела чрезвычайную актуальность в связи с кризисными процессами в мировой и отечественной экономике.

Следует отметить, что изучение социально-экономической адаптации населения и ранее находилось в центре внимания ученых. Это явление рассматривалось как необходимая составляющая процесса социализации человека – с позиции овладения навыками поведения в экономическом пространстве общества [2, с. 73–85], как реакция какого-либо социального института на проявившиеся конкретно-исторические условия [3, с. 31–37], а также разрабатываются отдельные аспекты социально-экономической адаптации [4].

В настоящее время отсутствует общепринятое понятие социальной адаптации, которое могло бы использоваться в различных областях научного анализа и сферах практической деятельности. Нами предлагается собственное определение данного явления: деятельность индивидов, социальных групп и иных сообществ, направленная на обеспечение приемлемого для них уровня существования в условиях трансформации экономических и социальных отношений, а также результаты такой деятельности.

Как указывает Е.М. Авраимова, предметом социально-экономического аспекта адаптации является деятельность, направленная на решение проблемы обеспеченности материальными средствами, на создание условий для поддержания или повышения приемлемого уровня жизни [5, с. 46]. Адаптационный потенциал в данном случае определяется целым рядом объективных и субъективных факторов, в качестве которых рассматриваются уровень образования, социальный и профессионально-квалификационный статус, степень материальной обеспеченности.

Адаптационные возможности населения являются одним из факторов, предопределяющих реакцию общества на происходящие в современной России процессы. В связи с этим интересен вывод М. Буравого, сделанный в ходе изучения влияния процессов формирования рыночной экономики на отечественный социум: «...российское общество избрало путь оборонительной позиционной войны. Это общество, которое постепенно все больше замыкается в себе и отдаляется от государства, скорее стремясь держать последнее на расстоянии, чем сделать его объектом своей политической борьбы. Подобно черепахе, при необходимости прячущейся в панцирь, это гибкое общество, способное “сгруппироваться” и затем использовать собственные ресурсы» [6, с. 23]. Отметим, что при финансовом кризисе использование ресурсов, причем не только собственных, но прежде всего государственных и муниципаль-

ных, является необходимым условием обеспечения социально-экономической адаптации населения, которая по своему механизму не может быть однородной.

В целях научного анализа учеными выделяются уровни социально-экономической адаптации: макроуровень предполагает межгосударственный, государственный или региональный (для России – субъект РФ) масштаб; деятельность по социально-экономической адаптации в муниципальном образовании относится к мезоуровню; деятельность в малых группах (производственные коллективы, семьи) – к микроуровню. Полагаем, что наиболее значимые действия, направленные на создание условий социально-экономической адаптации в кризисных и посткризисных условиях, совершаются на уровне местного самоуправления.

Полученные нами в ходе целого ряда социологических исследований данные позволяют не только провести мониторинг процессов социально-экономической адаптации, но и сформулировать положения, имеющие очевидную теоретическую и практическую значимость. Научные результаты позволяют скорректировать некоторые аспекты проводимой государством социальной политики и достигнуть большего успеха в условиях ограниченности временных и финансовых ресурсов.

Непосредственно после финансового кризиса 1998 г. в г. Краснодаре было проведено социологическое исследование, позволяющее выявить социальное самочувствие краснодарцев. Одной из его задач стало определение уровня социально-экономической адаптации жителей кубанской столицы. На вопрос об изменении жизни в целом почти половина (48,5%) опрошенных ответила, что жизнь для них ухудшилась; для трети (33,0%) горожан она не изменилась и только для 18,5% – улучшилась (жить стало гораздо лучше – 2,0% и жить стало немного лучше – 16,5%); в улучшении жизни на ближайший после исследования год не сомневалась лишь пятая часть респондентов (21%) [7, с. 80]. Полученные результаты свидетельствовали о весьма невысоком уровне адаптации населения к жизни в условиях финансового кризиса.

В ходе исследования, проведенного в 2002 г. [8, с. 34–40], респондентам из г. Краснодара был задан вопрос о том, какой вид социальной помощи они считают наиболее важным для себя в трудной жизненной ситуации. Выяснилось, что в качестве приоритетных видов помощи оказались возможность оплачивать со скидкой жилье и получение бесплатной или льготной медицинской помощи. Исследование выявило, что в наибольшей степени респонденты нуждаются в предоставлении:

- возможности получения лекарств не в специальных аптеках, а при поликлиниках;
- бесплатных или со скидкой 50% путевок детям в оздоровительные лагеря;
- талонов на питание или на продовольственные товары;
- дополнительной жилой площади семьям с детьми-инвалидами;
- дополнительной помощи многодетным семьям;
- конкретной адресной помощи (оказание реальной денежной помощи).

Почти три четверти (72,6%) опрошенных высказали недоверие власти в отношении ее идеологии реформирования системы социальных льгот.

Выполненная в 2005 г. научно-исследовательская работа «Проведение мониторинга социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов» главной целью ставила определение качества социального и социально-медицинского обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов, а также путей совершенствования организации деятельности надомных социальных служб. Но наряду с этим, исследователей интересовали и вопросы, связанные с положением указанных клиентов и их адаптацией к условиям жизни. Исследование проводилось в 21 муниципальном образовании Краснодарского края (то есть почти в половине муниципалитетов) методом опроса 660 клиентов надомных социальных служб, преимущественно одиноких (75,9%) и пожилых (старше 70 лет – 76,0%).

Большинство респондентов нельзя отнести к категории обеспеченных людей, так как на момент проведения исследования размер их пенсии и среднедушевого дохода семей, в которых они проживали, был ниже размера регионального прожиточного минимума (32,4 и 70,7% соответственно). Поэтому не удивительно, что на вопрос: *«К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?»* ответы респондентов распределились следующим образом:

- на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения – 39,6%;
- мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты – 33,1%;
- денег хватает на продукты и на одежду, но покупка вещей длительного пользования (телевизор, холодильник) является для нас проблемой – 19,8%;
- мы можем без труда приобрести вещи длительного пользования, однако для нас затруднительно приобрести действительно дорогие вещи – 4,3%.

Результаты проведенного опроса показали, что треть клиентов социальных служб влачат полуголодное существование, а около 40% не могут позволить себе приобретение одежды и еще 20% – бытовой техники (то есть приобретение товаров длительного пользования является непозволительной роскошью). В итоге получается, что 92,5% респондентов, по сути, не живут нормальной жизнью, а выживают.

На вопрос: *«Насколько эффективно, на Ваш взгляд, существующая система государственных социальных гарантий защищает интересы Вашей семьи и Вас лично?»* были получены такие ответы:

- совершенно неэффективно – 30,3%;
- в основном неэффективно – 23,9%;
- в основном эффективно – 20,4%;
- эффективно – 4,7%;
- затрудняюсь ответить – 20,7%.

Таким образом, три четверти опрошенных (74,9%) либо признают систему государственных социальных гарантий неэффективной / малоэффективной, либо не имеют о ней определенного мнения.

Следует отметить, что в ряде муниципальных образований была дана очень жесткая оценка существующей системе социальных гарантий. Например, в Гулькевичском, Кореновском и Белореченском районах Краснодарского края оценили эту систему как в основном неэффективную и как совершенно неэффективную более 75% респондентов, в городах Краснодаре, Новороссийске и Тихорецке, Отрадненском, Ленинградском и Каневском районах – более 60%. При этом острую потребность в поддержке со стороны государства, без которой невозможно адаптироваться к условиям жизни высказали 52,5% респондентов, а еще 39,5% клиентов заявили о необходимости частичной поддержки.

Приоритеты нуждающихся в государственной поддержке по самым востребованным видам помощи выстроились в следующем порядке:

- оказание медицинской помощи – 67,0% (медицинская помощь оказалась самой востребованной у респондентов во всех без исключения муниципальных образованиях края);
- выплата компенсаций и пособий (на лекарства, транспорт, оплату жилья и т.д.) – 64,0%;
- получение продуктов питания, одежды, предметов домашнего обихода – 39,0%;
- поддержание порядка и законности – 18,7%;
- оказание психологической помощи – 12,3%;
- оказание юридической помощи – 10,8%.

Полученная «картинка» по основным пунктам практически совпадает с ранжированием проблем пожилых людей в целом по стране. Более трех четвертей (77,4%) опрошенных оказались льготниками, так что ответы на вопросы относительно проводимой реформы системы льгот, исходили не от абстрактных рассуждений о пользе и вреде преобразований, а от возникших изменений (в том числе и в материальном плане) в собственной и без того нелегкой жизни.

Ответы на вопросы, касающиеся проблемы «монетизации» льгот, свидетельствуют, что вопреки ожиданиям политиков-реформаторов массового перехода на систему денежных эквивалентов социальных льгот на момент опроса в Краснодарском крае не произошло. Более того, определенная часть опрошенных вообще потеряла льготы (при заверениях высоких государственных чиновников, что никто не пострадает). Особенно существенно это сказалось на изготовлении и ремонте протезно-ортопедических изделий, на оплате городского и пригородного транспорта, а также на лекарственном обеспечении. Не случайно больше половины респондентов (53%) остались неудовлетворенными произошедшими изменениями против 22% удовлетворенных и 24% сомневающихся.

Население оказалось недостаточно подготовленным к проводимым изменениям и в информационном плане. Несмотря на то, что большинство респондентов – льготники, без исключения являющиеся потребителями социальных услуг, они не получили нужной информации о сущности «монетизации» (31,3%) и преобразованиях в сфере социального обслуживания населения (22,9%); о

реформах систем здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства не имели должной информации около половины респондентов (по 49,1%) [9, с. 148–159].

Мониторинговые исследования социального обслуживания этого же контингента в Краснодарском крае были продолжены и в 2007 г. Анализ полученных материалов подтвердил наличие у пожилых людей тех же проблем, которые были выявлены при проведении социологического исследования в 2005 г. Граждане пожилого возраста стали не намного богаче – у 51,2% из них доход оставался ниже прожиточного минимума, установленного в Краснодарском крае для пенсионеров. Дополнительно выявлено, что подавляющее большинство (93,5%) респондентов не считают себя здоровыми и почти половина (46,4%) из них является инвалидами. Естественно, все они нуждаются не только в улучшении пенсионного обеспечения (экономической адаптации), но и в получении комплекса других адаптационных мер (социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических и иных).

Предпринимаемые сегодня государством меры по повышению пенсий в условиях экономического кризиса вряд ли сделают пожилых людей и инвалидов более обеспеченными, так как обещанная в несколько отдаленной перспективе прибавка, вне всяких сомнений, будет достаточно быстро «съедена» инфляцией. Что касается государственных антикризисных мер, то они направлены прежде всего на социально-экономическую адаптацию трудоспособного населения.

Так, Правительство Российской Федерации, начиная с 2009 г., для увеличения в стране рабочих мест обращается к практике организации общественных работ. В России также повышено пособие по безработице, определены предприятия, которым государство из бюджета выделяет финансовые средства, за счет которых они должны обеспечить занятость своего персонала [10, с. 15]. Предпринимаемые на региональном уровне антикризисные меры также направлены на социально-экономическую адаптацию преимущественно трудоспособного населения, например, Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 15 января 2009 г. № 2 «О Республиканской целевой программе «Снижение напряженности на рынке труда Республики Адыгея» на 2009 год»; Постановление Правительства Астраханской области от 14 января 2009 г. № 2-п «Об отраслевой целевой программе «Реализация дополнительных мер по снижению напряженности на рынке труда Астраханской области на 2009 год»; Распоряжение главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16 декабря 2008 г. № 1098-р «О первоочередных мерах, направленных на недопущение снижения уровня занятости населения в Краснодарском крае в условиях мирового финансового кризиса».

Справедливости ради следует отметить, что на отдаленную перспективу вопросам адаптации различных категорий населения государством уделено значительное внимание, о чем свидетельствует утвержденная Правительством РФ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Долгосрочная политика социаль-

ной поддержки населения включает в себя следующие приоритетные направления:

- улучшение социального климата в обществе, снижение бедности и уменьшение дифференциации населения по уровню доходов;
- повышение эффективности государственной поддержки семьи;
- реабилитацию и социальную интеграцию инвалидов;
- социальное обслуживание граждан старших возрастов и инвалидов;
- развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций в сфере оказания социальных услуг;
- формирование эффективной системы социальной поддержки лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, и системы профилактики правонарушений.

Реализация стратегических целей названной Концепции требует достижения социального согласия, содействия развитию механизмов социальной адаптации и социальной поддержки населения, снижения социального неравенства. Меры, обеспечивающие решение данных задач, направлены на гармонизацию действий рынков, государства, семьи в области повышения уровня и качества жизни населения, создания в России общества равных возможностей. Для этого, в свою очередь, потребуются модернизация и развитие сектора социальных услуг, адресных программ для бедных и льготных категорий населения. Необходимо обеспечить формирование системы социальной поддержки и адаптации, отвечающей потребностям современного общества, реализующей помимо социальной защиты функции социального развития и создающей доступные механизмы «социального лифта» для всех, в том числе для социально уязвимых категорий населения.

Библиографический список

1. Волков Г.Д., Оконская Н.Б. Адаптация и ее уровни // Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1975. Вып. 7.
2. Shapiro Y., Ben-Eliezer U. Elements of Sociology. Am Oved Publishers Ltd. Tel-Aviv, 1999.
3. Климантова Г.И. Семья в условиях кризиса: проблемы адаптации // Семья, дети: факты и проблемы: аналит. вестник. М., 1999. № 11 (99).
4. Вахрушева Т.А., Климец Е.А. Роль компетентности личности в процессе адаптации. URL: http://www.rusnauka.com/ONG/Pedagogica/2_vahrusheva%20t.a.doc.htm.
5. Аврамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 1998.
6. Буравой М. Великая инволюция: реакция России на рынок // Рубеж: альманах социальных исследований. 2000. № 15.
7. Чикарина Л.Я. Управление процессами социально-экономической адаптации населения в муниципальном образовании: теория и практика: учеб. пособие. М., 2001.
8. Чикарина Л.Я. Роль социологических исследований в управлении крупным муниципальным образованием // Учен. зап. Моск. гос. социальн. ун-та. 2003. № 5.
9. Егорова Л.Н., Васильчиков В.М., Чикарина Л.Я. Социальное обслуживание пожилых людей: теория, правовая база, практика. Краснодар, 2006.
10. Лавров А.С. Финансовый кризис и организация труда // Труд и социальные отношения. 2009. № 2 (56).

O.S. Potapova
Current State of Labor Resources
as the Factor Hampering Social
and Economic Development
of Russia

The evaluation of the dynamics of socio-demographic development of modern Russia is done. Changes of the population's living standards are considered. Qualitative and quantitative characteristics of Russian labor resources are given.

Key words and word-combinations: labor resources, population calamity, social stress.

Дается оценка динамики социально-демографического развития современной России. Рассматриваются изменения показателей качества жизни граждан, а также качественные и количественные характеристики состояния трудовых ресурсов России.

Ключевые слова и словосочетания: трудовые ресурсы, демографическая катастрофа, социальный стресс.

УДК 316.3
ББК 60.56

О.С. Потапова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР, ТОРМОЗЯЩИЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Реформирование экономики России затронуло все аспекты жизнедеятельности населения. Внедрение рыночной системы хозяйствования, основной целью которой является получение прибыли, не только разрушило прежнюю, советскую экономику, но и внесло существенные коррективы в сам образ жизни россиян.

Экономический рост в России на протяжении последнего десятилетия достигается преимущественно экстенсивным путем. Увеличивалась добыча природных ископаемых, которые являются невозобновимыми и исчерпаемыми, что превращало страну в сырьевой придаток экономически более развитых государств. Такой тип роста экономики актуален только для короткого периода, а для успешного долговременного развития Российской Федерации необходимо возрождать масштабное производство, инвестировать в обрабатывающие отрасли [1, с. 22].

В современных условиях действительное богатство лидирующих стран определяется способностью их экономик эффективным образом адаптироваться к преобразованиям, что зависит от состояния нематериальных форм богатства и сфер, обеспечивающих развитие человека. Прогресс в этих странах все в большей степени определяется качеством жизни, эмансипацией личности в хозяйственной сфере, которые, в свою очередь, обес-

печивают темпы роста производства [2]. Сегодня России необходим интенсивный тип экономического роста, обеспеченный соответствующим развитием капитальных и трудовых ресурсов. При этом особого внимания требует ресурсная база рынка труда. Думается, что именно ее количественные и качественные параметры будут определять темпы и характер экономического развития страны.

Сложившаяся за годы реформ заметная тенденция депопуляции населения создает прямую угрозу для дальнейшего устойчивого развития российской экономики. На 1 января 2007 г. в Российской Федерации проживали 142,2 млн человек, тогда как в начале 1991 г. этот показатель составлял 148,5 млн человек. Начавшийся в 1991 г. процесс естественной убыли населения каждый год сокращает численность россиян на сотни тысяч человек, и никакие миграционные потоки не способны изменить ситуацию.

Естественная убыль населения России – результат двух негативных тенденций – сокращения рождаемости и увеличения смертности. Падение суммарного уровня рождаемости до отметки в 1,3 и колебание его около этого уровня на протяжении последних десяти лет не обеспечивает даже простого воспроизводства населения [3, с. 87–89]. По-прежнему людей в стране рождается меньше, чем умирает. Следует подчеркнуть, что при этом изменились причины смертности и увеличилась доля смертей среди лиц трудоспособного и репродуктивного возрастов.

Оценки сложившейся ситуации, данные специалистами, весьма противоположны. Например, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков считает, что никакого демографического кризиса нет, а снижение численности коренного населения – процесс естественный и необратимый [4]. Безусловно, демографические процессы инерционны и влиять на них сложно, но нельзя игнорировать явно обозначившиеся негативные тенденции.

Существует точка зрения, что сокращение рождаемости есть следствие перехода к западной модели репродуктивного поведения, начавшегося в России в 1960-х годах, а не результат падения уровня жизни, вызванного реформированием экономики. Наблюдающееся в западных странах значительное снижение уровня рождаемости некоторые ученые-демографы рассматривают как необратимый процесс, являющийся следствием высоких адаптивных возможностей западной цивилизации, а не ее упадка [5, с. 55]. Однако исследования показали, что происходящие в России с конца 1980-х годов демографические процессы не имеют никакого сходства со снижением рождаемости в западных «обществах потребления». В отличие от России, там не наблюдается ни повышение смертности, ни сокращение продолжительности жизни.

Проведение реформ в России сопровождается снижением адаптации населения и поддержки со стороны основной его части. Либерализация экономики привела к существенным изменениям в структуре общества, социальному и имущественному расслоению. При переходе к рынку дифференциация неизбежна, но если она переходит за определенную грань, то становится фактором социальной дестабилизации.

Полагаем, что демографическая катастрофа явилась результатом проводимых в нашей стране реформ, особенно тех, которые во многом насильственно реа-

лизуются в экономике и привели к смене типа жизнеустройства. Этот факт доказывает и тенденция, в соответствии с которой вхождение в 2006–2007 гг. значительного числа женщин в детородный возраст не повлекло за собой существенного роста рождаемости. Чистый коэффициент воспроизводства населения (показатель, характеризующий степень замещения поколения женщин их дочерьми при сохранении существующих уровней рождаемости и смертности) все равно остается низким: в 2006 г. он составил 0,613 против 0,633 в 2004 г. и 0,621 в 2003 г.

Негативное изменение средней продолжительности жизни и уровня смертности россиян свидетельствует о росте кризисных явлений в социальной сфере. В частности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2005 г. составляла 65,3 года: 58,87 – у мужчин и 72,39 – у женщин. В СССР в 1986–1987 гг. этот показатель составлял 70,13 года (64,91 – у мужчин и 74,55 – у женщин). Помимо заметного разрыва в ожидаемой продолжительности жизни у мужчин и женщин, ярко выражено снижение данного показателя у мужчин относительно пенсионного возраста – «средний» мужчина до пенсии не доживает.

Существенные коррективы в сокращение числа ожидаемых лет жизни вносит рост уровня смертности в трудоспособном и более молодом возрасте. В 2006 г. в трудоспособном возрасте умерло 746,1 человек на 100 тыс. человек данной возрастной категории (из них мужчин – 1172 человека на 100 тыс.). В 1994 г. общий уровень смертности удвоился по сравнению с 1990 г. и сохраняется до сих пор на достаточно высоком уровне [6, с. 22]. Объяснение столь стремительного роста смертности кроется в падении уровня жизни, вызванном кризисом. В 1994 г. защитные силы людей, находившихся в состоянии тяжелого стресса, иссякли, и резко подскочила смертность именно от тех заболеваний или класса причин, которые связаны с нервным или эмоциональным состоянием человека. Резко возросло число случаев смерти от язвенной болезни, болезней органов кровообращения.

Падение уровня жизни, психологическая неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие механизмов, стимулирующих граждан к поддержанию достаточного уровня своего здоровья, снижение у большинства населения возможностей организации адекватного отдыха, занятий физической культурой и спортом, распространение таких асоциальных явлений, как табакокурение, алкоголизм, наркомания образуют плотную цепь социальных факторов, ухудшающих общее состояние здоровья граждан и увеличивающих число смертей. В целом же за постперестроечные годы резко возросла заболеваемость населения по многим классам болезней, таких как болезни органов кровообращения, дыхательных путей, мочеполовой системы, язвенные болезни и новообразования. Крайне неблагоприятная ситуация наблюдается в сфере детской заболеваемости. Проблемы со здоровьем нередко начинаются еще до рождения ребенка. Почти у половины женщин отмечена анемия, что ставит под угрозу рождение здорового ребенка. Приведенная в 2002 г. Министерством здравоохранения диспансеризация школьников показала, что каждый пятый ребенок, идущий в школу, имеет отклонения в состоянии здоровья [7, с. 153].

Тяжелый стресс, вызванный реформой, сказался и на психическом здоровье населения. По словам директора ГНЦ имени Сербского Т. Дмитриевой, уровень психических расстройств с начала 1990-х годов увеличился в 11,5 раза. При этом большинство больных – люди трудоспособного возраста. Растет и смертность, и тяжелая заболеваемость, связанная с психическими расстройствами. В частности, 80% инсультов в стране происходит на фоне депрессий [6, с. 31–32].

Рост заболеваемости и смертности, снижение рождаемости, является не только социальной, но и экономической проблемой. Сокращение числа дееспособных лиц трудового и дотрудового возрастов ставит под сомнение дальнейшее благоприятное развитие экономики. Массовый уход их жизни работников, ухудшение состояния их здоровья, доводящее в некоторых случаях до инвалидности и, по крайней мере, снижающее работоспособность, снижение рождаемости, что в дальнейшем приведет к сокращению населения, образуют клубок крайне негативных факторов формирования и развития национальной рабочей силы.

Развитие человека как полноправного члена общества предполагает доступ к материальным и финансовым ресурсам, возможность проявления социальной активности и самореализации. Эти факторы формируют политический, экономический, образовательный, культурный (доступность социальных благ) потенциал различных групп населения и определяют особенности социальной стратификации. Негативные изменения в социальной структуре приводят, в свою очередь, к деформации профессионально-квалификационной структуры общества. В пореформенный период отмечается декавалификация и деградация рабочей силы, дегуманизация трудовых отношений, нарастание в них отчужденности, дискриминации, жесткой эксплуатации трудящихся [1, с. 23].

В экономических исследованиях отечественных ученых, прежде всего в работах академика Т.И. Заславской, достаточно четко обозначено сложившееся в ходе реформ расслоение общества. Верхняя группа, к которой относятся до 1% населения, сосредоточила в своих руках практически весь экономический потенциал, она имеет прямой выход во властные структуры. На этом уровне социальной «пирамиды» находится также слой правящей бюрократии, численность которой за годы реформ возросла вдвое и составляет 6–7% населения. Бюрократия прочно заняла верхние позиции в социальной структуре, обладает реальной властью и чрезмерно коррумпирована [8, с. 180].

«Средний слой» в классическом его понимании в настоящее время в России отсутствует. В городах существует прослойка (по различным оценкам, от 9 до 14% населения), которая условно может быть отнесена к среднему классу. В основной своей части она неустойчива, не имеет существенной собственности и по причине слабости своего положения не способна оказывать реального влияния на экономическое развитие России.

Мотивация персонала, как руководителей, так и подчиненных, является ключевым фактором эффективности любой деятельности. Одной из крайне негативных причин аномального процесса воспроизводства трудовых ресурсов страны явилось падение трудовой мотивации населения. Являя собой сложную систему, формирующуюся под воздействием целого ряда факторов (национальной культуры, семьи, школы, телевидения, общественного мнения), мотивационная

сфера трудовых ресурсов непосредственно отражает ситуацию в экономике, политике и культуре, активно влияя на процессы общественных изменений [9, с. 129]. По данным эмпирических исследований, в современной России трудовое сознание не менее 80% работников деградировано. Из него вытеснено почти все то, что имеет отношение к общественно полезному смыслу трудовой деятельности, к развитию профессиональных качеств и даже к пониманию необходимости интенсивно работать ради заработной платы [10, с. 4–6].

Ситуацию усугубляет отсутствие достаточно эффективного механизма регулирования отношений между работником и работодателем в негосударственных структурах, между государством и частными (корпоративными) предпринимателями, что тормозит инвестиционные процессы и создание новых рабочих мест, негативно влияет на трудовую активность работника [11, с. 30].

В ходе экономических реформ серьезно пострадали те, кто своим трудом, проявлением предпринимательской инициативы пытался «влиться» в новую систему хозяйствования и сформировать средний класс, который должен был стать опорой экономических преобразований. Эта часть населения, являющаяся основным носителем человеческого капитала, перешла в массовый слой бедняков, составляющий, по оценкам социологов, 60–65% населения. Не располагая иной собственностью, кроме высокой квалификации, лишенный наиболее важных социальных гарантий, находящийся близко к зоне социального риска, этот массовый слой не может в сложившемся виде быть опорой экономических преобразований в России. Свои главные усилия он направляет на поиск путей выживания [8, с. 180].

В России к началу процесса трансформации экономики был накоплен значительный научно-технический, образовательный, квалификационный потенциал. Однако многие трудности преобразований привели к обесцениванию этого потенциала, поскольку он создавался по меркам социалистического планового хозяйства. В то же время разрушение накопленного потенциала и отсутствие новых направлений развития приводят к утрате источника перспективного развития.

Выход из сложившейся ситуации видится в проведении ряда мер в целях создания условий динамичного развития экономики. Речь, прежде всего, идет о том, что должна быть разработана качественно новая модель воспроизводства трудовых ресурсов, адекватная как историко-культурным внутренним традициям, так и современным потребностям развития. В новой модели социальная составляющая выступает в качестве цели и главного фактора экономических преобразований. Неотъемлемым условием дальнейшего успешного развития российского общества представляется сбалансирование принципов, факторов, отношений и механизмов реализации социальных и экономических приоритетов, обеспечение баланса рыночной эффективности и социальной гармонии в российской социально-экономической системе.

Библиографический список

1. *Латишин В.Ю.* Депопуляция ресурсной базы рынка труда в современных условиях России // Вестн. СГСЭУ. 2004. № 8.
2. *Кириллова Н.* Трудовой потенциал и экономический рост // Человек и труд. 2005. № 12.

3. Российский статистический ежегодник. М., 2008.
4. Миграция – это благо или зло? // ЭХО Планеты – ИТАР ТАСС. URL: <http://www.explan.ru/archive/2004/48/index.htm>
5. Вишневецкий А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М., 2003.
6. Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А., Глазьев С.Ю. Куда идет Россия. Белая книга реформ. М., 2008.
7. Гонтмахер Е. Социальные угрозы инерционного развития // Pro et Contra. 2007. Июль – окт.
8. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2003.
9. Пугачев В.П. Микрополитика в мотивации трудовых ресурсов современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2002. № 1.
10. Кочеткова А.И. Психологические основы современного управления персоналом. М., 1999.
11. Рубальтер Д., Кузьмин С., Кузьмин Д. Трудовые ресурсы России – управление и прогноз // Власть. 2004. № 1.

**М.Yu. Darenkov
Consuming Form
of Human Potential
in Modern Project-Oriented
Organization**

Forms of human potential in project-oriented organization are researched. The structure of workers' spiritual needs as indicators of their human potential development is presented. The functioning system of labor subject in a project-oriented organization is defined.

Key words and word-combinations: forms of human potential, system of consuming development of worker's human potential, needs of functioning and labor subject development.

Исследуются формы человеческого потенциала проектно-ориентированной организации. Представляется структура духовных потребностей работников как индикаторов развития их человеческого потенциала. Конкретизируется система функционирования субъекта труда проектно-ориентированной организации.

Ключевые слова и словосочетания: формы человеческого потенциала, система потребительного развития человеческого потенциала работников, потребности функционирования и развития субъекта труда.

УДК 316.334.2
ББК 65.01

М.Ю. Даренков

**ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ФОРМА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА
СОВРЕМЕННОЙ ПРОЕКТНО-
ОРИЕНТИРОВАННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ**

В условиях перехода России на инновационный путь развития недопустимо упрощенное понимание человеческого потенциала организации только как совокупности знаний, умений, навыков и состояния здоровья работников организации. Необходимо комплексное рассмотрение развития человеческого потенциала современной организации, формируемого не только через образовательное и медицинское воздействие на систему жизнедеятельности, но и с учетом всего комплекса потребностей человека труда. Развитие человеческого потенциала через обновление его потребностей «является обла-

тью, которая недостаточно освещена в исследованиях и которой уделяется недостаточное внимание на практике» [1, с. 129]. Например, развитие человеческого потенциала часто не интегрируется должным образом ни с системами роста потребления и совершенствования потребностей, ни с системами объективной оценки роста потребительных свойств и способностей трудящихся.

В ракурсе данного направления социологи формируют исследовательский подход, который ориентирован на раскрытие важнейшей формы проявления человеческого потенциала – потребностно-мотивационной. Этот потенциал субъекта труда, несомненно, выполняет функцию регулятора трудового организационного поведения, поскольку в его рамках проявляются потребности личности как побудительные мотивы труда, создающие отношения к труду и трудовому взаимодействию личности. Само определение человеческого потенциала современной организации конкретно-исторично, связано с состоянием развития потребностей и способностей тружеников, инициированием особых потребностей к труду, со спецификой трудовых отношений, стилем трудового поведения работников.

Современная хозяйственная организация, хотя и имеет важнейшей целью получение прибыли, в то же время направлена на удовлетворение потребностей субъектов внешней и внутренней среды. Одним из факторов достижения основной цели организации является стимулирование актуальных мотивов поведения тружеников. По сути, в современных условиях потребительный потенциал тружеников представляет собой не только показатель человеческого потенциала, но и движущую силу трудовой деятельности личности, обуславливающую ее активное трудовое поведение как совокупность реакций на мотивы и стимулы [2, с. 23–44].

Теория потребительного проявления человеческого потенциала рассматривает способности и потребности как единое целое. При этом ранжируются как потребности, так и потребительные способности по принципу «низшие – высшие». В связи с этим важно отметить, что потребности человека труда условно дифференцируются на первичные (естественные, физиологические потребности, заложенные природой человека и создающие возможности физического сохранения жизни человека труда) и вторичные (социокультурные и духовные потребности, приобретаемые человеком в процессе его жизнедеятельности в результате социализации). В рамках рассматриваемой нами теории потребности исследованы как показатель трудовой самореализации работника.

Удовлетворение потребностей синхронно процессу развития трудовых способностей тружеников. Низший уровень потребностей предопределяет начальный уровень трудовых поведенческих характеристик личности. Их удовлетворение ведет к появлению следующего – более высокого уровня потребностей и потребительных способностей. В рамках высшего уровня потребления формируются высшие уровни трудового потенциала работников, развиваются высшие духовные характеристики образовательно-интеллектуальной способности к трудовой деятельности индивидов. Таким образом, прослеживается новая социально-экономическая закономерность, согласно которой «каждая ступень потребностно-мотивационной структуры становится насущной (актуальной) лишь

тогда, когда удовлетворены запросы предыдущей... потребности движут человеком, а он формирует их содержание...» [3, с. 212].

По нашему мнению, в анализе практик проявления социально-экономических потребностей необходимо отталкиваться, прежде всего, от социально-экономической формы проявления человеческого потенциала, а также трудовой деятельности, определенности потребностей работника как субъекта трудового взаимодействия. Лишь при таком подходе становится понятным, почему развитые способности человеческого потенциала проявляются в трудовых потребностях. В современных условиях получает социально-экономическое проявление множество трудовых способностей человека. Однако существует и неудовлетворенность его трудовых потребностей.

Потребности к труду являются внутренними мотивами реализации трудовой деятельности работников, посредством которой обеспечиваются реализация человеческого потенциала организации. Они ведут к оптимизации использования материальных ресурсов, знаний, информационных потоков для достижения миссии, целей, решения задач организации. Необходимо подчеркнуть, что потребности к труду нельзя отождествлять с общими потребностями субъекта труда как потребителя. Последние определяются качественно другими характеристиками и обобщают в себе весь комплекс физических и духовных потребностей личности.

Трудовые потребности человека как потребителя в условиях проектно-ориентированной организации уже не сводятся к общим потребностям человека экономического. Главное здесь состоит в том, что у субъекта труда в новых условиях появляются и активно развиваются специфические потребности, связанные с реализацией его функций как ассоциированного собственника человеческого капитала организации. Члены проектно-ориентированной организации, выступая как равноправные субъекты трудовых отношений, развивают специфические потребности в труде, управлении, творческой научной, образовательной, культурно-трудовой деятельности, которые носят комплексный характер. Их удовлетворение формирует важное ресурсное коллективное благо организации – человеческий потребительный потенциал работников организации.

Удовлетворение потребностей работников в труде, управлении, творческой научной, образовательной, культурно-трудовой деятельности выступает как важнейшее условие развития проектно-ориентированной организации. В связи с этим сам процесс труда такой организации развивает специфические потребности, которые, являясь потребностями каждого члена организации, принимают форму коллективных потребностей всей организации. В свою очередь, базовые трудовые потребности в труде, управлении, творческой научной, образовательной, культурно-трудовой деятельности (коллективные по своему характеру) становятся также и личными.

Таким образом, личные потребности работников преобразуются в коллективные потребности проектно-ориентированной организации, потребности организации трансакционируются в личные.

В условиях проектно-ориентированной организации, планомерной формы всеобщего коллективного создания и реализации инноваций, накопление соб-

ственных организационных элементов капитала осуществляется в двух взаимно дополняемых формах: во-первых, в создании качественно новой информационной научно-образовательной системы обеспечения и, во-вторых, в совершенствовании основной социально-экономической потребности организации в главном факторе организационного развития – акторе труда с широким комплексом потребностей и способностей. Такой актор представляет собой носителя человеческого потенциала организации – ассоциированного трудящегося, собственника человеческого капитала, аккумулятора творческих идей, новых знаний, инноваций.

Если в традиционной организации основное место в системе факторов труда занимают материальные капитализирующие факторы, то в условиях проектно-ориентированной организации активизируется объективная необходимость в развитии потребности работников к труду. Здесь важнейшими являются потребности не только к непосредственному труду, но и к управлению, творческой научной деятельности, образовательной, культурно-трудовой деятельности работников. Приобретают новое значение личные потребности субъектов труда в образовании, здравоохранении, физическом развитии, охране труда.

Данные выводы подтверждаются рядом российских социологических исследований. Так, по результатам социологического исследования «Развитие человеческих ресурсов Российской Федерации» [4, с. 7–8] почти три четверти (72%) работающего населения России связывают развитие своих трудовых способностей с уровнем их потребления; 68% опрошенных подчеркивают прямую связь развития потребностей и способностей трудоспособного населения России, но при этом только 12% граждан считают, что в России созданы условия для эффективного потребительского развития трудового потенциала населения. Из числа опрошенных россиян 69% полагают, что на современных российских предприятиях также имеются серьезные проблемы развития трудовых потребностей работников. В современных условиях возможности для развития трудового лидерства в хозяйственных организациях не создаются. Только 7% респондентов полагают, что в России вообще не могут быть созданы оптимальные условия для потребительского развития трудового потенциала работников.

Необходимо подчеркнуть, что «респонденты указывают на целый ряд важнейших групп потребностей, которые являются основополагающими для реализации потребительского развития человеческого потенциала трудоспособного населения: 53% – материальные, 44% – образовательные, 37% – инновационного творчества, 23% – общего интеллектуального развития, 10% – управленческие» [4, с. 7–8]. В связи с этим переход общества на инновационный тип развития можно рассматривать как предпосылку формирования организации нового инновационного проектного типа. В то же время формирование организации нового типа необходимо связывать с развитием важнейших способностей и потребностей работников по отношению к нововведениям. Приоритет здесь отдается потребностям в профессиональном образовании, интеллектуальном развитии, управлении и самоуправлении, инновационном творчестве.

Таким образом, в проектно-ориентированной организации творческая инновационная трудовая деятельность должна быть направлена прежде всего на

реализацию постоянно саморазвивающегося трудового взаимодействия, опосредованного совокупным творческим потенциалом общества. Возникновение новых видов коллективного творческого научного, управленческого, образовательного труда формирует необходимость данных видов трудовых потребностей и способностей работников организации.

Социальный механизм самосовершенствования коллективного творческого научного, управленческого, образовательного труда является результатом реакции проектно-ориентированной организации на внешние объективные изменения социальной среды. Переход от преимущественно физических к преимущественно интеллектуальным формам труда осуществляется как процесс углубления коллективного разделения труда и выделения новых коллективных потребностей развития научно-творческого труда работников.

Поэтому важнейшим условием расширенного воспроизводства потребительного человеческого потенциала современной проектной организации является выделение качественно новых трудовых потребностей работников. Данные потребности в непосредственном творческом научном, управленческом, профессиональном образовательном труде являются индикатором развития потребительного трудового потенциала работников предприятия. Если не конкретизируются и не модернизируются трудовые потребности, то организационная система не развивается. Через новые трудовые потребности проектно-ориентированная организация моделирует свое будущее состояние, а также создает условия развития трудовых потребностей и способностей трудящихся.

Таким образом, можно констатировать, что социально-экономические потребности работников являются внутренним объективным фактором развития человеческого потенциала проектно-ориентированной организации. Они выражают объективные тенденции развития человеческого потенциала сотрудников организации и представляют собой потребности субъектов трудового взаимодействия.

Если трудовые субъекты выступают в конкретной социально-экономической форме ассоциированных собственников человеческого капитала, то потребности в труде проявляют себя как потребности прежде всего в творческой научной деятельности, управлении, образовательной, культурно-трудовой деятельности работников. Данные потребности и проявляют себя как персонифицированные социально-экономические потребности работников организации.

Таким образом, потребности к труду можно рассматривать как движущий фактор системы труда организации. Их условно можно разграничить на социально-экономические потребности функционирования и социально-экономические потребности развития проектно-ориентированной организации. Первые – это потребности субъекта труда как потребителя (потребности в пище, одежде, жилье). Вторые – потребности работника как ассоциированного собственника человеческого капитала (потребности в труде, управлении, научной деятельности, образовании, культурно-трудовой деятельности). Формирование и развитие потребностей в труде, управлении, образовательной, научной трудовой и культурно-трудовой деятельности сопровождается формированием способностей работников к творческому, научному, интеллектуальному труду в инновационной по своей сути современной проектно-ориентированной организации.

Библиографический список

1. Хилб М. Развитие человеческих ресурсов // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб., 2002.
2. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
3. Капитонов Э.А. Корпоративная культура: теория и практика. М., 2005.
4. Быченко Ю.Г. Человеческий потенциал: инерционная и модернизационная модель развития // Человеческий потенциал: проблемы обновления и развития: сб. науч. трудов. Саратов, 2008.

K.V. Moshkunov
Socio-Political Determinants
of the Enterprise Risk
as a Factor of Economic Security

Risks and factors influencing the enterprise activity are analyzed. The special attention is paid to the social factors of risk in business-processes.

Key words and word-combinations: enterprise risk, monitoring of risks, social factors of risk, interoperability of the state and business.

Анализируются риски и факторы, влияющие на предпринимательскую деятельность. Особое внимание уделяется социальным факторам риска в бизнес-процессах.

Ключевые слова и словосочетания: предпринимательский риск, мониторинг рисков, социальные факторы риска, взаимодействие государства и бизнеса.

УДК 334.7:005.334
ББК 60.56.12

К.В. Мошкунов

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ДЕТЕРМИНАНТЫ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО
РИСКА
КАК ФАКТОР
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

Отношение к проблеме государственного регулирования экономики неоднозначно со стороны политиков, ученых-обществоведов и предпринимателей. Одни из них выступают за максимально возможное невмешательство государства в функционирование экономики и бизнеса, другие – за ограниченное использование государственных механизмов, третьи – за восстановление практики государственного управления по единому плану. Однако реальная жизнь убедительно показала, что всякая абсолютизация роли какого-то одного фактора в управлении социально значимыми системами в конечном счете оказывается несостоятельной.

Сегодня все больше приходит понимание того, что необходим новый, комплексный взгляд на проблему отношений политики и экономики. Ныне, по мнению лауреата Но-

белевской премии по экономике Дж. Бьюкенена, невозможно анализировать общественные экономические расходы вне зависимости от влияния политического процесса [1, с. 39–55]. Еще одним аспектом, актуализирующим заявленную проблему, безусловно, является длящееся критическое состояние российского общества. В условиях функционирования современной рыночной экономики сфера безопасного существования человека, общества и государства настолько сузилась, что постоянное и массовое неудовлетворение потребности в безопасности оказывает негативное воздействие на развитие этих субъектов в целом и каждого в отдельности, усугубляя кризисное состояние различных сфер их жизнедеятельности.

Исходя из сказанного, представляется необходимым обосновать перспективное направление разработки теоретических положений и практических рекомендаций, обеспечивающих построение системы социально-политических механизмов оценки и снижения предпринимательских рисков. Опираясь на фундаментальные, ставшие классическими, и современные исследования западных мыслителей и отечественных ученых по проблеме предпринимательских рисков [2–8], исследуем роль предпринимательских рисков в функционировании системы экономической безопасности государства.

В соответствии с «Концепцией национальной безопасности Российской Федерации» [9], обеспечение национальной безопасности и защита интересов России в экономической сфере являются приоритетными направлениями политики государства, а реализация национальных интересов России возможна только на основе устойчивого развития экономики. Поэтому национальные интересы России в этой сфере являются ключевыми.

При определении основ экономической безопасности общества и государства в последнее время все чаще поднимается проблема безопасности предпринимательства, и это имеет глубокие теоретические и практические обоснования. Предприниматели приводят в отношении рынка мотивацию не только количественного, экстенсивного роста, но именно качественного, интенсивного, структурного, инновационного его развития. Отсюда – важнейшее значение института предпринимательства в национальной экономике, которая благодаря именно этому институту приобретает устойчивый импульс не просто к росту, но к сохранению в переменчивых условиях рынка своей эффективности. Развитой и базирующийся на государственных гарантиях институт предпринимательства делает национальную экономику защищенной от разнообразных угроз, обеспечивает ее конкурентоспособность. Другими словами, безопасность национальной экономики находится в прямой зависимости, в том числе и от безопасности предпринимательства.

Предпринимательский риск повышает уязвимость предпринимательства к воздействию угроз и подрывает его экономическую безопасность. Именно это детерминирует место предпринимательского риска в структуре безопасности национальной экономики.

Многогранность понятия риска обусловлена разнообразием факторов, характеризующих как особенности конкретного вида деятельности, так и специфические черты неопределенности, в условиях которой эта деятельность осуществ-

ляется. Количество учитываемых рискообразующих факторов достаточно велико. Как следствие, их классификация несоизмеримо сложнее классификации рисков. Особое место в структуре рискообразующих факторов применительно к проблеме экономической безопасности занимают факторы предпринимательской деятельности, связанные со структурой и функционированием социально-политической системы и действиями государства.

Традиционно к комплексу социально-политических воздействий на предпринимательство относят:

политический риск – выражается в возможности возникновения убытков или сокращения размеров прибыли вследствие государственной политики; связан с вероятными переменами в курсе правительства, изменениями приоритетности направлений его деятельности;

экономическую обстановку – в целом понимается как состояние общей деловой активности (снижение, стагнация, подъем, стабильность), а также конкретизируется в отдельных экономических процессах (инфляции, дефляции, политике цен, кредитно-денежной политике);

социальные факторы – такие, как глубина расслоения общества, уровень доходов и покупательная способность населения, достигаемый уровень безработицы, состояние системы социальной защиты;

правовую обеспеченность – с позиций состояния трудового законодательства, наличия и эффективности правового регулирования налоговой сферы, антимонопольного, антидемпингового и законодательства о недобросовестной рекламе, юридической защищенности предпринимательской деятельности и прав потребителей;

демографические факторы – в числе которых важнейшими следует назвать количество и особенности возрастного состава населения (рост или снижение числа граждан, старение или омоложение общества, повышение или снижение рождаемости), получаемое гражданами образование и род их занятий, текущие миграционные процессы.

Кроме того, в рыночных условиях неизбежно возникают кризисные ситуации как для всей экономической системы в целом, так и для отдельных хозяйствующих субъектов.

Существует особая группа специфически «кризисных» социально-политических факторов, требующих наиболее оперативного реагирования. Основные угрозы бизнесу в настоящее время связаны с нарастающей в стране кризисной финансово-экономической ситуацией, увеличивающимся уровнем безработицы (в том числе среди гастарбайтеров), нарастающей региональной дифференциацией.

На первое место среди социально-политических факторов, воздействующих на предпринимательские риски, следует поставить изменения институционального поля деятельности. Выражается это, например, в том, что действующее законодательство может обязывать или стимулировать слияния и поглощения однотипных экономических структур, выстраивать холдинги с обязательным сокращением штатной численности сотрудников различного ранга.

Политические угрозы и, как следствие, далеко идущие социальные угрозы предпринимательству могут быть вызваны межнациональными конфликтами в

их активной стадии. Помимо них в кризисный период широкое распространение имеют и криминальные угрозы.

Существующие системы классификации предпринимательских рисков дают нам основания определить социально-политические детерминанты предпринимательской деятельности как, во-первых, внешние, во-вторых, объективные, в-третьих, интегральные. Иначе говоря, они действуют извне, не зависят от деятельности самого предпринимателя и состоят из комплекса субфакторов. Ясно, что предприниматели не в состоянии самостоятельно справиться с подобной системой рискобразующих факторов. Вывод очевиден: необходима выработка механизмов взаимодействия бизнеса и власти, направленных на минимизацию предпринимательских рисков. Однако для того, чтобы как-то влиять и предотвращать, необходимо знать с какими угрозами предстоит столкнуться предпринимателю.

Сегодня в мире существует множество методологических систем, позволяющих достаточно успешно предвидеть возникновение или изменение существующих предпринимательских рисков. Проблема заключается в том, что далеко не все предприниматели осознают необходимость использования имеющихся методов в борьбе с социально-политическими вызовами.

В мировой практике судебные и регулирующие органы, как правило, считают, что крупные компании должны иметь формально утвержденные политики и системы по управлению рисками. Отвечает за это совет директоров, члены которого имеют четкое понятие об основных рисках, с которыми сталкивается их компания. Руководство призвано обеспечивать наличие эффективных механизмов управления предпринимательскими рисками. Думается, что для минимизации предпринимательских рисков, а следовательно, обеспечения предпринимательской безопасности в российских условиях, необходим такой значимый шаг, как государственный контроль наличия у предпринимателей осмысленной стратегии управления рисками, а также планов ее реализации.

Современное состояние взаимодействия государства и предпринимательства в нашей стране можно охарактеризовать как отношения, рассчитанные на разовый выигрыш, на достижение успеха одной стороны за счет поражения другой. Мы уверены, что взаимодействия должны быть нацелены на стабильность и непрерывность, исходить из общенациональных интересов, поскольку отношения, рассчитанные на краткосрочность, ведут к чрезмерным административным акциям со стороны государства (инструкциям, запретам, предписаниям, санкциям) и давлению на власть со стороны предпринимательских кругов путем лоббирования. Лоббизм как явление представляет собой несомненный социально-политический риск, поскольку способствует развитию коррупции, что, в свою очередь, представляет собой прямую и непосредственную угрозу национальной безопасности.

Очевидно, что имеющееся положение вещей необходимо менять, нужна новая система взаимоотношений бизнеса и государства. В качестве составляющих элементов такой системы выделяются механизмы системоформирующие, системоутверждающие и системовоспроизводящие.

К системоформирующим, обеспечивающим наличие необходимых условий для запуска новых способов хозяйствования, нами отнесены механизмы разго-

сударствления и национализации; установления «правил игры» социально ориентированной рыночной экономики; формирования конкурентной среды; содействия организации институтов рыночной инфраструктуры.

В число системоутверждающих, обеспечивающих достаточные условия для стабильности предпринимательской деятельности, включены механизмы структурной трансформации на макроуровне; содействия обеспечению соответствия организационных структур и механизмов управления на микроуровне требованиям рыночной экономики; поддержки предпринимательства и налаживания конструктивного взаимодействия с ним; обеспечения стабильности достигнутого уровня жизни основной массы населения страны.

Оптимизация предпринимательских рисков должна осуществляться за счет запуска системовоспроизводящих механизмов, прежде всего, с формированием государством условий, необходимых и достаточных для устойчивого развития сложившейся хозяйственной системы в данной стране, ростом жизненного уровня населения, утверждением, упрочением и расширением ее поля в мировом экономическом и политическом пространстве.

Предпринимательство играет весьма важную роль в современном мире и любые действия, направленные на совершенствование деятельности предпринимателей улучшают условия жизни в обществе. Естественно, прямой зависимости нет и быть не может, и появится она не скоро. Однако, в случае установления единого экономического порядка, купирования экстремистских политических и религиозных течений и последовательного развития России по пути свободной рыночной экономики, отдача от свободного развития предпринимательство будет возрастать.

Современное общественное устройство стран с развитой социально ориентированной рыночной экономики немыслимо без эффективного механизма взаимодействия предпринимательства с органами законодательной и исполнительной власти на макро-, мезо- и микроуровне. Более того, наличие взаимодействия политической власти и бизнеса служит одной из важнейших качественных характеристик современного общества. Свое практическое воплощение это взаимодействие находит в самых различных формах и направлениях. Одним из ключевых в ближайшее время должно стать направление мониторинга и противостояния предпринимательским рискам.

Библиографический список

1. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. М., 1997.
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М., 1982.
3. Боди З., Кейн А., Маркус А. Принципы инвестиций / пер. с англ. М., 2002.
4. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции / пер. с англ. М., 1999.
5. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970.
6. Райзберг Б.В. Предпринимательство и риск. М., 1992.
7. Лапуста М.Г., Шарицуква Л.Г. Риски в предпринимательской деятельности. М., 1998.
8. Чернов В.А. Анализ коммерческого риска. М., 1998.
9. О концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 янв. 2000 г. № 24 // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

A.V. Filatova
State Control (Supervision)
in the Sphere of Enterprise:
Normative and Legal Base
Perfection

The prospects of normative and legal regulation of legal relations arising within the framework of an administrative reform in condition of the implementation of control supervision activity in the sphere of enterprise are shown.

Key words and word-combinations: normative and legal regulation, control supervision activity, legal relations efficiency, administrative procedures.

Показаны перспективы нормативного правового регулирования правоотношений, возникающих в рамках проведения административной реформы при реализации контрольной надзорной деятельности применительно к сфере предпринимательства.

Ключевые слова и словосочетания: нормативное правовое регулирование, контрольная надзорная деятельность, эффективность правоотношений, административные процедуры.

УДК 342.951
ББК 67.401.03

А.В. Филатова

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОНТРОЛЬ (НАДЗОР)
В СФЕРЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА:
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ
БАЗЫ**

В экономическом аспекте проводимой в Российской Федерации административной реформы особое внимание уделено целям повышения качества и доступности государственных услуг а также ограничению вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства (в том числе – прекращению избыточного государственного регулирования) [1]. В ходе реформы конкретизировались ее задачи, в частности: внедрение в органах исполнительной власти принципов и процедур управления по результатам; разработка и внедрение стандартов государственных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти, а также административных регламентов в органах исполнительной власти; оптимизация функционирования органов исполнительной власти и введение механизмов противодействия коррупции в сферах деятельности органов исполнительной власти; модернизация системы информационного обеспечения органов исполнительной власти [2].

Сегодня административная реформа находится на заключительном этапе, и можно констатировать, что внедрение новых моделей организации и функционирования государственного аппарата на федеральном уровне состоялось. Но работу данных органов в целом, и в области реализации государственных

ного контроля (надзора) в сфере предпринимательства в частности, эффективной и целесообразной назвать не представляется возможным. В рамках осмысления заключительного этапа административной реформы считаем необходимым определить принципиально значимые проблемные аспекты реализации государственного контроля (надзора) в сфере предпринимательства, показать направления их локализации и подвести промежуточные итоги.

1. Бессистемное осуществление усовершенствования нормативного правового регулирования правоотношений, возникающих в сфере государственного контроля (надзора) в сфере предпринимательства при устранении негативных проявлений правореализационного процесса.

Особую роль в эффективном развитии рассматриваемых правоотношений играет Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3]. Цель данного документа заключается в снижении административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности и упорядочении проведения контрольно-надзорных мероприятий.

Необходимо обратить внимание на то, что теперь более четко и по-новому регламентируется проведение контрольно-надзорных мероприятий. Так, плановая проверка может проводиться не чаще одного раза в три года, а исключение составят лишь наиболее социально значимые объекты – лечебно-профилактические, социального обеспечения, дошкольные воспитательные и образовательные учреждения. Сокращаются и основания для внеплановой проверки: например, к ним отнесли лишь возникновение угрозы или причинение вреда жизни, здоровью людей, окружающей среде и аварийные ситуации.

В целом ставка делается на документарную проверку, которая будет проводиться без выезда уполномоченных должностных лиц контрольно-надзорной сферы в организацию. Предметом такой проверки являются сведения, содержащиеся в документах юридического лица, индивидуального предпринимателя, устанавливающих их организационно-правовую форму, права и обязанности, документы, используемые при осуществлении их деятельности и связанные с исполнением ими обязательных требований и требований, установленных муниципальными правовыми актами, исполнением предписаний и постановлений органов государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля. В процессе проведения документарной проверки должностными лицами органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля в первую очередь рассматриваются документы юридического лица, индивидуального предпринимателя, имеющиеся в распоряжении органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля, в том числе уведомления о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности, акты предыдущих проверок, материалы рассмотрения дел об административных правонарушениях и иные документы о результатах, осуществленных в отношении этих юридических лиц, индивидуального предпринимателя государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Значимым нововведением для проверяемых субъектов выступает обязанность контролирующих органов уведомлять предпринимателей о проведении плано-

вой проверки. Однако формулировка сроков уведомления вызывает недоумение, так как указано, что уведомляются о проведении плановой проверки юридическое лицо, индивидуальный предприниматель не позднее чем в течение трех рабочих дней до начала ее проведения. Возникает закономерный вопрос, ответ на который пока отсутствует: как правильно будет уведомлять – «не позднее» или «в течение»? В дальнейшем внеплановая проверка может проводиться только по согласованию с прокурором региона, в котором действует организация.

2. Отсутствие реализации в правоприменительной практике законодательно закрепленного принципа презумпции невиновности во взаимоотношениях субъектов правоотношений в сфере государственного контроля (надзора).

С 1 января 2011 г. на территории Российской Федерации вводится давно обсуждаемый уведомительный порядок начала предпринимательской деятельности, то есть юридические лица и индивидуальные предприниматели должны будут уведомить уполномоченный орган о начале осуществления своей предпринимательской деятельности, заявив о соответствии требованиям законодательства. Объективно уведомление о начале осуществления предпринимательской деятельности – это документ, который представляется зарегистрированными в установленном законодательством Российской Федерации порядке юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем в уполномоченный Правительством Российской Федерации в соответствующей сфере федеральный орган исполнительной власти и посредством которого такое юридическое лицо, такой индивидуальный предприниматель сообщают о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности и ее соответствии обязательным требованиям.

Данный порядок предполагается распространить на ограниченный перечень видов предпринимательской деятельности, куда входят: оказание гостиничных, бытовых услуг населению, услуг общественного питания, розничная и оптовая торговля, коммерческая перевозка грузов (свыше 2,5 тонн) и пассажиров (не более 20 человек), текстильное и швейное производство, производство одежды, изделий из кожи, обуви, обработка древесины, издательская и полиграфическая деятельность, деятельность, связанная с использованием информационных технологий. Возможно, что этот перечень будет расширен.

3. Введение новых институтов, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, например, замена лицензирования обязательным страхованием (первоначально для таких видов деятельности, как перевозки и почтовая связь).

В настоящее время на основании рассмотрения соответствующих законопроектов в Государственной Думе разрабатываются процедуры замены лицензирования на реестр предпринимателей и обязательное страхование ответственности, как указано нами выше, в сфере перевозки грузов внутренним водным, морским транспортом, а также в сфере оказания услуг почтовой связи. Необходимо апробировать данный механизм в процессе осуществления предпринимательской деятельности и внедрять замену лицензирования отдельных видов деятельности обязательным страхованием ответственности или предоставлением финансовых гарантий [4].

В целях упорядочения системы ответственности всех субъектов публичной власти целесообразно сформировать эффективную научную концепцию право-

вой ответственности государства, его органов и служащих. Структура концепции правовой ответственности государства, его органов и служащих должна основываться на системном подходе к ее основным элементам реализации и возможности публично-правовой защиты прав субъектов, в том числе и в административном, и в судебном порядке. Важную роль при этом играют положения Закона РФ «Об обжаловании в суд действий и решений нарушающих права и свободы граждан» [5], где установлено, что каждый гражданин вправе обратиться с жалобой в суд, если считает, что неправомерными действиями (решениями) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих нарушены его права и свободы. Данное право по своему конституционно-правовому смыслу предоставляется и объединениям граждан (юридическим лицам), на основании Определения Конституционного Суда Российской Федерации [6].

Особое внимание следует обратить на объективно положительное содержание ст. 6 Закона РФ «Об обжаловании в суд действий и решений нарушающих права и свободы граждан»: органы и должностные лица, действия (решения) которых обжалуются, обязаны именно документально доказать законность обжалуемых действий (решений). В свою очередь, гражданин освобождается от обязанности доказывать незаконность обжалуемых действий (решений), но обязан доказать факт нарушения своих прав и свобод.

Несогласованность нормативно-правового регулирования способствует субъективному судебному подходу в связи с отсутствием официальных разъяснений по вопросам документального доказывания законности действий (решений) и факта нарушения прав и свобод, что в настоящее время имеет негативную практику применения. Административный способ защиты закреплен Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [7], который регулирует правоотношения, связанные с реализацией гражданином Российской Федерации закрепленного за ним Конституцией РФ права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливает порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

С учетом формирования изменений относительно реализации контрольно-надзорных функций важно акцентировать внимание на ответственности должностных лиц за невыполнение или недолжное выполнение, а также злоупотребление правом при исполнении соответствующих полномочий и сокращение административных барьеров, снижение степени государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность, не влияющих на качество контрольно-надзорных процедур.

4. Регламентация контрольно-надзорной деятельности на основании эффективного подхода к проверочным мероприятиям, единообразному пониманию контрольно-надзорных функций, четкому соблюдению действующих в данной области норм права.

Кроме рассматриваемого Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного

контроля (надзора) и муниципального контроля», Государственной Думой был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел РФ, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности» [8]. На рассмотрении находится проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу замены лицензирования обязательным страхованием гражданской ответственности» [9].

Следует обратить внимание на отмену внепроцессуальных прав милиции при проверке малых предприятий. Например, предусматривается исключение следующих прав органов внутренних дел: осмотр производственных, складских, торговых и иных служебных помещений; досмотр транспортных средств; изучение документов, отражающих финансовую, хозяйственную, предпринимательскую и торговую деятельность; требование предоставления в пятидневный срок копий документов; право изымать отдельные образцы сырья, продукции и товаров. Проведение же мероприятий, направленных на пресечение правонарушений, станет возможно только при наличии повода к возбуждению уголовного дела или дела об административном правонарушении.

Органам внутренних дел в рамках рассматриваемых правоотношений, предлагается запретить проводить проверки по любым поводам, включая бухгалтерскую отчетность и финансовую деятельность, оставив в их компетенции лишь проверки на основании поступившей информации о готовящемся преступлении или угрозе жизни и здоровью людей. Однако представители силовых структур продолжают отстаивать свои интересы на право проведения проверок товарно-сопроводительной документации; останется за ними данное право или нет, покажет время.

5. Формирование антикоррупционной политики относительно деятельности всех органов государственной власти и управления и введение антикоррупционных процедур в сфере реализации контрольно-надзорных полномочий.

Проблема противодействия коррупции является одной из самых острых с точки зрения обеспечения безопасности Российского государства, общества и личности [10]. Объективно коррупция выступает реальной угрозой национальной безопасности страны, так как наносит ощутимый урон социально-экономическому и политическому развитию общества. Коррупция, как определил суть проблемы Президент РФ, есть угроза для любого государства, она разлагает деловую среду, снижает дееспособность государства, но самое главное – подрывает доверие граждан к власти [11].

Представляется невозможным противостоять коррупции путем осуществления отдельных разрозненных, фрагментарных мероприятий на различных направлениях. Снизить ее уровень можно, лишь реализовав целостную систему последовательных мер обеспечения безопасности на территории Российской Федерации с учетом положений Федерального закона «О противодействии коррупции» [12]. Начиная с 2008 г., все федеральные органы исполнительной власти должны внедрить антикоррупционные программы, которые предусматривают системные преобразования, направленные на изменение установок, ценностей, стереотипов поведения как чиновников, так и остальных граждан. Комиссией по административной реформе уже одобрены две типовые антикор-

рупционные программы. Первую, как предполагается, внедрят для ведомств, а вторая направлена на реализацию региональными администрациями [13].

Изменения действующих норм права были продиктованы необходимостью снижения влияния коррупционных факторов на правоприменительную практику. Так как коррупционность создает предпосылки для совершения коррупционных правонарушений, то важным моментом является подготовка нормативных правовых актов с учетом рекомендаций по устранению обнаруженных коррупционных факторов и по включению в текст превентивных коррупционных норм, с указанием возможных коррупционных действий и последствий.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что анализируемые положения направлены на борьбу с различного рода нарушениями в сфере обеспечения нормального функционирования хозяйствующих субъектов и на устранение коррупционных проявлений, в том числе и в сфере предпринимательства.

Не объективна, на наш взгляд, позиция, которая обобщенно выглядит следующим образом: «сокращение числа проверок, ограничение проверок во времени, уведомительный характер проверок – это замечательно». Действительно, увеличение объема участия малого бизнеса в развитии экономики страны вопрос важный и напрямую зависит от этапов и направлений развития малого бизнеса, но повышение значимости малого бизнеса «любой ценой» недопустимо. Кроме того, требует уменьшения общее количество «исключений из правила», в связи с тем, что пока не будет изменена создававшаяся в рассматриваемой области ситуация, действенность и эффективность любых нормативных правовых актов остается под вопросом.

В заключение следует отметить, что рассматриваемые вопросы актуальны и требуют не только серьезной научно-исследовательской проработки, но и разрешения ряда практических проблем, что позволит усилить гарантии прав граждан с учетом их взаимоотношений с публичной администрацией и повысить эффективность выполнения всех административных действий, в частности и контрольно-надзорного характера.

Библиографический список

1. О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах: распоряжение Правительства РФ от 25 окт. 2005 г. № 1789-р (в ред. от 28 марта 2008 г.) // СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.
2. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р: распоряжение Правительства РФ от 9 февр. 2008 г. № 157-р // СЗ РФ. 2008. № 7. Ст. 633.
3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249; Рос. газ. 2008. 30 дек.
4. О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности: указ Президента РФ от 15 мая 2008 г. № 797 // СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2293; Рос. газ. 2008. 17 мая.
5. Об обжаловании в суд действий и решений нарушающих права и свободы граждан: Закон РФ от 27 апр. 1993 г. № 4866-1 // Рос. газ. 1993. 12 мая.
6. По жалобе общественного благотворительного учреждения «Институт общественных проблем “Единая Европа”» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 255 и 258 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 5 Закона Россий-

ской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»: определение Конституционного Суда РФ от 22 апр. 2004 г. № 213-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

7. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060; Рос. газ. 2006. 5 мая.

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел РФ, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности: Федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 293-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6248; Рос. газ. 2008. 30 дек.

9. Проект Федерального закона № 92982-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу замены лицензирования обязательным страхованием гражданской ответственности» (ред., принятая ГД ФС РФ в первом чтении 17 сент. 2008 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (в ред. от 26 июня 2008 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769; Рос. газ. 1992. 6 мая; 2008. 28 июня.

11. На счет «три»: Дмитрий Медведев объявил наступление на коррупцию по всем фронтам // Рос. газ. 2008. 20 мая.

12. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; Рос. газ. 2008. 30 дек.

13. Все федеральные органы власти обяжут внедрить антикоррупционные программы. URL: [burokratia.htmlhttp://www.gzt.ru/politics/2007/09/01/113331.htm](http://www.gzt.ru/politics/2007/09/01/113331.htm)

Yu.V. Ermakova
The Role of the Bank System
of Modern Russia in Population
Consumer Behavior Formation

The author studies separate elements of the bank system of Russia. The role of banks in formation of consumer behavior of the Russian citizens in conditions of universal financial crisis is shown. Questions of the financial literacy of the population and reliability of the credit histories are reviewed.

Key words and word-combinations: bank system, consumer behavior, financial literacy, credit histories.

Исследуются отдельные элементы банковской системы России. Показывается роль банков в формировании потребительского поведения российских граждан в условиях общемирового финансового кризиса. Поднимаются вопросы финансовой грамотности населения, надежности кредитных историй.

Ключевые слова и словосочетания: банковская система, потребительское поведение, финансовая грамотность, кредитные истории.

УДК 316.334.2(470+571)
ББК 60.56(2Рос)

Ю.В. Ермакова

РОЛЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
В ФОРМИРОВАНИИ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Российское государство сегодня представляет собой сложный спектр формирования цивилизованных отношений во всех сферах общественной жизни, в том числе социально-экономической. Многоукладная рыночная экономика страны, включенная в мировую экономическую систему, требует применения адекватных современным потребностям и условиям инструментов управления процессами производства, распределения и потреб-

ления материальных и нематериальных благ. Одним из наиболее эффективных механизмов, позволяющих формировать и корректировать экономические процессы, является национальная банковская система.

Банковский сектор является тем каналом, через который осуществляется денежно-кредитное регулирование экономики. Два десятилетия отечественных реформ доказали жизнеспособность российской банковской системы, ее устойчивость и в благоприятных, и в чрезвычайно сложных, кризисных экономических условиях. Банковская система Российской Федерации в целом может быть охарактеризована как стабильная и вполне предсказуемая. Она не находится в статичном состоянии, напротив, пребывает в динамике. С одной стороны, банковская система дополняется новыми элементами, а с другой – в ней ликвидируются компоненты, не способные своевременно и адекватно реагировать на изменения окружающей среды. Все это, даже в сегодняшних непростых условиях экономического развития страны, ведет к совершенствованию банковской системы, ее адаптации к общемировым кризисным тенденциям.

На сегодняшний день банковская система страны структурирована в двух уровнях: первый охватывает учреждения Центрального банка Российской Федерации, второй же включает в себя деловые, коммерческие банки, главная задача которых – собственно обслуживание клиентов (организаций и населения, юридических и физических лиц), предоставление им разнообразных услуг. Стабильность этой системы имеет чрезвычайное значение для эффективного осуществления денежно-кредитной политики.

Научный анализ роли и значения существующей банковской системы особенно актуален в контексте произошедшего (2008–2009 гг.) общемирового кризиса. Нам представляется необходимым рассмотреть проблемы влияния банковского сектора на формирование и развитие потребительского поведения населения страны.

Выполняемые сегодня многочисленные социологические исследования поставили под сомнение целый ряд традиционных положений, характеризующих потребительское поведение граждан. В условиях стабильного или относительно стабильного общества потребительское поведение населения определялось такими факторами, как ведущая роль потребностей субъекта, его относительная независимость от внешних условий существования, согласованность поведенческих актов потребителя с реалиями экономического развития страны и собственными материальными возможностями. Сегодня же на повестке дня стал сам процесс потребления как некий комплекс, который помимо покупки включает в себя использование товара, его обслуживание, ремонт, поддержание в нужном состоянии. На этом фоне социально признанные ценности, оказывающие значительное влияние на потребительский выбор, все более дифференцируются, а в различных слоях общества проявилось стремление жить не по средствам, чаще всего в кредит.

Еще недавно потребительское кредитование являлось одним из наиболее активно развивавшихся направлений банковского бизнеса в большинстве регионов России. Потребительские кредиты, выдаваемые населению, существенно меняли структуру покупательского спроса в стране. По существу, значительная

часть населения страны постепенно «переместилось» в иное социально-экономическое пространство с новыми возможностями для удовлетворения собственных разнообразных потребностей.

В этих условиях деятельность коммерческих банков, связанная с кредитованием предприятий, организаций и населения, имела не только чисто экономическую, но и, в известной мере, социальную направленность. Коммерческие банки играли значительную роль в изменении социальной структуры общества, способствуя становлению и укреплению среднего класса в России. Еще недавно фиксировался значительный рост предложения кредитных услуг российскому населению. Наряду с институциональными изменениями в экономике это было обусловлено, что гораздо более важно, постепенным изменением ценностно-нормативных установок граждан по отношению к долгу и кредиту, детерминированными изменившимися условиями существования. Посредством рекламы и масс-медиа, активно пропагандировавших высокие уровни потребления, в течение ряда лет происходило наращивание культурного давления со стороны более обеспеченных групп населения на менее обеспеченных российских потребителей. Оно вынуждало наращивать объемы потребления довольно значительных масс населения, пытающихся сохранить достигнутый уровень благосостояния, преумножить его.

Граждане конструировали собственный стиль и образ жизни, позволяющий им поддерживать или даже увеличивать достигнутую социальную дистанцию, отделяющую их от других групп и слоев. Наиболее зримым выражением такой дистанции становились очевидные материальные блага, которые стали гораздо более доступны благодаря возможностям потребительского кредитования. Духовное, культурное развитие и их ценности совершенно отодвигались на задний план. По этому поводу Л. Эрхард писал: «Те слои населения, которые все больше и больше получают возможность в усиленной степени пользоваться потребительскими благами, не могут подлежать осуждению только за то, что ныне доступные им блага, прежде всего, означают для них исполнение их желаний. Нельзя людей осуждать и за то, что они, при удовлетворении своих потребностей, в этой фазе еще вообще не в состоянии приводить духовные, душевные, культурные и материальные ценности в правильное соотношение. По мере консолидации социального положения этих людей, они, наверное, придут к лучшему осознанию того, что является добром или злом, что ценно и что лишено ценности» [1, с. 211].

Собственно сам процесс развития системы кредитования связан с множеством вопросов. Большинство из них возникло довольно давно и успешно решено в развитых странах, однако далеко не все зарубежные подходы оказались пригодны для Российской Федерации. Это обусловлено многими факторами, среди которых традиционный патерналистский менталитет россиян, пренебрежение существующими законами, необязательность и неаккуратность в расчетах с кредиторами. В этих условиях банки как кредитные организации нуждаются в обширной и качественной оперативной информации не только о состоянии экономики в целом и отдельных ее отраслей, но и о кредитоспособности отдельных граждан, обращающихся в банк.

Сегодня потребитель становится объектом пристального внимания и социального контроля со стороны банков и банковских групп, которые через систему кредитования фактически регулируют масштаб и формы потребления различных товаров и услуг. Для оценки потребительского поведения, управления имуществом клиента банки нуждаются в подробной информации. В свою очередь, не только банки собирают и используют информацию. Граждане также обмениваются опытом и вырабатывают социальные оценки потребительских благ и банков, их представляющих. Совершенно очевидно, что для кредитных организаций важно соотносить собственную информацию с информацией потребителей банковских услуг в целях выработки наиболее эффективной политики по отношению к потребительскому поведению населения.

Обеспечение должного правопорядка в сфере потребительского кредитования требует решения триединой задачи:

- во-первых, необходимо развитие форм и методов государственного контроля за соблюдением кредитными организациями законодательства о конкуренции и рекламе;

- во-вторых, сегодня как никогда актуально повышение правовой культуры и финансовой грамотности населения, вступающего в договорные отношения с банками по потребительскому кредитованию;

- в-третьих, требуется принять меры по повышению качества банковского обслуживания и правовой культуры сотрудников самих кредитных организаций.

В условиях экономического кризиса и финансовой нестабильности информационное обеспечение выступает одним из главных требований сегодняшнего дня. Собственно наличие информации и ее анализ становятся обязательным атрибутом технологии предоставления банковских услуг. Работу зарубежных кредитных организаций существенно упрощают имеющиеся в их распоряжении базы данных кредитных историй граждан и организаций за значительный период времени. Например, статистика по автокредитованию производится десятилетиями, что дает возможность точнее оценивать риски, упрощает выдачу кредита, снижает проценты.

В России тоже производится законодательная и практическая работа по созданию кредитных историй, однако следует отметить, что только в конце 1994 г. был принят Федеральный закон «О кредитных историях» [2], в соответствии с которым с 1 сентября 2004 г. все кредитные организации должны были начать представлять информацию о выдаваемых кредитах в бюро кредитных историй. Следует отметить, что еще до принятия соответствующего федерального законодательства в Саратовской области банковским сообществом при содействии Главного Управления Банка России по Саратовской области был создан сайт «Банки Саратова» (www.banki.saratova.ru), а затем в целях развития кредитования и снижения банковских рисков создана база данных «Потребительский кредит», которая начала действовать с 1 июля 2005 г.

Однако даже присутствие кредитных историй не отменяет определенных экономических рисков, несовершенства судебной системы и связанных с этим проблем в реализации обеспечения по так называемым «плохим» кредитам. В настоящее время в России все большее значение приобретают вопросы стабиль-

ности, надежности, устойчивости банковской системы в целом и ее главных элементов – банков в частности. Под устойчивостью банка следует понимать такое его состояние, которое обеспечивает необходимую степень защиты от неблагоприятного воздействия внешних и внутренних факторов и рисков.

Длительность и масштабность кризисных явлений, зафиксированных на мировом финансовом рынке в течение последних месяцев, создает атмосферу неуверенности. Сегодня негативные ожидания, возникшие в связи с финансовым кризисом, уже породили волну панических действий со стороны населения, создав дополнительные трудности для отечественной банковской системы. Но даже в условиях мирового финансового кризиса кредитные операции все еще составляют довольно значительную часть деятельности коммерческих банков, поскольку их успешное осуществление ведет к получению основных доходов, способствует повышению надежности и устойчивости самих банков, а неудачам в кредитовании, как правило, сопутствует разорение и банкротство.

Случившийся кризис обнажил еще одну важную проблему взаимоотношений кредиторов и потребителей: уровень доверия к коммерческим банкам в частности и к банковской системе в целом. Чтобы определить это, достаточно посмотреть, какие способы сохранения денежных средств сегодня представляются людям наиболее надежными: на первом месте – вложения в недвижимость (51%), на втором – золото и драгоценности (19%), на третьем – счет в Сбербанке (17%). Хранить деньги «под матрасом» предпочитают 13% россиян, в то время как коммерческие банки (за исключением уже упомянутого Сбербанка) кажутся надежными только 2% респондентов [3].

Подавляющее большинство россиян пессимистично оценивают сегодняшнее состояние мировой экономики, но, несмотря на это, причины кризиса им непонятны, и, видимо, потому многие по-прежнему не осознают всей глубины перемен, происходящих в мире. Финансовая грамотность граждан по-прежнему оставляет желать лучшего. По крайней мере, такой вывод можно сделать из исследования ВЦИОМ, в ходе которого социологи пытались выяснить, как финансовый кризис отразился на поведении россиян. Опросы проводились в два этапа: 18–19 октября и 15–16 ноября 2008 г. Всего было опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах России.

Как показали результаты исследований, в то время как экономисты советуют воздержаться от соблазнов жизни взаимы, весьма значительное количество граждан (15%) считают, что сейчас, наоборот, самое время брать кредиты, поскольку деньги будут обесцениваться, а ставка, как им кажется, останется неизменной. Впрочем, большинство россиян (58%), судя по всему, все же прислушиваются к советам и соглашаются с тем, что период кризиса – не лучшее время для займов, так как банки берут слишком большие проценты по кредитам, а стабильность собственных доходов не так очевидна [3].

В сложившейся ситуации остро встает вопрос о необходимости повышения финансовой грамотности населения. Если люди не могут соразмерить риск и доходность, плохо информированы о существующих законах, не имеют привычки читать договоры, которые подписывают, не имеют навыков долгосрочного финансового планирования, предпочитая по-прежнему жить одним днем,

то такие пользователи финансовых услуг легко могут быть подвержены панике. В свою очередь, массовая паника банковских вкладчиков не облегчит ситуацию на финансовых рынках, а только ее ухудшит. В конечном счете, недостаточная осведомленность рядовых американцев в финансовых вопросах явилась одной из центральных причин мирового кризиса. Поэтому сегодня как никогда необходимо повышение финансовой грамотности населения России.

В финансовых вопросах граждане должны вести себя рационально, а не попадать под влияние эмоций или чужих «авторитетных» мнений. Полагаем, что в этом сейчас в высшей степени заинтересовано и само население, и банкиры, и руководители государства. Банки же должны чувствовать социальную ответственность и в своей деятельности исходить не из стремления нарастить потребительский аппетит населения, а из интересов долгосрочного и устойчивого развития финансовой системы страны.

Библиографический список

1. Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991.
2. О кредитных историях: Федер. закон от 30 дек. 2004 г. № 218-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 44.
3. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10855.html?no_cache=1&cHash=c7789
4. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11042.html>

**O.G. Ostapets
Licensing of the Russian
Transportation Complex
Enterprises:
Legal Regulation
and Administrative Barriers**

Issues of transportation complex enterprises licensing are considered. A number of organizational-legal measures aimed at reforming the legal licensing regulations are proposed.

Key words and word-combinations: transportation complex, licensing, licensing expertise.

Автором рассмотрены проблемы лицензирования предприятий транспортного комплекса. Предложен ряд организационно-правовых мер, направленных на реформирование лицензионных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: транспортный комплекс, лицензирование, лицензионная экспертиза.

УДК 342.9
ББК 67.401(2Рос)я73

О.Г. Остапец

**ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ
ПРЕДПРИЯТИЙ
РОССИЙСКОГО
ТРАНСПОРТНОГО
КОМПЛЕКСА:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ
БАРЬЕРЫ**

Одним из методов современного государственного воздействия на экономику является разрешительная политика, применяемая для регулирования определенной деятельности. К ее разновидностям можно отнести

систему государственной регистрации субъектов экономической деятельности и их прав, а также лицензирование.

Лицензирование представляет собой деятельность специально уполномоченных органов исполнительной власти, которая выражается в официальном признании за определенными субъектами права на занятие отдельными видами деятельности, а также в реализации контроля за фактически осуществляемыми действиями в целях обеспечения безопасности личности, общества, государства, защиты имущественных интересов граждан и юридических лиц.

Лицензирование деятельности, связанной с функционированием транспортного комплекса России, является основой обеспечения безопасности пассажирских и грузовых перевозок на всех видах отечественного транспорта и предотвращения ущерба правам, законным интересам граждан, общества и государства. Как отмечает В.Л. Титов, предусмотренные действующим законодательством порядок и условия выдачи лицензий на перевозку нисколько не умаляют прав и интересов предприятий и организаций, осуществляющих данный вид деятельности, а возводят барьеры на рынке для деятельности недобросовестных перевозчиков и создают предпосылки для развития данной отрасли экономики [1, с. 45].

Ведущим нормативным актом в рассматриваемой нами области является Федеральный закон о лицензировании отдельных видов деятельности [2], который в ст. 17 содержит исчерпывающий перечень лицензируемых видов предпринимательской деятельности, связанных с перевозкой грузов и пассажиров, а в ст. 5 определяет полномочия Правительства РФ по осуществлению лицензирования.

Федеральному Правительству предоставлено право утверждать положения о лицензировании конкретных видов деятельности; определять федеральные органы исполнительной власти, которые могут осуществлять лицензирование отдельных видов деятельности; устанавливать виды деятельности, лицензирование которых осуществляется органами исполнительной власти субъектов РФ. Так, например, на железнодорожном транспорте предпринимательскую деятельность можно осуществлять на основании лицензии, полученной в соответствии с постановлением Правительства РФ [3]. Органом, осуществляющим лицензирование указанного вида деятельности, является Федеральная служба по надзору в сфере транспорта.

Для осуществления предпринимательской деятельности на железнодорожном транспорте и, значит, для получения лицензии необходимо соблюдение определенных требований нормативно-правовых актов Российской Федерации, отраслевых стандартов и иных технических документов [4–5]. Широкий перечень необходимых условий для получения лицензии на осуществление деятельности в сфере железнодорожного транспорта свидетельствует о пристальном внимании законодателя к данному виду перевозочной деятельности. Нормативное закрепление указанных положений является гарантом обеспечения безопасности перевозок, соблюдения законных прав граждан во время перевозочного процесса. Аналогичные положения утверждены для всех иных видов транспорта.

Отметим, что новшеством, отразившемся в ряде рассматриваемых нами нормативных положений, является закрепление ответственности за грубые нарушения лицензионных требований и условий. К ним, в частности, относятся человеческие жертвы, причинение тяжкого вреда здоровью, причинение вреда окружающей среде.

Лицензия на право осуществления перевозок грузов и пассажиров выдается на срок не менее чем пять лет [2, ст. 8]. В ст. 9 указанного Закона изложен перечень документов, которые соискатель лицензии направляет или представляет в соответствующий лицензирующий орган. В свою очередь, лицензирующий орган принимает решение о представлении или об отказе в представлении лицензии в срок, установленный законодательством.

Подводя итог анализа отдельных руководящих документов в сфере лицензирования транспортного комплекса, можно выделить отличительные особенности сформировавшихся в настоящее время лицензионно-правовых отношений, имеющих место при государственном регулировании перевозок пассажиров и грузов. К ним относятся следующие:

– лицензированию подлежит не вся перевозочная деятельность (в широком понимании), а лишь те ее виды, которые имеют повышенное общественное значение и широко распространены на практике;

– лицензирование в сфере транспортного комплекса способствует обеспечению единой государственной политики как в экономической сфере вообще, так и в транспортной отрасли в частности;

– лицензионно-правовые отношения, складывающиеся между субъектами лицензионно-разрешительной деятельности в сфере транспортного комплекса, носят многоаспектный и комплексный характер.

Проведенное исследование нормативно-правовых актов, посвященных лицензированию в сфере отечественного транспортного комплекса, позволяет сделать вывод о том, что данный вид правоотношений достаточно развит, рассмотренные положения о лицензировании в основном соответствуют международным нормам и создают благоприятную основу для деятельности перевозчиков на всех видах транспорта. Вместе с тем постоянные изменения административного законодательства, отсутствие единого подхода к правовому регулированию отдельных аспектов лицензионных отношений, не организованная надлежащим образом деятельность лицензирующих органов породили ряд правовых проблем и оставили нерешенными важные задачи, связанные с современным лицензированием транспортного комплекса.

Одним из факторов, тормозящим развитие транспортной отрасли, являются так называемые административные барьеры. Как полагает В.Л. Титов, административный барьер – это социально-правовое явление, которое берет свое начало с момента возникновения государственности и правовой системы. Его основу составляют объективные и субъективные факторы. К первым можно отнести несовершенство нормы права, ее несоответствие сложившимся общественным отношениям или недостаточность их охвата, ко вторым – бюрократизм и нежелание чиновников поступать по закону [1, с. 116].

Административные барьеры не просто препятствуют развитию предприни-

мательства, но и создают некую проблему государственного масштаба, так как способствуют «уходу» бизнеса в теневую экономику с целью снижения непроизводительных затрат и избегания бюрократических рисков. А в случае с перевозочной деятельностью ведут и к несоблюдению неукоснительных условий обеспечения безопасности перевозок, что создает потенциальную угрозу общественной безопасности [6, с. 24].

Рассмотрим административные барьеры, возникающие при осуществлении лицензирования перевозочной деятельности.

Необходимо отметить, что на практике определенные трудности возникают уже при соблюдении условий, которые должны быть выполнены на момент подачи соискателем лицензии документов в лицензирующий орган. Данные условия связаны прежде всего с техническим обеспечением перевозочного процесса (наличием транспортных средств, производственных помещений, специалистов, обладающих необходимой квалификацией, необходимой документацией).

Вместе с тем, как отмечает С.С. Пригаров, в различных сферах хозяйственной деятельности (в рассматриваемом нами случае – на транспорте) многие из требуемых условий не являются существенно необходимыми. К ним можно отнести предоставление копий учредительных и иных документов, предусмотренных различными актами о лицензировании, которые, как правило, содержат много иной информации, порой не связанной с получением специального разрешения на занятие той или иной деятельностью. Совершенно естественно, что в таком случае неоправданно возрастают коррупционные риски. Поэтому, считает ученый, пакет лицензионных документов должен быть минимальным и состоять из заявления на предоставление лицензии с подробным указанием всех данных о предприятии (индивидуальном предпринимателе) и приложения, в котором описывается хозяйственная деятельность лицензиата с указанием материальной базы, людских ресурсов и возможности заниматься лицензированной деятельностью. В данном случае акцент делается на квалифицированную работу специалистов лицензирующих органов, которые в результате выездных проверок будут оценивать возможность субъекта заниматься той или иной деятельностью [7, с. 78–79].

Излишний документооборот в лицензирующем органе создает основу для бюрократии и ненужную нагрузку на сотрудников. Кроме того, если не будет проведена выездная качественная проверка наличия всех условий для осуществления лицензируемой деятельности и не будут установлены все обстоятельства, которые впоследствии могут помешать осуществлению лицензируемых видов перевозок пассажиров и грузов, то возникнут большие трудности в осуществлении лицензионного контроля и мотивированном приостановлении действия специального разрешения.

На наш взгляд, процедуру получения лицензий в сфере транспортного комплекса необходимо упростить путем сокращения перечня документов, предъявляемых в лицензирующий орган. Представление заявления о выдаче лицензии с приложением специальной анкеты с указанием всех фактических данных о предприятии-соискателе лицензии на первом этапе позволит компе-

тентным лицам определить наличие лицензионных условий на предприятии-перевозчике.

В целях совершенствования лицензирования перевозочной деятельности, формирования благоприятной среды на рынке перевозок правовыми способами необходимо в отношении каждого соискателя лицензии проводить независимую лицензионную экспертизу. Для проведения подобной экспертизы возможно привлечение независимых экспертов – признанных специалистов в той или иной отрасли перевозочной деятельности. Приведем некоторые данные официальной статистики.

За I полугодие 2008 г. Госавтодорнадзором проведено 59 824 проверки хозяйствующих субъектов, в том числе 37 623 – лицензиатов. По представлениям Госавтодорнадзора за грубые нарушения лицензионных требований и условий, представляющих угрозу жизни и здоровью людей, решением судов приостановлена деятельность 63 лицензиатов-перевозчиков пассажиров и прекращена деятельность 27 – их лицензии аннулированы. Всего привлечено к административной ответственности 20 872 нарушителя транспортного законодательства [8].

Количество выявленных нарушений и принятых мер свидетельствует: предприятия, осуществляющие перевозочную деятельность, не выполняют в полном объеме лицензионные требования и условия. Из этого можно сделать вывод, что в ряде случаев ввиду недостаточной эффективности предлицензионных проверок транспортные лицензии выдаются необоснованно. Решить данную проблему можно посредством механизма административно-правового регулирования. Для этого необходимо законодательно закрепить проведение предварительной лицензионной экспертизы на предприятиях транспортного комплекса, планирующих осуществление лицензируемых перевозок. В результате проведенной оперативной проверки конкретного транспортного предприятия и составления акта лицензионной экспертизы будут получены объективные данные о возможности осуществлять лицензируемую деятельность на транспорте. Необходимость ее проведения должна содержаться в постановлениях Правительства РФ, регулирующих вопросы лицензирование на транспорте.

В заключение отметим, что лицензирование транспортного комплекса в современных российских условиях является эффективным способом государственного регулирования, обладающим определенным потенциалом для обеспечения безопасности перевозок на всех видах транспорта. Предложенные нами организационно-правовые меры, направленные на реформирование лицензионно-правовых отношений, позволят повысить уровень российских перевозок, сделать их более безопасными, доступными и конкурентоспособными.

Библиографический список

1. *Титов В.Л.* Транспортная отрасль: перспективы развития в мировом масштабе. М., 2007.
2. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 128-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2008 г. № 309-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3430.

3. О лицензировании отдельных видов деятельности на железнодорожном транспорте: постановление Правительства РФ от 15 марта 2006 г. № 134 // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1305.
4. Об утверждении Правил переадресовки грузов на железнодорожном транспорте: приказ МПС РФ от 18 июня 2003 г. № 44 // Таможенный вестник. 2003. № 7.
5. О введении в действие Правил по стандартизации ПР 32.203-2002: указание МПС РФ от 4 дек. 2002 г. № Р-1155у // Экономика железных дорог. 2003. № 3.
6. *Буровцев В.В., Мицук И.В.* Институт лицензирования в аспекте формирования конкурентной среды в сфере железнодорожного транспорта // Проблемы современной экономики. 2008. № 1.
7. *Пригаров С.С.* Правовые основы развития малого и среднего бизнеса // Власть и общество: правовые проблемы взаимодействия: сб. науч. трудов. М., 2007.
8. URL: http://www.mintrans.ru/prensa/Novosty_080813_2.htm.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

A.S. Alpatov
**Cognitive Interest: Activation
of Personal Senses Sphere
in Cognition**

The epistemological problems urgency is substantiated in the context of social changes. The correlation between the cognitive interest, truth, value and need is determined.

Key words and word-combinations: cognitive interest, interest, education, personality, value relation.

Обосновывается актуальность эпистемологической проблематики в контексте социальных изменений. Устанавливается связь познавательного интереса, истины, ценности и потребности.

Ключевые слова и словосочетания: познавательный интерес, образование, личность, ценностное отношение.

УДК 165
ББК 87.22

А.С. Алпатов

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС: АКТИВИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ В ПОЗНАНИИ

Система национального образования сегодня во многом обусловлена объективными изменениями, порожденными генезисом информационного общества. Переход к новой и более эффективной образовательной стратегии в российских условиях зависит от целого ряда обстоятельств, в том числе и от освоения современных образовательных технологий, основанных на знаниях, культурном потенциале и познавательном интересе личности.

Проблематика знания и познания становится центральной для понимания современного общества и человека. Развитые страны вступают в такую стадию информационного общества, на которой мерилем богатства становится производство, распространение и потребление знания. Именно отношение к знанию, к возможностям его создания и использования все в большей степени определяет положение как отдельного человека в обществе, так и целых стран в новом мировом порядке. В первую очередь речь идет о

знании, которое может быть передано от одного субъекта к другому, о знании, на основе которого можно конструировать новые технологии и типы коллективных практик. Оно существует в интерсубъективной форме и оформлено, как правило, в виде текста. Вместе с тем серьезно расширяется и изменяется понимание знания, его социального и культурного характера, а также отношения к информации [1, с. 6].

Знание можно рассматривать как результат познавательной деятельности, одним из основных элементов которой выступает интерес. Цепочка детерминации деятельности субъекта в отечественной научной традиции выглядит следующим образом: потребности – интересы – ценности [2, с. 24]. Очевидно, что интерес движет человеческой деятельностью в различных ее формах и видах, вписывается в структуру деятельности в качестве мотива и выражает значимый субъективный оттенок ее содержания. Интерес определяется в виде активной направленности человека на различные объекты, освоение которых оценивается им как благо; это – потребности, выступающие мотивацией поведения индивида [3, с. 134]. Интересы всегда эмоционально окрашены и связаны с ценностным отношением человека к миру.

Помимо социального и группового интереса выделяется личный интерес – как одно из основных понятий этики и социальной философии Просвещения. Именно концепция личного интереса нашла свою реализацию в педагогике («Эмиль» Руссо, идея многообразия личных интересов у Гербарта).

С критикой концепции личного интереса выступал И. Кант. По его мнению, интерес – это то, что делает «разум практическим, причиной, определяющей волю»; «интересом называется удовольствие, которое мы связываем с представлением о существовании предмета, со способностью желания» [4, с. 204]. Кант в основу определения интереса кладет чистый разум, считая интерес постоянным фактором. Философ считал: чтобы определить, прекрасно нечто или нет, мы соотносим представление не с объектом посредством рассудка ради познания, а с субъектом и его чувством удовольствия или неудовольствия посредством воображения. Суждение вкуса, поэтому, не есть познавательное суждение: значит, оно не логическое, а эстетическое суждение, под которым подразумевается то суждение, определяющее основание которого может быть только субъективным. Кант подчеркивал, что удовольствие, которое определяет эстетическое суждение вкуса, свободно от всякого интереса. Если удовольствие от приятного и доброго связано с интересом, то удовольствие от прекрасного, определяющее суждение вкуса, «свободно от всякого интереса».

Ю. Хабермас выделял в обществе три вида интереса: «технический» познавательный интерес, имеющий целью овладеть «внешней природой» (естествознание – технические науки); «практический», относящийся к «интеракции», где вырабатываются идеалы и цели, определяющие направление науки и техники; «эмансипационный», направленный на освобождение человека от всех форм «отчуждения» и угнетения, возникающих в связи с переносом технических средств и методов в область человеческих взаимодействий [5, с. 95]. Таким образом, обнаруживается связь истины с интересами.

В познавательной деятельности различаются практические и теоретические

интересы соответственно в практической и научной областях. Для обозначения интереса в познавательной деятельности используются такие выражения, как «интеллектуальный интерес» в значении отвлеченной «игры ума»; «гносеологический интерес», который может распространяться как на научные, так и на вне- и ненаучные способы когнитивного освоения мира (определенный тип знания); «теоретический интерес», лежащий в некоей предметной области собственно науки. Нам ближе значение интереса в познавательной области как гносеологического, познавательного интереса, не ограниченного рамками только лишь науки. Такое употребление термина «интерес» выводит к горизонту широких сфер познания, к теме обусловленности человеческого познания в целом.

Понятие познавательного интереса широко используется в педагогической литературе, но, исследуя проблему интереса в познании, следует выявить новые связи между сюжетом эпистемологии и философией образования, а также с дидактикой. Очевидно, что как понимается то или иное явление, так оно и практикуется. Отсюда следует: как понимается образование, так оно и осуществляется. Исходя из такого рода методологической установки, становится возможным осуществить проекцию восприятия и понимания познавательного интереса на практические формы его воплощения в образовательной системе.

В контексте исследуемой тематики представляется важным выявить как общегносеологическое значение термина «интерес», так и методологические основания его использования в педагогике.

Подчеркнем, интерес в обучении неотделим от целостного становления личности, интеллектуального, нравственного, эстетического ее развития. Познавательный интерес совершает своеобразный переворот в области учения, сообщает участнику вдохновение, вызывает стремление преодолевать трудности, стимулирует организованность учебных действий, пробуждает инициативу и творчество. Вместе с тем познавательный интерес становится тем посредником, благодаря которому удовлетворение и успех в одной области деятельности благоприятно влияют на отношение человека к другим видам деятельности, на характер общения с окружающими. Поднимая познавательный интерес до уровня устойчивой черты личности, мы тем самым решаем важную воспитательную задачу, далеко выходящую за сферу обучения.

Сегодня высказывается мысль, что человек становится субъектом социально-го развития в силу того и благодаря тому, что является субъектом собственного развития. Именно этот аспект человеческой реальности может быть понят в педагогической науке как индивидуальная образовательная активность, ориентированная на созидание своей внутренней формы [6, с. 167]. Такова гипотеза образования как образывания, созидания, творения индивида согласно заложенному в его природе жизнеутверждающему началу. Инстинкт жизни идентичен в этом смысле инстинкту образывания человека как производного от всех форм бытия. Человек рассматривается здесь как органическая часть Вселенной, воплощенная через триединство бытия мира – общества – индивида. Таким образом, приводимая гипотеза может быть отнесена к «естественно-жизненной» интерпретации содержания понятия образования, что нам достаточно близко.

Именно на индивидуальную образовательную активность самого субъекта следует, на наш взгляд, опираться в процессе обучения. Подчеркнем: именно субъекта обучения, поскольку представление об участнике как об объекте педагогического или образовательного воздействия перекрывает наиболее эффективные возможности реализации процесса образования. В системе «учитель – ученик» главное действующее лицо – учащийся: он воспитывается, учится, воспринимает своеобразие духовности учителя и осваивает общечеловеческую культуру. Однако осуществить все это, образовываться он может только в сотрудничестве с другим субъектом – воспитателем, учителем, передающим ему сам дух познания.

Представляется важным уяснить, где находятся истоки индивидуальной активности учащегося. «Субъект» выражает одно: широко понятый осмысленный познавательно-преобразовательный активизм и соответствующие ему наклонности [7, с. 29]. Идея познавательного активизма – освоения действительности – протекает в формах субъективной деятельности, что порождает обоюдную и динамическую зависимость познания от реальности и реальности от познания. Процесс обучения и воспитания протекает не только в искусственно созданной, лабораторной, школьной или академической среде, но и в самой жизни. Более того, он и есть жизнь в подлинном смысле слова [8, с. 21].

Представление о вещи, относящейся к «внешнему» миру, является принципиально контекстным и обусловлено собственно интересом познающего субъекта. В таком случае субъектность есть важнейшая характеристика образа вещи, который формируется в процессе ее использования. По существу, следует говорить о со-бытии образа, то есть об образе, как моменте взаимодействия субъекта и объекта [9, с. 97].

Познание, понимаемое как «копия», «снимок», «слепок» объективного бытия, теряет качество процессуальности, сложного поиска [10, с. 42]. Это тем более кажется справедливым в отношении познавательной деятельности, ориентированной в сферу образования, поскольку в противном случае происходит отрицание присутствия всякого познавательного интереса.

Важнейшая предпосылка развития интереса – воспитание широких социальных мотивов деятельности личности: «Я и управленческая деятельность», «Я – в управленческой среде». Весьма важно при этом предоставить обучающемуся возможность для проявления активности, инициативности. Чем активнее формы и методы обучения, превращающие участника в субъекта деятельности, тем легче развивается интерес к ней.

Подобные идеи нашли свое воплощение в «гуманистической парадигме личностно ориентированного образования» [11, с. 11–17]. Сущность и специфика личностно ориентированного образования наиболее четко выявляются в его сравнении с традиционным, особенности которого исследователи связывают с его «знаниевой» направленностью. Парадигмы «знаниевого» и личностно ориентированного образования не следует рассматривать как взаимоисключающие. Нельзя, как считают исследователи, впадать в недооценку знаний, их необходимо вписывать в контекст реальной жизни учащихся.

В парадигме личностно ориентированного обучения становится понятной

роль познавательного интереса как потребности, выступающей мотивацией поведения индивида. В связи с этим традиционное понимание образования в виде овладения учащимися знаниями, умениями, навыками должно быть переосмыслено. Образование в таком случае выступает, прежде всего, как процесс становления человека, обретения себя, своего образа: неповторимой индивидуальности, духовности, творческого начала.

В гуманистической парадигме педагог исходит из того, что у каждого обучающегося в его поступках есть личностный смысл, есть и личностная значимость учения, на которую и надо опираться в педагогическом процессе. Цель лично-ориентированного образования не сформировать и даже не воспитать, а найти, поддержать, развить гуманистическое начало в человеке и заложить в нем механизмы самореализации, саморазвития, адаптации, саморегуляции, самозащиты, самовоспитания, необходимые для становления самобытного личностного образа и диалогичного и безопасного взаимодействия с людьми, природой, культурой, цивилизацией.

С точки зрения содержания лично-ориентированное образование направлено на удовлетворение экзистенциальных потребностей человека, то есть потребностей его бытия, личного существования: свободы и свободного выбора себя, самостоятельности и личной ответственности, саморазвития и самореализации. Содержание лично-ориентированного образования должно включать в себя следующие компоненты:

аксиологический, имеющий целью введение учащихся в мир ценностей и оказание им помощи в выборе лично-значимой системы ценностных ориентаций;

когнитивный, обеспечивающий научными знаниями о человеке, культуре, истории, природе, ноосфере как основе духовного развития;

деятельностно-творческий, способствующий формированию и развитию у учащихся разнообразных способов деятельности, творческих способностей, необходимых для самореализации личности в труде, научной, художественной и других видах деятельности;

личностный, обеспечивающий самопознание, развитие рефлексивной способности, овладение способами саморегуляции, самосовершенствования, нравственного самоопределения, формирует жизненную позицию.

Лично-ориентированное образование акцентирует внимание на развитии лично-смысловой сферы. Поскольку учащийся в такой системе выступает как субъект не только учения, но и жизни, постольку меняется представление о его развитии, которое истолковывается уже не в узкоинтеллектуальном, рационалистическом, а в более широком, лично-смысловом плане. Учебный интерес в данной концепции связывается с атмосферой интеллектуальных, нравственных и эстетических переживаний, столкновения мнений, взглядов, позиций, научных подходов, проектирования различных возможных решений познавательных задач. Основным условием здесь выступает вовлеченность участника в критический анализ, отбор и конструирование лично-значимого содержания образования, главным двигателем которого выступает познавательный интерес.

Библиографический список

1. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
2. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 2.
4. Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1966. Т. 5.
5. Хабермас Ю. Познание и интерес // Философские науки. 1990. № 1.
6. Арламов А.А. Проблемы современной педагогической науки и философия (заметки педагога-методолога) // Вопросы философии. 2008. № 1.
7. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993.
8. Пищулин Н.И. Образование как философская проблема // Философские науки. 2005. № 1.
9. Любимов Ю.В. Знание как образ и событие // Философские науки. 2002. № 4.
10. Крымский С.Б. Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса // Вопросы философии. 1998. № 4.
11. Бондаревская Е.В. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. 1997. № 4.

A.M. Vantsev
Some Aspects of Research
of Military Men's Political Values

Various theoretical approaches to the research of political values of the military men in modern Russia are considered. It is concluded that adaptation of classical approaches is necessary in view of the features of the domestic social environment.

Key words and word-combinations: army, political values, political culture, social stratification.

Рассматриваются различные теоретические подходы к исследованию политических ценностей военнослужащих в современной России. Сделан вывод о необходимости адаптации классических подходов с учетом особенностей отечественной социальной среды.

Ключевые слова и словосочетания: армия, политические ценности, политическая культура, социальная стратификация.

УДК [316.354:355.1](470+571)
ББК 60.56(2Рос)

А.М. Ванцев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Концептуальная модель исследования политических ценностей в структуре политической культуры военнослужащих представляется многовекторной и поливариантной. Полагаем, что анализ данной проблемы следует строить на основании учета ряда базовых подходов к политическим ценностям. При исследовании политических ценностей военнослужащих, равно как и трансформации данных ценностей, необходимо отметить особые «генетические» ценности военнослужащих, отличающих их от представителей иных социальных групп, и обрисовать гипотетический политический «идеал», каким он видится военным людям. Кроме того,

представляется важным провести анализ детерминированности политических ценностей исследуемой нами социальной группы материально-бытовыми условиями жизни и службы, а также выделить реальные ценностные проекции, проявленные в результатах голосований за различные российские политические партии. Такое видение требует теоретической работы по выявлению наиболее релевантных интерпретаций самой категории «политические ценности» и их адаптации к специфике социальной группы военнослужащих.

Научные споры по поводу содержания и контекста использования категории «ценность» продолжают и по сей день. Отсутствие четкого определения данного понятия порождает дискуссионность и в трактовке категории «политические ценности». Не принимая во внимание обширный пласт зарубежных исследований в данной области, можно отметить, что и в отечественной обществоведческой литературе практически отсутствуют специальные работы, посвященные комплексному теоретическому анализу сущности политических ценностей. С другой стороны, ценностные исследования прикладного характера в научном дискурсе представлены весьма существенно. В частности, отдельные политические ценности россиян изучались на базе серьезных и масштабных эмпирических социологических исследований [1, с. 68–92; 2; 3], либо анализировались при построении структурной модели политического менталитета [4–6].

В современной отечественной науке условно можно обозначить два подхода к трактовке и пониманию категории «политические ценности». Подавляющее большинство исследователей трактуют политические ценности предельно широко в качестве самых различных социальных явлений и феноменов сознания. В подобной интерпретации к политическим ценностям относятся и социально-политические идеалы (свобода, справедливость, равенство), и политические институты (государство) и формы и методы политической деятельности (революция, реформа, война). Следовательно, любой феномен, имеющий значение для мира политики, может рассматриваться как политическая ценность. По существу, понятие «политические ценности» подчеркивает здесь особенности набора позитивно значимых политических явлений одного политического субъекта (индивида, группы, класса, нации) по сравнению с другим. Иными словами, под политическими ценностями понимаются ценностные ориентации в сфере политики того или иного субъекта и объекты этих ориентации. К примеру, достаточно абстрактное определение политической ценности предлагает известный российский исследователь М.М. Назаров, утверждая, что политическая ценность представляет собой значимую жизненную цель или норму, по отношению к которой индивид обладает сильной позитивно окрашенной установкой [7, с. 17].

В энциклопедической литературе политические ценности определяются как «совокупность идей, представлений и соответствующих им социально-психологических образований (установок, стереотипов, переживаний и т.д.), определяющих целеполагание, выбор средств и методов деятельности, степень последовательности их реализации и применения в текущей политической практике» [8, с. 391]. При этом подчеркивается, что политические ценности призва-

ны содействовать «интеграции социальной группы как части более широкой социальной общности; мотивировать политическую деятельность и создавать условия, при которых социально-политические цели становятся непосредственными мотивами участников политического процесса; способствовать формированию стандартов оценки каждого конкретного действия и его последствий; определять иерархию как самих целей политики, так и выбора метода их достижения, попутно производя отбор приемлемых и блокирование неприемлемых методов и целей; ориентировать каждого из участников политического процесса (класс, партию, общественную организацию, институт, личность) по отношению к остальным его составляющим» [8, с. 391]. Иными словами, данное определение политических ценностей содержательно охватывает всю совокупность субъективно-психологических элементов сознания, включая идеи, представления, установки и переживания.

Такое понимание политических ценностей позволяет оценивать проекции ценностных установок военнослужащих на модели их политического поведения. Кроме того, при таком взгляде на ценности мы затрагиваем чрезвычайно актуальный пласт вопросов, связанных с групповой самоидентификацией военных в политическом процессе. Политические ценности в данном случае мотивируют военнослужащих на определенные образцы участия в политической жизни, позволяют им ощущать свою «особость» по отношению к другим группам общества.

Другой подход к изучению политических ценностей связан с более конкретным их пониманием. Политические ценности выступают в виде неких принципов, являющихся целями, ориентирами политической практики. Традиция подобного изучения политических ценностей была заложена западными исследователями. В частности, рассматривая структуру группового сознания, социологи У. Томас и Ф. Знанецкий определили социально-политические ценности как «более или менее выявленные правила поведения, при помощи которых группа сохраняет, регулирует и распространяет соответствующие типы действия среди ее членов», хотя в их работах можно найти понимание ценности и как любого предмета, обладающего поддающимся определению содержанием и значением для членов какой-либо социальной группы [9].

С точки зрения известного российского философа М.С. Кагана, политику можно определить как борьбу за власть, а политические отношения между различными субъектами должны опредмечиваться в соответствующих программах, теоретических концепциях, идеологических схемах, за которыми стоят соответствующие системы ценностей. Ученый полагает, что политические ценности «рождаются на социально-психологическом уровне общественного сознания, как общие черты национального характера, сословной психологии, классового самосознания, а формируются на идеологическом уровне теоретиками» [10, с. 101]. При этом значение политических ценностей амбивалентно, то есть они могут и объединять, и разделять людей, так как укрепляют единство какой-то одной части человечества, тем самым разрушая его целостность, вплоть до провоцирования и оправдания военных и революционных конфликтов. Подобная трактовка политических ценностей представляется нам достаточно инструментальной.

В политике идеалы воплощаются, как правило, в виде разнообразных идеологий. Носителями идеологий являются главным образом политические партии. В связи с этим оценка поддержки военнослужащими той или иной партийной программы, выраженной в голосовании за нее, может рассматриваться, по нашему мнению, как акт одобрения декларируемых ею ценностей. Конечно, мы должны признать, что современные политические партии далеко не всегда связывают себя узами какой-либо классической идеологической парадигмы. Но в нашем случае этого и не требуется. Конъюнктурность электоральных стратегий партий, их ориентация на господствующий в данный конкретный момент времени в обществе идеологический «мэйнстрим» достаточно хорошо позволяют отслеживать динамику политических ценностей военнослужащих во времени.

Согласно еще одной исследовательской позиции политические идеалы, как и политические нормы, можно отнести к основным формам проявления политических ценностей. При этом политический идеал может быть определен и как совершенный образец политической действительности, и как высшая цель политической деятельности. В политическом идеале выражена позиция субъекта в отношении к политической действительности, который оценивает ее с высоты должного в рамках осуществленного политического выбора. А политические нормы понимаются прежде всего как определенные предписания политического поведения и политического участия в политическом процессе. Функционирование политических норм обусловлено потребностью в упорядочении политических отношений в целом. При этом некоторые психологи, ссылаясь на труды Ч. Мориса, К. Клахона, М. Рокича обосновывают ошибочность понимания ценностей как порождений сознания и аргументируют необходимость различать собственно ценности и рефлексивные ценностные представления, присутствующие в сознании; последние не вполне соответствуют реально значимым ценностям [11].

В нашем случае можно рассматривать данную теоретическую трактовку как отправную методологическую точку для исследования политического идеала в сознании военнослужащих. Не исключено, что сам образ идеального общественно-политического устройства не является универсальным для всех военнослужащих. Кроме того, такой образ, вероятнее всего, с течением времени эволюционирует. Тем не менее сам процесс эволюции подобного ценностного идеала и различные аспекты его формирования и распространения в военной среде – актуальные исследовательские проблемы. Ведь именно абстрактный и часто даже не осознаваемый или критически осмысленный идеал «форматирует» инструментальные политические ценности военнослужащих, выступает матрицей их электорального поведения и выбора жизненных траекторий после окончания срока действительной военной службы.

Представляется важным разграничение понятий «ценность» и «оценка». Мы согласны с данными Н.М. Медведевым определениями понятий «ценность» и «оценка». «Ценностями являются объекты материальной и духовной деятельности людей, обладающие общественно полезными свойствами и характеристиками, благодаря которым они могут удовлетворять разнообразные по-

требности людей. Что касается оценки, то последняя может быть определена как деятельность, связанная с дифференциацией явлений и предметов внешнего мира в соответствии с потребностями, интересами, целями и идеалами субъекта деятельности, то есть с некоторыми его ценностями» [12, с. 9]. Далее, исходя из вопроса о критерии ценностей, он выделил объективный и общезначимый критерий, связав существование ценностей с интересами субъекта. В вопросе о возможности объективных критериев ценностей ученый предлагает различать собственно ценности и ценностные представления людей, которые не всегда совпадают, связывая ценностные представления с осознанием людьми своих ценностей и влияния на осознание разных факторов и условий. Следовательно, при оценке какого-либо явления необходимо учитывать его соответствие и согласованность с личным, групповым, корпоративным и общечеловеческим интересом, противоречие аспектов общественной жизни, устоявшиеся представления об истине, о добре, красоте и справедливости.

Выводы Н.М. Медведева представляются интересными и для нашего исследования, так как раскрывают еще один значимый аспект исследования трансформации политических ценностей военнослужащих. Этот аспект заключается во взаимосвязи ценностных ориентаций военных людей от условий их материального существования и статусного уровня их социальной группы в обществе. Иными словами, политические ценности формируются в том числе и под воздействием уровня материального достатка военнослужащих, условий их быта, отношения к людям в погонах со стороны окружающих и прочего. Следовательно, изменения данных условий влекут за собой и ценностную трансформацию.

Политические ценности – это предпочтительное признание субъектами политики (индивидами, группами, классами, нациями) значимости тех или иных явлений, процессов и норм политической жизни, закрепленные их социально-политическим опытом. Они мотивируют, направляют и обосновывают развитие субъектов политики, отражают состояние, потребности и перспективы развития общества, его основных социальных групп. К числу основных политических ценностей относятся: права человека, характер, принципы и формы политического устройства и развития общества, его политических институтов, идей, участие личности в политике, выражение и реализация ее интересов, культура политики и другие.

Система политических ценностей образует в обществе стержень политической культуры, которая оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступает важнейшим мотиватором политического поведения социальных общностей, лидеров, элит. Нашей целью как раз и является изучение тех явлений, процессов и норм политической жизни, которые представляются военнослужащим наиболее принципиальными и значимыми при ориентации в мире политики. Совокупность политических ценностей, несомненно, определяет специфику политической культуры военных. С учетом особой роли армии в нашей истории и современности, политическая культура военнослужащих – важная составная часть общенациональной политической культуры.

Библиографический список

1. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. № 1.
2. Латин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5.
3. Тихонова Н.Е. Мировоззренческие ценности и политический процесс в России // Общественные науки и современность. 1996. № 4.
4. Бондаренко О.В. Ценностный мир россиян: аксиология самобытного общественного развития. Ростов н/Д, 1998.
5. Ментальность россиян: Специфика сознания больших групп населения. М., 1997.
6. Иванов В.Н., Назаров М.М. Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования // Социально-политический журнал. 1998. № 2.
7. Назаров М.М. Политические ценности и политический процесс. М., 1995.
8. Политология: энциклопедический словарь. М., 1993.
9. Политический менталитет: методологические проблемы исследования. М., 1999.
10. Казан М.С. Философская теория ценности. СПб., 1995.
11. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании // Психологическое обозрение. 1998. № 1.
12. Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен. Ставрополь, 1995.

I.V. Makeeva

A Contribution of the German Community Representatives to Forming Cultural Environment of the City of Vladivostok

The role of the German community in forming the cultural environment in Vladivostok is shown. Cultural studies pattern of studying a city (on the level of archetypes) is applied. The activity of the historical figures that made a significant contribution to the development of new Eastern territories of Russian Empire is described.

Key words and word-combinations: Vladivostok, cultural environment, German community.

Показана роль немецкого сообщества в формировании культурной среды Владивостока. Применена культурологическая схема изучения города (на уровне архетипов). Освещена деятельность исторических личностей, внесших существенный вклад в развитие новых восточных территорий Российской Империи.

Ключевые слова и словосочетания: Владивосток, культурная среда, немецкое сообщество.

УДК 008

ББК Ч111+ТЗ(2Рос-4При+2Влад)-7

И.В. Макеева

**ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
НЕМЕЦКОГО СООБЩЕСТВА
В ФОРМИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
ВЛАДИВОСТОКА**

Характерной чертой исторической и современной культурной среды Владивостока является толерантное, компромиссное отношение к инородным влияниям, их постепенное и довольно естественное вхождение в «текст» города. Это направление в Дальневосточном регионе было заложено на начальном этапе, когда население города складывалось из разнородных потоков переселенцев, прибывавших преимущественно из центральных районов России.

В период освоения Сибири и Дальнего Востока урбанизация этого региона происходила экстенсивно. Административное указание, подкрепленное статистическими данными, переводило новые поселения в разряд городов. Однако мгновенное возникновение городской культуры на огромных пространствах азиатской части страны было невозможно. Создание культурной среды молодых городов, таких как Владивосток (ему только 149 лет), базируется на воспроизводстве культуры «мест выхода» переселенцев.

Прибывая во Владивосток, многие удивляются его европейскому облику и почти полному отсутствию признаков восточной культуры, несмотря на географическое положение города, находящегося на границе со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Обозревая пройденный Владивостоком путь, авторы иллюстрированного сборника «Азиатская Россия» еще в 1914 г. писали: «Наконец чисто европейским портовым городом представляется русская твердыня на берегах Восточного океана – Владивосток, не без основания называемый Тихоокеанским Константинополем... В архитектурном отношении многие городские постройки могут удовлетворить самого строгого ценителя. Густая телефонная сеть, электрический трамвай, замощенные большей частью улицы, электрическое освещение, богатые магазины, несколько театров, садов, памятники адмиралам Невельскому и Завойко... – все это напоминает столицу» [1, с. 312].

Культурная среда Владивостока возникла в результате перенесения культурной матрицы переселенцев в иные территориальные границы. Для изучения и описания ее специфики воспользуемся понятием фрактальности, пришедшим в науку в середине 1970-х годов благодаря теории Б. Мандельброта, определившего фрактал как структуру, состоящую из частей, которые в каком-то смысле подобны целому [2]. Важнейшее свойство *фракталов* – самоподобие. В религии фрактальность очевидна, ведь человек создан по образу и подобию Бога. В культуре фрактальность выражается в структурном изоморфизме феноменов самых различных уровней. Примечательно, что фрактальное развитие отражает общероссийскую тенденцию существования культуры в целом.

История развития Владивостока тесно связана с представителями немецкого сообщества, среди которых можно выделить российских потомков выходцев из германских княжеств и собственно германских подданных. Условия существования российского общества того периода позволяли им сохранять немецкую идентичность. В нашем исследовании мы ставим задачу выявить вклад представителей немецкого сообщества в формирование культурной среды Владивостока на начальном этапе его развития. Ее можно решить путем применения культурологической схемы анализа города (на уровне культурных архетипов).

Многие из древнейших представлений о городе, зафиксированные в структуре и композиции, в мифологии, так или иначе прослеживаются в образах города последующих эпох и в связи с этим считаются архетипическими. Мы предполагаем наличие в городской среде некоторых смыслов, формирующихся в ходе истории и закрепляющихся за отдельными элементами городской среды. Этот контекст придает особое значение социальному проектированию в городских образах.

Важной деталью является то, что город моделирует божественный, а значит,

космический порядок в противоположность находящемуся под ним и вокруг него хаосу. Отсюда возникает особое значение границы города, возведения *крепости*, являющейся медиатором на стыке двух миров. В этом контексте отметим, что геополитическое положение Владивостока требовало ускоренного превращения военного поста в развитый центр российской государственности. Об этом свидетельствует само имя города – Владей Востоком.

Активность немцев на Дальнем Востоке была естественным продолжением процессов, характерных для «материнской культуры», то есть культуры центральных областей России. Из истории известно, насколько сильное влияние оказывали уроженцы немецких княжеств на процессы становления и развития Российского государства, начиная с XVIII в. Культурная среда Владивостока, создававшегося как военно-морская база государства на берегу Тихого океана, во многом формировалась военными, исследователями и предпринимателями, значительную часть которых составляли этнические немцы.

Исходя из положений теории фрактальности, отметим, что Владивосток, в силу специфики географического положения, истории своего создания и факторов, повлиявших на его развитие, может быть встроен в культурологический ряд «корабль – военный форпост – город – государство». Проводя аналогию, можно выразить символ Владивостока следующим образом: корабль, подходя к чужим берегам, наблюдая и контактируя с иной культурой, сохраняет исконные культурные ценности, сформировавшиеся и взятые на борт в родном порту.

В образе создания города имеет смысл говорить об архетипе космогонии. Это подтверждается и наличием почти во всех древних мифологиях так называемого *культурного героя*, *героя-цивилизатора* (или же нескольких), которые, как правило, фигурируют в роли создателей городов [3, с. 665]. Отметим подобный сюжет и в отношении Владивостока. Начало городу было положено 20 июня (2 июля) 1860 г., когда корабль «Маньчжур», которым командовал капитан-лейтенант А.К. Шефнер, высадил на северный берег бухты Золотой Рог солдат третьей роты 4-го Восточносибирского линейного батальона, которые и основали пост Владивосток. Для охраны поста 5 августа 1860 г. в бухту прибыл винтовой корвет «Гридень» под командой лейтенанта Г.Х. Эгершельда. По его распоряжению были описаны бухта Золотой Рог и пролив Босфор Восточный, проведены съемка берега и зимние промеры глубин. В последующие годы значительный объем работ по описанию и созданию карты береговой черты Приморья был проделан лейтенантом Э.В. Майделем [4]. Нетрудно заметить, что в роли героев-цивилизаторов выступали российские немцы.

Дальнейшему развитию города способствовал П.Ф. фон Унтербергер, занимавший в 1866–74-х годах пост Приамурского генерал-губернатора, а в 1888–97-х годах – военного губернатора Приморской области. За годы его руководства Приморская область совершила качественный скачок в своем развитии: построены Уссурийская железная дорога, торговый порт, доки, начата добыча угля в Сучане, основано множество новых населенных пунктов, развивались лесные и рыбные промыслы, торговля, судоходство. Для Владивостока он предложил, ввиду невозможности быстрой переброски подкреплений из Восточной Сибири, доставить современные артиллерийские системы, создать укрепле-

ния, обеспечивающие круговую оборону города, и сосредоточить в нем достаточное количество войск с соответствующими запасами. Таким образом, именно П. Ф. фон Унтербергеру принадлежит идея создания во Владивостоке *крепости*, в чем нашла реализацию архетипическая идея границы города. Комендантом построенной Владивостокской крепости стал генерал-лейтенант В.А. Ирман.

Третьего июня 1897 г. П. Ф. фон Унтербергер был избран почетным гражданином Владивостока. За свои книги о Приамурском крае он получил медаль Русского географического общества, что стало признанием его исследовательских заслуг.

В числе пионеров (героев-цивилизаторов) освоения Дальнего Востока необходимо назвать выходцев из Германии Г. Кунста и Г. Альберса. На деньги их фирмы во Владивостоке был построен бассейн, содержался оленарий, субсидировались многие проекты по развитию города. В 1894 г. Кунст и Альберс привезли немецкого инженера, построившего первую во Владивостоке электростанцию. Первые телефоны были также установлены в магазине и офисе фирмы «Кунст и Альберс». Это был настоящий универмаг современного типа с 18 отделами. По тем временам здание было оснащено самой передовой техникой: лифтом, паровым отоплением, электрическим освещением. Такой уровень технической оснащенности был уникальным не только для Дальнего Востока, но и для территории Сибири и Урала. По сути дела, максимальное использование достижений технического прогресса отражает характерную черту немецкой ментальности – перфекционизм, стремление к созданию наилучших образцов.

Долгое время основным смыслопорождающим элементом городской среды являлся *храм*. При этом храм, как вместилище высшей сакральности, определял смысл поселения. Исследователи подчеркивают семантическое единство цепочки «храм – город», проводя параллель между строительством храма и возникновением города. В связи с этим представляется важным рассмотреть аспект исторического оформления религиозной жизни города.

Более 2/3 немцев, проживавших на территории России, принадлежали к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию. Даже в условиях освоения новых территорий лютеране стремились к объединению в общины. Опираясь на протестантскую этику, основу которой составляет добросовестный профессиональный труд, честность, скромность в быту, строгость нравов, рациональное и бережливое скапливание состояния [5], немцам удалось оставить заметный след в истории формирования культурной религиозной среды Владивостока.

Интересные данные содержатся в составленном в январе 1924 г. на основании имевшихся в архиве Владивостокской лютеранской церкви записей Председателем Церковного Совета Николаем фон Гауфе (N. von Hauffe) кратком рукописном историческом обзоре возникновения на Дальнем Востоке лютеранского прихода и его деятельности. Уже через два года после получения Владивостоком статуса города (1875), 25 апреля 1877 г. была основана лютеранская церковь. Именно тогда контр-адмирал Густав фон Эрдман, бывший в 1875–80-х годах военным губернатором Приморской области и главным командиром портов Тихого океана, обратился в консисторию лютеранской церкви в Санкт-Петербурге за официальным признанием лютеранской общины во Владивостоке. Таким

образом контр-адмирал стал одним из ее основателей. Впоследствии, в 1880 г., сюда был призван Карл-Август Румпетер, который проработал в городе пастором 32 года (с 1880 по 1912 г.), и был похоронен на морском кладбище во Владивостоке [6].

В 1874 г. во Владивосток из Гамбурга прибыл двадцатилетний А. Даттан, нанятый Г. Альберсом на должность бухгалтера торгового дома «Кунст и Альберс», и ставший со временем третьим человеком в руководстве фирмы. Свою коммерческую деятельность он успешно сочетал с общественно-благотворительной работой и меценатством. Значительные средства выделялись им на строительство и содержание Восточного института – первого высшего учебного заведения на Дальнем Востоке. На средства предпринимателя в Восточном институте была сооружена церковь.

Будучи лютеранином, А. Даттан принимал активное участие и в православном храмостроительстве: в 1889 г. во Владивостоке было завершено сооружение Успенского собора, длившееся трудно и долго из-за нехватки материальных средств. После окончания работ 10 апреля 1890 г. строительный комитет выразил глубокую благодарность А. Даттану «за пожертвование для храма и неоднократные содействия, оказываемые при построении храма» [7, с.108].

Немецкое культурное влияние во Владивостоке заметно и в светской архитектуре. В 1902 г. из Гамбурга был приглашен Георг Юнгхендель – выпускник Берлинского архитектурного института, прославившийся работой над Берлинским кафедральным собором. Во Владивосток он приехал проектировать административное здание Торгового дома «Кунст и Альберс». Архитектор планировал вернуться в Германию, выполнив этот единичный заказ, но остался до 1929 г. Когда другие предприниматели увидели прекрасное здание, выстроенное в новом архитектурном стиле, Г. Юнгхендель получил много заказов. Он создал свою проектную контору и даже принял русское подданство. Архитектором были построены около десятка красивейших зданий, которые во многом определили облик исторического центра Владивостока: центральное торговое здание фирмы «Кунст и Альберс», Пушкинский театр, лютеранская церковь, выполненная в стиле позднеготической архитектуры Северной Европы, здание Дальневосточного пароходства, особняк Бриннеров, магазины «Бр. Синкевич» и купца Л. Скидельского [8].

Архитектурный облик всего исторического центра Владивостока, сформировавшийся под сильным влиянием традиций германской школы модерна, заставляет вспоминать образ Петербурга, расположенного на крайней западной точке России, на берегу Балтийского моря. Европейский вид города позволил китайским кинематографистам в 2004 г. провести во Владивостоке «натурные съемки» предвоенного Гамбурга.

В топонимии Владивостока закреплены имена первооткрывателей и исследователей, среди которых немало представителей немецкого сообщества, что отражено в названиях улиц: Дегеровская (в честь морского офицера К.К. Дегера), Лютеранская, Пфейферовская (по имени главного врача военного госпиталя Б.Б. Пфейфера), Капитана Шефнера. На карте города есть мыс Эгершельда, мыс Шкота.

Рассмотрев влияние немецкого сообщества на формирование культурной среды Владивостока, можно сделать вывод, что подданные Германии и российские немцы, консолидированные принадлежностью к евангелическо-лютеранской церкви, оказали значительное влияние на формирование архитектурного облика города и выполнили роль «героя-цивилизатора», «строителя храма и крепости», что и подразумевает архетипическая основа любого города.

Библиографический список

1. Азиатская Россия. Т. 1: Люди и порядки за Уралом / Изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914.
2. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М., 2002.
3. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.
4. Хисамутдинов А.А. Из Владивостокской старины. Владивосток, 2001.
5. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
6. Исторический обзор возникновения на Дальнем Востоке лютеранского прихода и его деятельности, составленного Председателем Церковного Совета Николаем фон Гауфе (N. von Hauffe) в январе 1924 г. [рукопись].
7. Мизь Н.Г., Сидоров А.Ю., Турмов Г.П. Русский немец Адольф Васильевич Даттан. Владивосток, 2002.
8. Обертас В.А. Архитектура старого Владивостока // Архитектурное наследство. № 28. Национальное своеобразие зодчества народов СССР. М., 1980.

A.I. Nikitenko
**Cultural Integration Policy:
Russia and CIS in the Context
of the European Union Experience**

The ways and the stages of the European cultural integration are analyzed. The possibilities of the application of the European Union integration experience in the sphere of cultural relations in Russia and the CIS countries are shown.

Key words and word-combinations: culture, integration, cooperation.

Анализируются пути и этапы культурной интеграции Европы. Показаны возможности использования опыта интеграции Европейского Союза в сфере культурных отношений применительно к России и СНГ.

Ключевые слова и словосочетания: культура, интеграция, сотрудничество.

УДК 327.7/8
ББК Ф4(4)60

А.И. Никитенко

ПОЛИТИКА КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РОССИЯ И СНГ В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Сегодня многие говорят о феномене прогрессирующей Европейской интеграции, которую сравнивают с локомотивом, движущимся к единой и понятной всем пассажирам цели. Глобальный масштаб и радикальность происходящих изменений позволяют выдвинуть предположение о формировании новой системы международных отношений. Параллельно с данными процессами подвер-

гаются пересмотру многие положения и явления, характеризующие саму систему международных отношений, в том числе и один из базовых принципов – суверенитет современного государства.

Вполне очевидно, что мы имеем дело с новой Европой, которая, несмотря на тяжелое наследие прошлых раздоров и войн, сегодня объединяется в единый союз, принимая все новых и новых членов. При этом необходимо подчеркнуть, что процесс создания единой Европы набирал обороты постепенно. В самом начале интеграции речь шла преимущественно лишь об экономическом и техническом сотрудничестве, но уже в последующие десятилетия было начато строительство политического союза, устанавливалось сотрудничество в таких областях, как социальная политика, правосудие, внешняя политика. Сейчас разговор идет уже о выстраивании общей политики обороны и безопасности. При этом не остается без внимания такой аспект европейской интеграции, как сближение в сфере культурных отношений и традиций.

Несомненно, в условиях распада биполярной системы Европа представляет собой новый полюс, центр силы, влияющий на политические, экономические и культурные процессы не только на континенте, но и во всем мире. Сегодня Евросоюз оказался на перекрестке путей своего дальнейшего развития, подошел к моменту перехода в новый этап существования. При этом необходимо учесть, что все происходящие в рамках Евросоюза процессы, по мнению исследователей, являются единственными в своем роде и, следовательно, уникальными с точки зрения практической реализации интеграционных идей. Наше исследование посвящено анализу культурной интеграции Евросоюза, определению возможности и необходимости адаптации Россией некоторого европейского опыта применительно к пространству СНГ.

Отметим, что европейская культура складывалась под воздействием различного рода религиозных и философских течений; она формировалась и продолжает развиваться под воздействием целого ряда культур разных цивилизаций и стран. К началу XX в. Западная Европа в своем культурно-духовном измерении подошла как полицентрическая множественность культур в их единстве и многообразии. Исторически и географически целостная Европа оставалась разнородной культурно. Она представляла собой комплекс, мозаику различных национальных и религиозных культур, складывавшихся в различные эпохи в ходе исторических контактов, завоеваний, движения народов.

После Второй мировой войны в Западной Европе начался процесс интеграции, в котором не последнюю роль играл и культурный аспект. Так, например, в ст. 5, принятой правительствами государств-членов Совета Европы в 1954 г. европейской культурной Конвенции, отмечалось: «Каждая договаривающаяся сторона рассматривает передаваемые под ее контроль предметы, имеющие культурную ценность для Европы, в качестве неотъемлемой части общего культурного достояния Европы, принимает надлежащие меры для их защиты и обеспечивает разумный доступ к ним» [1]. Таким образом, в странах ЕС берется курс на приумножение ценностей европейской культуры и принятие соответствующих мер для защиты культурного наследия Европы. И все-таки необходимо отметить, что политики стран, входящих в Европейское сообщество, с момента

его создания больше внимания уделяли интеграции экономических структур, нежели национальных культур. Послевоенный период характеризовался почти полным отсутствием правовых норм, регулирующих культурное пространство Европейского экономического сообщества. Проблемам культуры в Договоре была посвящена только лишь одна статья.

Тем не менее необходимость формирования общего культурного пространства ЕС диктовалась объективными обстоятельствами: при определенной экономической интеграции ощущалась духовная разобщенность Европы. Вероятно поэтому один из инициаторов создания объединенной Европы Ж. Монэ отмечал, что если бы предстояло вновь переосмысливать весь европейский интеграционный процесс, то он посоветовал бы начать с культуры, а не с угля и стали [2]. Этим он подчеркивал, что на этапе формирования единых для Западной Европы структур именно общеевропейские культурные ценности могли бы сыграть роль одного из объединительных факторов. В дальнейшем это начинают осознавать и другие политики.

Начиная с 1969 г., общие культурные обязательства стали одной из частых тем саммитов глав государств и правительств государств-членов Совета Европы. Основной целью этих встреч являлось укрепление в сознании граждан Европейского сообщества идеи европейской интеграции через объединение культурного наследия. Необходимо отметить, что данная идея воспринималась не всеми государствами Европейского сообщества однозначно (некоторые страны видели в этом угрозу своей национальной культуре, поглощению ее некой субкультурой Европейского сообщества). Вследствие этого настоятельно требовалась политика медленного и осторожного продвижения вперед в области интеграции культуры, и, что необходимо отметить, до сегодняшнего дня это требование является приоритетным.

Важным моментом в политике формирования европейской культуры явилось утверждение в 1974 г. Европарламентом решения об «охране европейского культурного достояния». В дальнейшем, уже на встрече министров культуры Европейского сообщества, выдвигались многочисленные инициативы в рассматриваемой области, создавались пилотные проекты.

В 1983 г. на сессии Европейского совета в Штутгарте принимается Декларация, в которой провозглашается идея «формирования европейского сознания». В документе содержался призыв к государствам-членам Европейского сообщества об усилении культурных связей и определении сфер совместных культурных мероприятий под эгидой ЕС. Это послужило началом регулярного проведения общеевропейских культурных мероприятий. Традиционной, например, является программа «Культурная столица Европы», цель которой – освещение богатства и разнообразия европейских культур и их общих черт для широкого ознакомления с ними граждан Европы.

Необходимо подчеркнуть, что данная программа получила среди государств Евросоюза широкую поддержку и проводится ежегодно. Кстати, похожие мероприятия Еврокомиссия проводит и в России. Ежегодно под эгидой Единой Европы проходит так называемый «День Европы» (причем каждый год – в разных городах России), в рамках которого осуществляется показ европейского

кино, проводятся языковые курсы, дебаты, художественные выставки и множество других мероприятий. Таким образом европейцы демонстрируют России свое видение культуры.

Обобщая изложенное, можно с полной уверенностью констатировать, что, начиная с 1987 г., решение вопросов культурного общения переместилось с периферии интересов Европейского сообщества на ведущие позиции. В законодательных актах Европейского сообщества начинают превалировать тенденции к «гуманизации» и «культуризации» экономики, что характеризуется преобладанием качественных критериев и оценок культурного (гуманитарного, культурологического или культурно-ценностного) характера, в отличие от доминировавших ранее сугубо экономических (пространственно-энергетических и количественных) показателей. В 1994 г. Европейской Комиссией в программе, разработанной в целях культурного развития и сотрудничества, выделяется три привилегированных направления:

культурные достояния – программа «Калейдоскоп» (об учреждении программы поддержки художественной и культурной деятельности, имеющей общеевропейское значение) [3, с. 20–26];

книга и чтение – программа «Ариан» (об учреждении программы поддержки, включая переводы в сфере книгоиздательства и чтения) [4, с. 26];

художественное творчество – программа «Рафаэль» (об учреждении программы действий Сообщества в сфере культурного наследия) [5, с. 31].

Необходимо подчеркнуть, что наиболее эффективному осуществлению данных программ способствовала реализация Директивы «Телевидение без границ», принятой Советом ЕС 3 октября 1989 г. и скорректированной Европарламентом и Советом ЕС 30 июня 1997 г. [6, с. 60–70]. В основу ее положены два принципа: с одной стороны, свободный прием телевизионных передач, с другой – единое законодательство для их распространителей. Именно в соответствии с данной Директивой впервые на межнациональном уровне были введены некоторые запреты на рекламу отдельных видов продукции, в частности, полный запрет на рекламу табака, а также ограничения в рекламе алкоголя и некоторых видов медицинской продукции. К сожалению, в Российской Федерации введён лишь частичный запрет на рекламу алкогольной и табачной продукции, основной же пакет документов находится в стадии разработки. Хотя, по нашему мнению, пример Евросоюза для нас показателен и может быть взят за основу.

В 1997 г. в Директиву были внесены дополнения, касающиеся усиления защиты прав несовершеннолетних, а также укреплено «право ответа» для тех, чья репутация была задета сообщавшимися по телевидению заявлениями. Директива способствовала созданию единого рынка в данном секторе, утверждению условий свободного движения телевизионных программ по территории Евросоюза. К сожалению, анализ показывает, что в рамках СНГ еще не созданы действенные правовые и технические механизмы формирования единого информационного пространства. В первом случае это вызвано нежеланием отдельных государств (например, Таджикистана и Туркменистана) входить в единое информационное поле, во втором – мешает техническая отсталость коммуникационной инфраструктуры.

В целях поддержки европейской киноиндустрии 10 июля 1995 г. решением Совета ЕС была выработана программа «Медиа», направленная на создание единого рынка киноиндустрии Европы [7, с. 25–32]. В рамках новой программы «Медиа-2007» Брюссель добивается удвоения числа европейских фильмов, выходящих в прокат уже за пределами Евросоюза. Кроме того, эти средства целенаправленно используются для развития новых аудиовизуальных технологий в странах, недавно присоединившихся к Евросоюзу.

Необходимо подчеркнуть, что Евросоюз постоянно расширяет свои возможности в сфере общеевропейской культуры. И это расширение в соответствии с п. 1 ст. 151 раздела XII «Культура» Договора о Европейском Союзе «содействует расцвету культур государств-членов, уважая их национальное и региональное разнообразие и в то же время выдвигая на первый план общее культурное наследие» [8]. Таким образом, в действующем сегодня законодательстве Евросоюза нормативно закреплён «культурный подход» как принцип культурной интеграции, при котором даже при преследовании сугубо экономических целей Сообщество и государства в него входящие должны учитывать культурные аспекты других государств в международных отношениях, их совокупное влияние и воздействие на культуру Евросоюза в целом.

Сегодня политика культурной интеграции Европы направлена на создание унифицированных общеевропейских учебников по истории, географии, литературе и искусству, не говоря уже о пособиях по естественнонаучным предметам. И это вовсе не подразумевает «конец национальных школ», ибо каждая страна имеет возможность дополнять учебные программы и пособия по собственному усмотрению. Более того, открываются широкие возможности для интеграции национального и европейского сознания, расширяется система ценностей, осваиваемых юными европейцами. Культурная европейская интеграция – это и шаги к единым общеевропейским библиотечным, архивным, музейным фондам. Конечно, французское, например, культурное достояние остаётся французским, но общеевропейские электронные каталоги многократно расширяют и интенсифицируют континентальное обращение культурных ценностей, делают сокровища Европы более доступными для всех европейцев.

В заключение отметим, что один из основателей Евросоюза – статс-секретарь МИД ФРГ В. Хальштейн сравнил Европейское сообщество с трехступенчатой ракетой, первая ступень которой – торговля, вторая – экономика, третья – политика. Однако в дальнейшем это высказывание подверглось уточнению: если ЕС – трехступенчатая ракета, то культура в сегодняшней концепции европейской интеграции – не еще одна, четвертая, ступень, а существенная сторона («измерение») каждой из других ступеней.

Проводя параллель в сфере культурной интеграции Евросоюза и Содружества Независимых Государств, отметим, что 15 мая 1992 г. в Ташкенте было заключено Соглашение в области культуры, которое стало основой интеграции и в области библиотечного дела стран СНГ. В 1995 г. был сформирован Совет по культурному сотрудничеству участников СНГ, деятельность которого юридически закреплена целой совокупностью регламентирующих документов, включая соглашение о сотрудничестве в области культуры. В 1996 г. был образован

Институт стран СНГ, основными задачами которого являются: комплексное изучение процессов, происходящих в новых государствах – бывших союзных республиках, прогнозирование их внутренней и внешней политики, разработка моделей не только экономической, политической, военной, но и культурной интеграции на постсоветском пространстве. На Московском саммите глав государств СНГ 8 мая 2005 г. была подписана Декларация о гуманитарном сотрудничестве государств-участников СНГ, а уже в августе 2005 г. было заключено Соглашение о гуманитарном сотрудничестве, которое включает в себя проблематику науки, культуры, образования, информации, туризма, спорта, а также принципы и формы взаимодействия на перспективу.

Положительным моментом интеграции СНГ (и в то же время – отличительным моментом от процесса интеграции Евросообщества, где, несмотря на предпринятые выше меры, «культурное пространство» постоянно увеличивается за счет притока мигрантов и временами становится скорее разобщенным, чем единым и унифицированным) является то, что народы государств Содружества находятся все еще в одном культурно-смысловом пространстве; говорят по-прежнему на одном языке и понимают друг друга; опираются на общее культурно-историческое наследие. Поэтому в создавшейся ситуации именно Россия, по нашему мнению, способна и должна стать инициатором интеграционных процессов, так как именно она являлась и является олицетворением единства многонационального евразийского пространства. Для российской цивилизации типичны ценности общности, соборности, коллективный характер общественного сознания, взаимосвязанность людей множеством разнообразных отношений.

Однако положительный опыт интеграционных процессов в Европе показывает, что основная роль в культурной интеграции стран-участниц СНГ должна принадлежать наднациональным органам, опирающимся на политику взаимовыгодных равноправных партнерских отношений. При этом важно выделить основополагающий момент: для более успешной политической, социально-экономической и культурной интеграции источники права СНГ должны иметь высшую юридическую силу по сравнению с законодательством отдельных государств. Опыт объединившейся Европы свидетельствует в пользу такого подхода.

Библиографический список

1. European Cultural Convention, Paris, 19.12.1954. URL: www.bologna.gov.tr/documents/files/TemelBelgeler/541219Cultural_con_018.pdf
2. *Kuhn M.* Une politique culturelle européenne entravée? // Europe Infos. 2004. № 58.
3. Décision n° 719/96/CE du Parlement européen et du Conseil, du 29 mars 1996, établissant un programme de soutien aux activités artistiques et culturelles de dimension européenne (Kaléidoscope) // JO L 99 du 20.04.1996.
4. Décision n° 2085/97/CE du Parlement européen et du Conseil du 6 octobre 1997 établissant un programme de soutien, comprenant la traduction, dans le domaine du livre et de la lecture (Ariane) // JO L 291 du 24.10.1997.
5. Décision n° 2228/97/CE du Parlement européen et du Conseil du 13 octobre 1997 établissant un programme d'action communautaire dans le domaine du patrimoine culturel (programme Raphaël) // JO L 305 du 08.11.1997.

6. Directive 89/552/CEE du Conseil, du 3 octobre 1989, et Directive 97/36/CE du Parlement Européen et du Conseil du 30 juin 1997 visant à la coordination de certaines dispositions législatives, réglementaires et administratives des États membres relatives à l'exercice d'activités de radiodiffusion télévisuelle // JO L 202 du 30.07.1997.

7. Décision 95/563/CE du Conseil, du 10 juillet 1995, portant sur la mise en oeuvre d'un programme d'encouragement au développement et à la distribution des oeuvres audiovisuelles européennes // JO L 321 du 30.12.1995.

8. Traité de Maastricht sur l'Union Européenne. URL: [http:// europa.eu/scadplus/treaties/maastricht_fr.htm](http://europa.eu/scadplus/treaties/maastricht_fr.htm)

**T.M. Stadler
Metaphysical Grounds
of Public Opinion
as Forms of Mass Culture**

The author investigates public opinion as a form of mass culture using the method of social phenomenology. This approach is based on explication of public opinion in particular and of mass culture on the whole as a product of construction of consciousness in natural aim.

Key words and word-combinations: constructs of consciousness in natural aim, inter-subjectivity, typical perception.

Методом социальной феноменологии исследуется общественное мнение в качестве формы массовой культуры. Подход основан на экспликации общественного мнения в частности и массовой культуры в целом как продукта конституирования сознания в естественной установке.

Ключевые слова и словосочетания: конструкты сознания в естественной установке, интерсубъективность, типическое восприятие.

УДК 1:316
ББК 71.05

Т.М. Стадлер

**МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
КАК ФОРМЫ
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Общественное мнение в российском социально-философском дискурсе понимается и трактуется по-разному: как способ проявления массового (неспециализированного) сознания, как массовая «аудитория политики», как форма массовой культуры. Последнее, с нашей точки зрения, является интегративным выражением данного социального явления, включающим в себя все другие приведенные определения.

Исходя из этого положения, мы ставим задачу рассмотрения общественного мнения в контексте формообразований культуры, которая исследуется нами с применением теоретико-методических принципов и идей социальной феноменологии А. Шюца. Заданный методологический ракурс исследования дает возможность вскрыть метафизические основания возникновения и «жизни» общественного мнения как социокультурного феномена, конструируемого интенциями созна-

ния в естественной установке. В связи с названной задачей, представляется необходимым выделить основные теоретические положения социальной феноменологии в целях применения их в качестве методического инструментария, применяемого в социологическом анализе феномена общественного мнения.

С позиций социальной феноменологии, социокультурная реальность есть продукт конституирующей работы сознания человека, находящегося в определенной установке. Термин «установка», понимается в данном случае как «устойчивый стиль волевой жизни с заданностью устремлений, конечных целей и усилий творчества» [1, с. 111]. Относительно массовой культуры и ее формы – общественного мнения такой установкой, безусловно, является непроблематизированное, «естественное» (в отличие от теоретического, специально сконструированного) отношение человека к миру, который воспринимается как единственная и разделяемая со всеми другими людьми intersубъективная реальность.

Intersубъективность в качестве базового способа взаимодействия людей обеспечивает единство социального опыта, или «запаса наличного знания», характерного для определенной исторической эпохи. Этим социальным по происхождению и в большей мере социально одобренным знанием актуально или потенциально владеет каждый член общества, так как естественная установка, обладающая практической значимостью, является первой по отношению ко всем остальным установкам сознания (теоретической, религиозной, художественной и прочим). Именно поэтому общественное мнение как демонстрация intersубъективности социального опыта с необходимостью конституируется и обуславливается естественной установкой.

Исходя из данной теоретической посылки, следует выявить мыслительные конструкты и идеализации естественной установки сознания, которые «работают» при формировании общественного мнения. Их реализация, на наш взгляд, представляет тот механизм, который формирует и определяет функционирование общественного мнения. Это происходит потому, что данные конструкты составляют важнейшую часть «запаса наличного знания» и позволяют человеку в повседневности осуществлять непротиворечивое отношение с миром и партнерами по коммуникативному взаимодействию.

Первым и основополагающим конструктом сознания в естественной установке, согласно положениям А. Шюца, является типическое восприятие всех форм проявления окружающей реальности. Это означает, что в обыденности человек имеет дело не с уникальными предметами и явлениями, а с типами предметов и явлений. В данных типах в процессе своей деятельности он выделяет определенные элементы, которые на время становятся для него релевантными.

В своем непроблематизированном отношении к миру «естественный» человек воспринимает общество с его культурными, социальными институтами, его структурой и порядком как привычный и объективный тип существования. Потому следует ожидать, что мнение о его конкретных ситуациях не будет выходить за рамки типического и общего суждения, почерпнутого в наличном запасе знания. А поскольку естественная установка имеет сугубо практическую направленность, то индивид обрывает свои усилия по толкованию какого-либо

явления или действия, происходящего в социальной реальности на уровне ясности, обусловленной его практическими интересами. Все это не может не формировать поверхностное отношение индивида к социальным явлениям, которое неизбежно проявляется в характере общественного мнения.

Такой же неизбежной чертой общественного мнения является его изменчивость, так как типическое восприятие реальности определяется вариативностью выделяемых в качестве релевантных на определенный момент элементов горизонта опыта, что может быть обусловлено простым сдвигом внимания. Однако существуют и другие причины изменчивости – определенные препоны, существующие в восприятии индивидами как социальной, так всякой другой информации. Одним из таких препятствий является процесс приостановления и возобновления освоения информации.

Указанное обстоятельство имеет определенные следствия в непрерывной мыслительной деятельности человека, существующего одновременно в разных уровнях реальности (например, в реальности привычной работы и реальности событий социальной жизни). В результате перерыв в отложении оценочного суждения может принести с собой новую информацию, которая «обнаруживает ранее неизвестные аспекты известного или импликации ранее неизвестных горизонтов, несовместимые с тем, что казалось достаточно хорошо установленным» [2, с. 334]. В данном случае происходит не обращение к прерванной теме, а полное возобновление процесса. Такая ситуация очень вероятна, так как за время перерыва предыдущие значения «размываются» последующими восприятиями. Это ведет к изменению суждения, в том числе и оценочного мнения в отношении той или иной социальной темы, которое выражается в формуле «тогда я думал, а теперь – знаю».

Следующий конструкт сознания в естественной установке, обуславливающей возможность общественного мнения, – «взаимности перспектив». Его суть состоит в порождении уверенности, что люди, относящиеся к общей социокультурной реальности, воспринимают эту реальность одинаковым образом. Это должно означать: в типических обстоятельствах они с неизбежностью поступят типическим образом, выделяя при этом в качестве релевантных одни и те же элементы действительности. Как следствие, при реализации этого конструкта преодолевается уникальность биографически определенной ситуаций, в которой оказывается индивид, он становится «каждым», «одним из многих» и руководствуется типичными и общими для всех целями и методами.

Конструкт «взаимности перспектив», таким образом, обеспечивает единство общественного мнения. Так, обычные люди нередко стремятся увидеть в общественном или государственном деятеле «себе подобного». Поэтому для них становится привлекательным его образ как семьянина, как человека, который сталкивается с теми же проблемами, что и простой человек, и вынужден их преодолевать. За такого «человека, как я» в избирательной компании он отдаст свой голос. И так поступит большое количество избирателей. Однако одновременно с этим практический и в большой мере прагматический интерес естественной установки, разделяемой «всеми» и присущей «всем» позволяет вырабатывать своеобразные «формулы», в которых, например, легко оправдывается

коррупцированное поведение народного избранника. Несомненно, что такой формулой является поговорка «Быть у воды и не напиться...».

Другая форма типического конструирования обыденного мышления происходит из того обстоятельства, что знание имеет социальное происхождение. Она также выражает тенденцию сознания в естественной установке к преодолению индивидуальных особенностей мировосприятия, поскольку обеспечивает возможность создавать типические образцы «согласно системе релевантностей, соответствующей унифицированной точке зрения «мы-группы» [2, с. 132].

Примеры «работы» конструкта сознания этого типа легко обнаруживаются в российской действительности. Исторические, культурные и общественные реалии выработали в представлении «нашего» человека убеждение, что «в этой жизни лучше не высовываться». Данная практическая установка, как следствие, выливается в пассивность в публичном высказывании оценочного мнения в отношении общественно значимых вопросов и в «согласованное» поведение на основе формулы «инициатива наказуема».

Еще одним родовым конструктом естественной установки сознания является конструкт «социальное распределение знания». Он означает, что обычные люди в своем существовании учитывают то обстоятельство, что члены общества обладают различным запасом и качеством знания. Одни владеют знанием актуально и ясно, другие же лишь потенциально и с меньшей ясностью. Поэтому для «естественного» человека важно знать, кто является экспертом в определенной области и кто может дать необходимую информацию, которая воспринимается как рецепт для будущей деятельности.

Реализация данного конструкта приводит к тому, что люди широко пользуются рецептами «экспертов», задающих определенную направленность транслируемой информации, придающих ей ту или иную ценностную коннотацию. По сути, мы и здесь имеем дело с тем же типизированием, только осуществленным человеком, признаваемым в качестве эксперта в данной области. Это обстоятельство тоже имеет свою формулу высказывания: «он умный, он знает» или «жираф большой, ему видней».

Однако не только перечисленные конструкты сознания имеют базовое значение в формировании и функционировании общественного мнения. Огромную роль здесь играет и способ структурирования социального мира в типизациях естественной установки сознания. Данный способ основывается на том, что в центре мира находится индивид, который состоит во множественных типах связей с окружающими его людьми. Во временном измерении эти связующие отношения представляют собой отношения с современниками, предшественниками и преемниками.

В рамках настоящей темы нас больше интересует «естественный» стиль взаимодействия индивидов со своими современниками. С ними индивид может вступать в отношения, имеющие определенную шкалу градации: от ситуации непосредственного общения «лицом к лицу», когда схватываются индивидуальные качества партнера, до восприятия удаленного другого только как идеального типа, лишённого каких-либо личностных признаков и выступающего в качестве анонима – исполнителя типичных ролей и функций.

Анонимированный образ современника – это всего лишь схема, которая нередко подвергается институционализации в качестве стандарта. Таким стандартизированным является и образ современника, представляющего собой функции какого либо общественного и властного института: судья, прокурор, милиционер, президент.

К данному типу человека-функции в обыденном, «естественном» мышлении может быть проявлено двоякое отношение. С одной стороны, благодаря конструкту взаимности перспектив он выступает таким же, как «все». И может наполняться какими-либо гипотетическими или сформированными на основании определенной информации личностными качествами. В таком случае общественное мнение принимает его «за своего», за человека, который принадлежит общей для всех системе релевантностей, и вырабатывает к нему, скажем, чувство понимания, симпатии. С другой стороны, этот индивидуальный тип современника может выступать и как «голая» функция, которая не наполнена никакими определенными субъективными качествами. Тогда отношение к нему строится не только на его типическом восприятии, но и на самотипизации. Каждый из членов такого типизирующего взаимодействия в принципе обезличен, и само их взаимодействие расценивается лишь как возможность достижения определенного результата, не более. Это отношение к анонимному современнику находит свое выражение в общественном мнении, оно получает форму пассивного ожидания осуществления или неосуществления предполагаемого результата. И от разрешения данной ситуации зависит характер общественного мнения, его оценки и суждения.

Оба варианта являются типизированными, привычными конструктами, потому они взаимозаменяемы. Данное обстоятельство также становится одной из причин изменчивости общественного мнения.

В XX в. сложилась устойчивая тенденция видеть в общественном мнении предмет безграничных возможностей манипуляции, прежде всего при помощи средств массовой информации. Однако в настоящее время данное представление утрачивает свою безусловность. Наряду с очевидным влиянием СМИ на широкую аудиторию наблюдается и совершенно обратный результат. На наш взгляд, причиной данного положения также становится реализация индивидами в отношении конституированных СМИ сообщений конструктов естественной установки сознания.

Возможность показать это качество взаимодействия «убеждающих сообщений» и широкой аудитории дают нам примеры, приведенные В.С. Комаровским [3, с. 114–115]. Одним из них становится ситуация, когда сообщения СМИ, резко противостоящие позиции широкой аудитории, просто игнорируются. Данное обстоятельство, безусловно, может быть объяснено тем, что мнение аудитории на данный момент охватывает релевантный ей материал, привлеченный из горизонта общего для всех опыта. Все же остальные элементы типизированного «запаса наличного знания» рассматриваются как нерелевантные и «естественно» отбрасываются.

Таким образом, видно, что механизм формирования и функционирования общественного мнения как формы массовой культуры непосредственно связан

с «естественным способом» конструирования действительности, с тем стилем культуротворчества, который присущ естественной установке сознания. На основании этого можно сделать вывод, что как отдельные проявления форм массовой культуры, так и она в целом имеют своим метафизическим базисом интенциональные особенности существования сознания. Это, в свою очередь, выступает обоснованием положения о неизбежности массовых форм социокультурной жизни, каковыми выступают массовая культура и ее форма – общественное мнение.

Библиографический список

1. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Кризис европейского человечества и философия. Новочеркасск, 1994.
2. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М., 2004.
3. Комаровский В.С. Государственная служба и СМИ. Воронеж, 2003.

E.S. Egorova
Multicultural Discourse
in Advertising
from the Perspective
of Post-Modernity Ideas of the Text

The author analyzes advertising within the limits of multicultural discourse. As multicultural determinants of advertising the author identifies the factors defining culture: the mentality, culture language, symbols, text, socio-code, values and norms, life style.

Key words and word-combinations: multicultural discourse, advertising, the principle of distinction or difference, multicultural convergence.

Анализируется рекламная деятельность в рамках мультикультурного дискурса. В качестве мультикультурных детерминант рекламы выделяются факторы, определяющие культуру: ментальность, язык культуры, символы, текст, социокод, ценностные установки и нормы, жизненный стиль.

Ключевые слова и словосочетания: мультикультурный дискурс, реклама, принцип различия или различия, мультикультурная конвергенция.

УДК 303.446
 ББК 71.0

Е.С. Егорова

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В РЕКЛАМЕ С ПОЗИЦИЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ИДЕЙ ТЕКСТА

Процессы глобализации, в которые все мы оказываемся вовлеченными «не только в качестве субъекта, но и в качестве объекта» [1, с. 56], все больше охватывают различные сферы нашей жизни. Изменения экономического характера, социокультурного контекста, а также уровня развития средств массовой информации и масштабов формируемого ими информационного поля задают основные тенденции развития современного рекламного пространства.

Реклама стала не только «двигателем торговли», но и существенным фактором социальной жизни. Не случайно исследования характера социальных отношений, склады-

вающихся и развивающихся под воздействием рекламы, представляют интерес для социологов. Прежде всего это происходит потому, что реклама ориентирует общество на потребление материальных, духовных и социальных благ, транслирует устанавливаемые ею ценности. Необходимо отметить, что ценностная составляющая, сформулированная в интересах лучшего восприятия потребителем, является «вторым дном» рекламного сообщения, которое, минуя критическое осмысление, проникает непосредственно в систему ценностных оценок и формирует нужное отношение граждан к рекламируемому продукту.

Как социальный феномен, реклама «не только представляет реальность, она отражает то измерение социальной жизни, которое разделяется всеми членами дискурсивного сообщества и называется культурой» [2, с. 275]. Реклама – одна из форм культурной коммуникации, пытающаяся перевести качество товаров и услуг на язык потребителей, то есть на язык нужд и потребностей покупателей.

Одной из характеристик рекламы является ее направленность на достижение коммерческих целей, выражающаяся в продвижении рекламируемого объекта на рынке. Оказывая коммуникативное воздействие на целевую аудиторию через актуализацию и удерживание объекта (товара, услуги, бренда) в сознании адресатов, расширение знания о нем, улучшение мнение адресатов о рекламируемом объекте, убеждение в его преимуществах реклама способствует достижению этих целей.

Мультикультурный дискурс в рекламе как отражение социальной реальности не терпит однополярности и однообразия. В своем содержании современная реклама отражает социокультурные параметры информационного общества и последствия глобализации. Полагаем, что актуальность социологического анализа мультикультурного дискурса в рекламе как формы коммуникации определяется усилением роли межкультурных взаимодействий под воздействием глобальной интеграции [3].

Используя постмодернистское толкование вторичного дискурса рекламы, представленное в работах У. Эко, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Г. Дебора, можно сделать следующий вывод: *интегративная функция рекламы реализуется вследствие доступности рекламы и ее восприятия индивидом как свидетельства общественной заботы о его потребностях*. Однако необходимо учитывать, что серьезными тенденциями, проявляющимися при вступлении в эпоху глобализации, являются «ослабление национально-государственного фактора; превращение гражданского общества в единственную форму упорядочения глобального социума» [4, с. 35]. Под воздействием рекламных сюжетов чувство принадлежности конкретного индивида к глобальному мировому сообществу постепенно приводит к взаимопроникновению и смешению культур.

Не случайным является тот факт, что успешность рекламной информации во многом определяется правильным выбором разноуровневых языковых средств, употребление которых зависит от вида рекламного текста и его мультикультурной компетенции. Мультикультурный характер дискурса современной рекламы способствует признанию и утверждению культурного плюрализма в конкретном (национальном) социуме, создает дополнительные возможности защитить

его культурное многообразие. Особенно это актуально для российского общества, находящегося в процессе контркультурного размежевания.

Рассматривая аспекты мультикультурного дискурса в рекламе, необходимо понимать, что Россия и страны СНГ достаточно сильно отличаются от развитых капиталистических государств по образу жизни, ментальности, по культурным и ценностным установкам. Не следует бездумно копировать зарубежные находки, поскольку далеко не все подходы, популярные в Европе и США, могут эффективно использоваться в России. Рекламные приемы и форматы, построенные на ситуативных моделях, актуальных для одной (западной) культуры и ментальности, могут отрицательно сказаться при их применении в других странах. Например, рекламный ролик, в котором молодой человек дарит цветы своей возлюбленной, показанный в Китае, не будет там адекватно понят и может вызвать негативную общественную реакцию, так как многие китайцы ассоциируют цветы с похоронами.

Обращаясь к анализу воплощения методологических установок постмодернизма в рекламе, отметим присутствие в рекламных сюжетах широкомасштабной симуляции. Здесь налицо игра в коммуникацию со стороны масс-медиа, когда теряется смысл как таковой – адресат, на который направлена информация, сам становится автором этого сообщения.

В мире рекламы с середины XX в. преобладает использование уже известных рекламных изделий. Эта форма основывается на актуализации в сознании человека архетипа заботливой матери: реклама угадывает все желания своих зрителей и сразу же предлагает им презентуемый товар как решение проблемы. В результате зритель чувствует себя счастливым. «Человек идет в магазин не за вещами, а за этим счастьем» [5, с. 164]. Происходит постоянное, устойчивое вытеснение личности потребляемыми вещами. Так внедряется модель существования, в основу которой положены вещи-знаки, представляющие собой симулякры-подделки и отсылающие к несуществующей идеальной реальности.

Используя в качестве методологии исследования эвристический потенциал теории текста постмодерна, представленной в работах М. Фуко, Ж. Дерриды, Р. Барта, Ж. Делёза, Ж. Бодрийяра, У. Эко, можно прийти к следующему заключению.

1. Реклама как «прикладная семиотика» основывается на принципиальном отличии визуальных (иконических) знаков от знаков вербальных. «На практике мы все равно сначала читаем изображение, а не текст, его сформировавший: роль текста в конечном счете сводится к тому, чтобы заставить нас выбрать одно из возможных означаемых» [6, с. 306]. Сегодня экран становится наиболее удобным и эффективным средством передачи в первую очередь визуальной информации. Наша цивилизация постепенно становится image-oriented – ориентированной на зрительный образ, где телеэкрану отводится роль так называемого окна в мир, явленному в образах. Следовательно, культурным пространством приобретает именно визуальное измерение.

Тем не менее, учитывая тот факт, что содержание рекламной информации и ее восприятие основывается на принципе взаимопроникновения и смешения культур (как носителя, так и потребителя рекламной продукции), следует осо-

бо отметить, что *некоторые одинаковые знаки в разных культурах имеют различное значение*. В связи с этим мы имеем различное понимание содержания рекламного сообщения как результат конкретного влияния культуры на рекламу и рекламную деятельность. Например, болгары делают иные движения для «да» и «нет», чем мы. Вьетнамцы в знак дружбы могут держать вашу руку в своей, в их культурной традиции этот знак не означает никаких сексуальных ассоциаций, как это было бы интерпретировано европейской культурой. В некоторых культурах обычным элементом переговоров становится подарок, который западной культурой четко рассматривается в качестве взятки.

Каждая культура определяется своей логикой, своим представлением о мире: то, что значимо в одной культуре, может быть несущественным в другой. При создании сюжетов рекламных роликов необходимо иметь представления и о различных взглядах у разных народов на невербальную коммуникацию. Так, в рамках «черной» культуры Америки считается, что только невоспитанный человек смотрит прямо в глаза учителю. Кроме того, существуют различные варианты проявления обиды (особенной походкой, движением глаз), в то время как представитель иной культуры даже не заметит этого. В разных культурах могут быть разные приоритеты в еде, одежде, имеются различия в толковании времени и пространства. Так, европейцы опоздание рассматривают как провинность (вспомним: «Точность – вежливость королей»), а в Латинской Америке и в некоторых странах Азии опоздание никого не удивит, точность же кому-то, например арабам, может показаться обидной. «Арабы рассматривают питье кофе и разговоры как “делание чего-то”, в то время как американцы смотрят на это как на пустую трату времени» [7, с. 9]. Эфиопы полагают: то, что делается долго – очень престижное дело (чем дольше – тем лучше). Латиноамериканец и европеец в обычной обстановке разговаривают на разном расстоянии: латиноамериканец будет стараться сократить дистанцию с европейцем, у европейца же может возникнуть ощущение вторжения в его личное пространство.

Таким образом, продвигая определенный товар на рынке другой страны, необходимо понимать, что успех данного мероприятия будет в первую очередь зависеть от комплексной оценки предлагаемого товара в соответствии со структурой потребительских предпочтений, характерной для данной культуры. Эти предпочтения напрямую связаны с утвердившимися в конкретной стране стилем жизни, ценностными нормами и ритуалами. Другими словами, аспекты мультикультурной компетенции необходимо учитывать в международной практике при формировании рекламных сообщений.

2. Современная реклама основывается на принципе *различия* или *различА-ния*, когда означаемое не совпадает с означающим. В своей работе «Археология знания» Мишель Фуко говорит о дискурсе следующее: «Два человека могут одновременно сказать одно и то же, но, поскольку их двое, будет два разных акта высказывания» [8, с. 102]. Тот же принцип действует и в рекламной деятельности: выдвижение идеи различия в противовес понятию тождества. Иначе говоря, в содержании рекламного ролика зрителю предоставляется возможность самостоятельно выискивать смысл, заложенный в рекламе. Зритель становится со-автором рекламного текста. С учетом этого мультикультурный

дискурс в рекламе приобретает особую остроту. В качестве формирующих мультикультурных детерминант рекламы можно выделить следующие факторы, определяющие культуру: ментальность, язык культуры, символы, текст, социокод, ценностные установки и нормы, жизненный стиль.

3. В настоящее время, когда информация становится определяющим фактором, достаточно трудно выделить в общем потоке какую-то главенствующую информацию, которая к тому же организовывала бы всю остальную.

В связи с частым использованием английских сленгов, синтаксических калек национальные языки засоряются и деградируют до уровня смеси с английским. Сегодня процесс «вестернизации» проявляется во всем его многообразии (образование странных слов и словосочетаний, стандартизация норм поведения, предпочтения, вкусов) под общие «западные» шаблоны, навязываемые глобальными СМИ. Наблюдается устойчивая тенденция к глобальной унификации – «повсюду одно и то же». Сферы потребления, досуга и развлечений, массовая культура постепенно приобретают во всем мире все более гомогенный характер.

Однако мы считаем, что *при отсутствии так называемого культурного центра в современной российской рекламе этим центром может выступить мультикультурный дискурс, обязательно при этом ориентированный на обеспечение национальной безопасности*. В качестве отрицательного примера приведем ситуацию, когда на протяжении всего 2008 г., объявленного в России «Годом Семьи», по телевидению бесконечно крутились ролики, рекламирующие продукцию соков «Моя семья». Содержание данных рекламных сюжетов открыто пропагандировало неуважительное отношение в главе семейства, как к любителю горячительных напитков. Исподволь устойчиво навязывалась мысль о второстепенной роли отца в семье, а ведь испокон веков на Руси отношение к статусу мужчины в доме было иным. Анализируя содержание рекламы «Моя семья» с этой точки зрения, можно говорить о культивации современным обществом иных культурных ценностей, идущих вразрез традициям народов России. Данная ситуация трудно сопоставляется с реализацией ценностных аспектов национальных проектов российского государства, например, «Молодая семья». К тому же, просмотр данного ролика жителями зарубежья будет способствовать восприятию России как страны, характерной чертой которой является пьянство и отрицательное отношение членов семейства к ее главе.

Не случайным является тот факт, что в условиях глобализации далеко не второстепенное значение приобретает поиск духовных основ единения общества, оснований единства многосторонней российской культуры, осмысление уже имеющихся социокультурных идеалов и разработка новых. Не следует забывать, что исторически базисом российского этноса является русский народ, духовно, культурно и материально вобравший в себя черты многих народов, проживающих на территории России, и сам оказавший влияние на другие культуры.

Россия как цивилизационная целостность является сложным синтезом двух культурных потоков и традиций (западной и восточной), ее основополагающими чертами являются стремление к абсолютному, борьба добра со злом, стрем-

ление к общинному быту, соборности. Очевидно, что вопрос мультикультурного дискурса в российской рекламе становится достаточно серьезным и сложным, ведь реклама представляет собой специфический элемент в системе факторов культурно-исторического процесса, тем более что *мультикультурные особенности рекламы представляют собой отдельные составляющие различных культур, определяющие основные особенности рекламной деятельности в условиях мультикультурной конвергенции.*

Библиографический список

1. *Момджян К.Х.* Несколько слов о глобализации // Личность. Культура. Общество. М., 2003. Т. 5.
2. *Кочетова Л.А.* Категория интертекстуальности в рекламном дискурсе постмодернизма // Человек в современных философских концепциях. Волгоград, 2007. Т. 4.
3. *Федюнина С.М.* Социокультурные различия и взаимодействия: концептуальные основания мультикультуризма в современном обществе. Саратов, 2006.
4. Глобализация. Модернизация. Россия: «круглый стол» // Политические исследования. М., 2004. № 2.
5. *Пелевин В.* Generation «П». М., 1999.
6. *Барт Р.* Риторика образов // Семиотика. Поэтика: избр. работы. М., 1989.
7. *Copeland L., Grigas L.* Going international. N.Y., 1985.
8. *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

M.E. Yeliutina
Book Review:
Volunteering: Values,
Organization, Technologies:
Collected Scientific Articles. –
Saratov: Volga Region Academy
for Civil Service named after
P.A. Stolypin, 2008. – 108 p.

УДК 658.114.8
ББК 65.278+87.7

М.Э. Елютина

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Добровольчество: ценности,
организация, технологии:
сборник научных статей. –
Саратов: Поволжская академия
государственной службы
имени П.А. Столыпина, 2008. –
108 с.**

Добровольчество кажется химерой, когда мы слышим сообщения об одиноких пожилых людях и социальных сиротах, о пожарах в домах для престарелых, об отсутствии своевременной медицинской помощи тем, кто борется за свою жизнь, а также об истреблении культурных артефактов. Порой забывается, что не только государство выступает субъектом, осуществляющим социальную защиту, но и общественные структуры, на добровольной основе работающие в этом направлении. Добровольчество существует как реальная социальная практика, постепенно складывающаяся в современной России.

Поводом поразмышлять над этим феноменом явилась рецензируемая книга (ответственный редактор профессор С.Ю. Наумов, ответственный секретарь профессор Т.П. Фо-

кина). Она представляет собой сборник научных статей, подготовленных по итогам работы секции «Добровольчество в системе социальной поддержки» в рамках Международной научно-практической конференции «Механизмы взаимодействия общества, государства и бизнеса: социальное партнерство в действии» (г. Саратов, Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина, апрель 2008 г.).

Авторский коллектив составили ученые разных поколений, а также аспиранты и студенты. В большинстве статей теоретический анализ совмещен с выборочными социологическими исследованиями. Это дало возможность сконцентрироваться не столько на том, что декларируется в публичном дискурсе, сколько на сложившихся практиках участия и помощи. Установка на фиксацию действительности, живую практику мотивируется авторами задачей поиска оптимальных версий развития добровольчества в современном российском и региональном контексте.

Структура сборника логична и последовательна. В первом разделе определяется круг ключевых понятий, обсуждаются вопросы содержательного наполнения фокусной категории «добровольчество». Оно определяется как «неформальная деятельность по оказанию живой помощи, обретающей при определенных условиях *этнос служения и спасения*». Авторами показано, как меняется содержательное насыщение данной категории в разных социальных контекстах, а также в периоды трансформации общества из одного состояния в другое.

В статье Т. Фокиной обосновывается непреходящая ценность и значимость добровольческой деятельности. По мнению автора, добровольчество выступает противовесом соблазну заполнить досуг разрушающими личность неформальными занятиями. Оно является живым опытом соучастия, направленным на «Другого», может быть интерпретировано как развитие культурных традиций, как опыт исполнения религиозных заповедей. Способы аргументации автора, акцентировка существенных сторон добровольчества стали методологическими ориентирами избранной для анализа темы.

Добровольчество как феномен, убеждают И. Началова и И. Климова, имеет архетипические корни, укоренено в русской культуре, неразрывно связано с ее ценностями, нормами, социальными правилами. Действительно, добровольная помощь издавна является в нашей стране несущей основой повседневной жизни. И в настоящее время практики добровольной помощи сохраняются на микроуровне, о чем свидетельствуют, например, помощь и поддержка «чистых реципиентов помощи», людей с низкой наделенностью различными ресурсами, попадающих в социальный круг исключенных.

Сборник передает биение пульса социальной мысли, направленной на устранение препятствий для расширения добровольчества, поиск ресурсов активизации волонтерской деятельности. Этому посвящен второй раздел сборника. Авторами представлены различные сферы реализации практик участия и помощи: бедность и страдание, артефакты культуры, природа, пространство города, семиосфера, идентичность, «места памяти и силы». Подчеркивается тот факт, что практики добровольческой деятельности интегрированы в систему гражданского общества.

По мнению авторов, социальная реакция на добровольческую деятельность во многом зависит от того, в какой форме практики участия и помощи преподносятся обществу средствами массовой коммуникации. Здесь необходимы коррективы информационных стратегий в направлении положительной «пропаганды» волонтерской деятельности. Важно, что в качестве ресурса развития и распространения добровольческой деятельности рассматривается PR-поддержка, которая помогает «сшить» разрывы в социальной ткани, обеспечить встречу добровольцев и терпящих бедствие как партнеров, а не только как опекаемых и опекаемых.

Авторы показывают, что стимулировать добровольческую деятельность можно, рекрутируя добровольцев из разных возрастных групп, что вовлеченность в добровольчество не имеет религиозных, расовых, возрастных, гендерных и даже политических границ. Участие в межпоколенных интеракциях, справедливо отмечает Э. Наберушкина, помогает людям пожилого возраста избавиться от ощущения своей бесполезности и одиночества, низкой самооценки, решить проблемы занятости, способствует восстановлению связей с семьей и обществом.

Важно отметить, что в сборнике обращается особое внимание на такой ресурс добровольческой деятельности, как обучающие и проектные программы повышения социальной компетентности добровольцев. Их тематика зависит от целей и наличия профессиональных и компетентных преподавателей и тренеров. Показано также, что активизация добровольческой деятельности неразрывно связана с созданием инфраструктуры организованного добровольчества, позволяющей объединить усилия общественных благотворительных организаций, социально ответственного бизнеса, государственных социальных учреждений, ученых и волонтеров.

Задача развития волонтерского движения среди молодежи, замечает Н. Ловцова, уже вошла в концепцию государственной молодежной политики, но решается медленно, поскольку не создано структур, позволяющих молодым людям подключиться к волонтерскому движению. В связи с этим Е. Налимова анализирует и позитивно оценивает деятельность Межвузовского добровольческого центра, созданного в рамках реализации социального проекта «Добровольчество в системе социальной поддержки малоимущих и социально незащищенных семей».

В третьем разделе речь идет о современных технологиях волонтерской работы, о ее проектном измерении. Особое внимание уделяется как превентивным (предупредительным) мероприятиям, так и мерам, направленным на «исправление» ситуации. Авторы выделяют и анализируют конкретные методы работы из фонда современных инновационных технологий социальной помощи.

Основательный сравнительный анализ различных моделей работы с клиентом проводится Т. Черняевой. Особое внимание уделяется инвайронментальной модели, учитывающей значимость всех элементов окружения клиента (социальные связи, материальное положение, особенности культуры). В настоящее время для организации деятельности добровольцев наиболее эффективной, по мнению этого автора, является модель, центрированная на семье, предпола-

гающая мобилизацию ее ресурсов и расширение возможностей. Речь идет о механизмах, с помощью которых реализуется фэйтинговое направление добровольческой помощи, связанное с освобождением от трясинных форм мышления, схематизмов поведения, от инерции повседневности. В данном аспекте весьма органично рассмотрение Г. Андреевой эффекта применения сберегающих здоровье технологий, нацеленных на профилактические мероприятия по неотложным состояниям и на сохранение здорового образа жизни.

Книга завершается приложением в виде серии снимков, фиксирующих различные события добровольческой деятельности. Это, по сути дела, «визуальная история» разработанной версии добровольчества.

Авторами представлена актуальная и серьезная работа. Формат сборника предопределил тот факт, что были затронуты лишь некоторые аспекты указанной проблематики. Но, несмотря на это, изучение частных случаев, анализ результатов апробированной на практике обучающей и проектной программы «Повышение социальной компетентности добровольчества» позволили глубоко вникнуть в суть ключевых проблем современного добровольчества, определить узкие места в организации и реализации добровольческой деятельности, разработать рекомендации по их совершенствованию.

Книга, изданная тиражом всего лишь 300 экземпляров, несомненно, заслуживает более широкого распространения. Она может быть полезна преподавателям, исследователям, студентам, изучающим современные социальные процессы в российском обществе, а также тем, кто реально включен в разные формы живого добровольчества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатов Александр Сергеевич – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Саратовского военного института Внутренних войск МВД РФ
e-mail: urojminova@yandex.ru

Антошина Наталья Михайловна – кандидат юридических наук, начальник департамента по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе аппарата полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе
e-mail: natalyant@yandex.ru

Бурганова Зульфия Асгатовна – старший преподаватель кафедры государственного управления социально-экономическими процессами Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан
e-mail: burganov-r@mail.ru

Ванцев Алексей Михайлович – преподаватель кафедры тыла ВМФ Вольского высшего военного училища тыла (военный институт), соискатель кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: vancevam@mail.ru

Даренков Михаил Юрьевич – аспирант кафедры экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: DarenkoffMYu@mail.ru

Егорова Елена Сергеевна – старший преподаватель кафедры судебной риторики и профессиональной коммуникации Саратовского юридического института адвокатуры
e-mail: egorovalena2008@yandex.ru

Елютина Марина Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Саратовского государственного технического университета
e-mail: elutina133@mail.ru

Ермакова Юлия Витальевна – экономист Головного расчетно-кассового центра Главного Управления Центрального Банка России по Саратовской области, аспирант кафедры социологии регионов Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: ermakov@net.kaskad-tv.ru

Зюков Андрей Михайлович – кандидат юридических наук, докторант кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань)
email: zukov@front.ru

Кара Алла Петровна – заместитель директора по учебно-методической работе Армавирского филиала Краснодарского краевого института дополнительного профессионального педагогического образования, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Армавирского филиала Российского государственного социального университета
e-mail: alla_kara@mail.ru

Кармаева Татьяна Вячеславовна – ассистент кафедры немецкого языка Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, соискатель кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: 50879@inbox.ru

Королев Юрий Анатольевич – преподаватель кафедры гражданского права и процесса Саратовского юридического института МВД РФ
e-mail: king7574@yandex.ru

Кремез Анатолий Сергеевич – начальник факультета тыла пограничной службы ФСБ России Вольского высшего военного училища тыла (военный институт)
e-mail: askremez@rambler.ru

Кузин Валерий Николаевич – кандидат юридических наук, профессор кафедры истории российской государственности и права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: kafhistory@pags.ru

Лурье Дмитрий Алексеевич – аспирант кафедры социальных коммуникаций Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: dima066@ya.ru

Макеева Ирина Викторовна – доцент, заведующий кафедрой германской филологии Дальневосточного государственного технического университета (г. Владивосток)
e-mail: i-ra@inbox.ru

Мамонов Михаил Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: mamonovmv@mail.ru

Маркина Ирина Владимировна – аспирант кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета
e-mail: i_markina85@mail.ru

Митякина Инна Владимировна – помощник мирового судьи судебного участка № 11 г. Энгельса Саратовской области, соискатель кафедры административного права и государственного строительства Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: fildan@yandex.ru

Михайлова Елена Сергеевна – аспирант кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: mishustik.05@mail.ru

Мошкунов Константин Владимирович – директор ОАО «Лакос», соискатель кафедры социологии регионов Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: moshkv@mail.ru

Мурзова Марина Александровна – заместитель генерального директора по правовым вопросам ЗАО «ФОН» (Республика Татарстан, г. Казань), соискатель кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: dekvvo@pags.ru

Никитенко Алексей Иванович – аспирант кафедры геополитики и внешнеполитической деятельности Орловской региональной академии государственной службы
e-mail: lexon2000@mail.ru

Нуртазин Мирбулат Суйеуович – заведующий секретариатом Дисциплинарного совета Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы в Западно-Казахстанской области (г. Уральск, Республика Казахстан)
e-mail: nurtazinds@mail.ru

Овчинников Максим Андреевич – аспирант кафедры криминалистического обеспечения расследования преступлений Саратовской государственной академии права
e-mail: ovchmax@mail.ru

Осипова Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: osipova-@mail.ru

Остапец Оксана Григорьевна – аспирант кафедры административного права и государственного строительства Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail uchpags@balakovo.info

Падиарова Анна Борисовна – аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Ульяновского государственного технического университета
e-mail: proriv2005@mail.ru

Пастушенко Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной академии права
e-mail: Pastushenko.dmit@mail.ru

Песегова Екатерина Витальевна – кандидат экономических наук, старший государственный инспектор управления лицензирования и аккредитации в образовании Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (г. Москва)
e-mail: c_pesegova@mail.ru

Потапова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: lookoie@rambler.ru

Самарина Ирина Сергеевна – ассистент кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)
e-mail: irinka17@mail.ru

Семенова Аза Владимировна – преподаватель кафедры административного права и государственного строительства Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: aza-sem@mail.ru

Смирнова Кристина Сергеевна – аспирант кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: kris-tinasm@yandex.ru

Стадлер Татьяна Михайловна – старший преподаватель кафедры истории и культуры Ульяновского государственного технического университета
e-mail: t.stadler@ulstu.ru

Стельмах Анастасия Михайловна – аспирант кафедры социальных и гуманитарных наук Балаковского института техники, технологии и управления – филиала Саратовского государственного технического университета
e-mail: saud@mail.ru

Тарская Ольга Юрьевна – кандидат социологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: tarskayaolga@mail.ru

Труханов Виктор Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: sambur_sar@rambler.ru

Филатова Анна Валериевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и государственного строительства Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: fildan@yandex.ru

Чарина Анна Михайловна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления (г. Сыктывкар)
e-mail: Charina_am@mail.ru

Чикарина Людмила Яковлевна – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, ректор Кубанского института международного предпринимательства и менеджмента (г. Краснодар)
e-mail: chikarina@yandex.ru

Шумилова Татьяна Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: dekvvo@pags.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander Sergeevich Alpatov – post-graduate student of the Saratov Military Institute for the Internal Troops of the Interior Ministry of the Russian Federation
e-mail: ypojminova@yandex.ru

Natalya Mikhailovna Antoshina – Candidate of Jurisprudence, head of the department of personnel matters, state awards and public service of the plenipotentiary of the President of the Russian Federation in Privolzhsky federal district
e-mail: natalyant@yandex.ru

Zulfia Asgatovna Burganova – senior lecturer of the State Administration of Socio-Economic Processes Chair, Public Administration Academy under the President of the Republic of Tatarstan
e-mail: burganov-r@mail.ru

Aleksey Mikhailovich Vantsev – lecturer of the Chair of the Rear of VMF and Naval Disciplines, Volsk Higher Military School of the Rear, competitor of the Political Sciences Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: vancevam@mail.ru

Mikhail Yurievich Darenkov – post-graduate student of the Economic Sociology Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: DarenkoffMYu@mail.ru

Elena Sergeevna Egorova – senior lecturer of the Judicial Rhetoric and Professional Communication Chair, Saratov Law Institute of Advocatory
e-mail: egorovalena2008@yandex.ru

Marina Eduardovna Yeliutina – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Sociology Chair, Saratov State Technical University
e-mail: elutina133@mail.ru

Julia Vitalievna Ermakova – economist of the Head Cash and Clearing Centre of the Central Administrative Board of the Central Bank of Russia in the Saratov Region, post-graduate student of the Sociology of Regions Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: ermakov@net.kaskad-tv.ru

Andrey Mikhailovich Zukov – Candidate of Law, working for doctor's degree of the Criminal Studies and Organization of Crime Prevention Chair, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan)
e-mail: zukov@front.ru

Alla Petrovna Kara – assistant director on educational work of the Armavir Regional Advanced Teacher-Training Institute, senior lecturer of the Social and Humanities Disciplines Chair, Armavir branch of the Russian State Social Institute
e-mail: alla_kara@mail.ru

Tatiana Vyacheslavovna Karmaeva – assistant of the German Language Chair, Balashov Institute of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, competitor for the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: 50879@inbox.ru

Yuri Anatolevich Korolev – assistant lecturer of the Constitutional and Municipal Law Chair, Saratov State University MVD RF
e-mail: king7574@yandex.ru

Anatoly Sergeevich Kremez – head of the Department of the Rear of the Border Service of the Russian Federal Security Service, Volsk Higher Military School of the Rear (Military Institute)
e-mail: askremez@rambler.ru

Valery Nikolaevich Kuzin – Candidate of Law, Professor of History of Russian Statehood and Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: kafhistory@pags.ru

Dmitry Alekseevich Lurie – post-graduate student of the Social Communication Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: dima066@ya.ru

Irina Victorovna Makeeva – Docent, head of the German Philology Chair, Far Eastern National Technical University (Vladivostok)
e-mail: i-ra@inbox.ru

Mikhail Viktorovich Mamonov – Candidate of Political Sciences, Docent of the Political Sciences Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: mamonovmv@mail.ru

Irina Vladimirovna Markina – post-graduate student of the Social Anthropology and Social Work Chair, Saratov State Technical University
e-mail: i_markina85@mail.ru

Inna Vladimirovna Mityakina – assistant to the world judge, judicial site № 11 cities of Engels, the Saratov area, competitor of the Administrative Law and State Building Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: fildan@yandex.ru

Elena Sergeevna Mihailova – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: mishustik.05@mail.ru

Konstantin Vladimirovich Moshkunov – director of OAO “Lakos”, competitor of the Sociology of Regions Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: moshkv@mail.ru

Marina Alexandrovna Murzova – Deputy General Director on Legal Issues, ZAO “FON” (Kazan, the Republic of Tatarstan), competitor of the Constitutional Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: dekvvo@pags.ru

Alexei Ivanovich Nikitenko – post-graduate student of the Geopolitics and Foreign Policy Chair, Orel Regional Academy of Civil Service
e-mail: lexon2000@mail.ru

Murbulat Suieuvovich Nurtazin – secretariat manager of the Disciplinary Council of the Agency of the Republic of Kazakhstan on Civil Service Affairs in West Kazakhstan Oblast (Uralsk, the Republic of Kazakhstan)
e-mail: nurtazinds@mail.ru

Maxim Andreevich Ovchinnikov – post-graduate student of the Criminalistic Support for Criminal Investigation Chair, Saratov State Law Academy
e-mail: ovchmax@mail.ru

Irina Nikolaevna Osipova – Candidate of Historical Sciences, Docent of the Public Administration Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: osipova-@mail.ru

Oksana Grigorievna Ostapets – post-graduate student of the Administrative Law and State Building Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail uchpags@balakovo.info

Anna Borisovna Padiarova – post-graduate student of the Political Studies, Sociology and Public Relations Chair, Ulyanovsk State Technical University
e-mail: proriv2005@mail.ru

Dmitry Sergeevich Pastushenko – post-graduate student of the Finance, Banking and Customs Law Chair, Saratov State Law Academy
e-mail: Pastushenko.dmit@mail.ru

Ekaterina Vitalievna Pesegova – Candidate of Economics, senior state controller of Education Licensing and Accreditation Department of Federal Service of Supervision in Education and Science (Moscow)
e-mail: c_pesegova@mail.ru

Olga Sergeevna Potapova – post-graduate student of the Economic Sociology Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: lookoie@rambler.ru

Irina Sergeevna Samarina – assistant of the Sociology Chair, South-Ural State University (Chelyabinsk)

e-mail: irinka17@mail.ru

Aza Vladimirovna Semenova – lecturer of the Administrative Law and State Building Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: aza-sem@mail.ru

Kristina Sergeevna Smirnova – post-graduate student of the Constitutional Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: kris-tinasm@yandex.ru

Tatiana Mikhailovna Stadler – senior lecturer of the History and Culture Chair, Ulyanovsk State Technical University

e-mail: t.stadler@ulstu.ru

Anastasia Mikhailovna Stelmakh – post-graduate student of the Social and Humanities Sciences Chair, Balakovo Institute of Technique, Technology and Management – the branch of the Saratov State Technical University

e-mail: saud@mail.ru

Olga Yurievna Tarskaya – Candidate of Sociological Sciences, Professor of Psychology and Pedagogies of Professional Work Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: tarskayaolga@mail.ru

Victor Alexandrovich Trukhanov – Doctor of Political Sciences, Professor of the Political Sciences Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: sambur_sar@rambler.ru

Anna Valerievna Filatova – Candidate of Law, Docent of the Administrative Law and State Building Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: fildan@yandex.ru

Anna Mikhailovna Charina – lecturer of the Public Administration Chair, Komi Republic Academy of Public Service and Administration (Syktyvkar)

e-mail: Charina_am@mail.ru

Ludmila Yakovlevna Chikarina – Candidate of Sociology, Head of the State and Municipal Administration Chair, Rector of the Kuban Institute of International Business and Management (Krasnodar)

e-mail: chikarina@yandex.ru

Tatiana Alexandrovna Shumilova – Candidate of Law, Docent of the Constitutional Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: dekvvo@pags.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Осипова И.Н.

К проблеме классификации управленческих взаимодействий
на государственной службе 4

Нуртазин М.С.

Проблемы формирования имиджа государственной службы 12

Антошина Н.М.

Организационно-правовые основы подготовки кадров
для органов государственного и муниципального управления:
инновационные формы и методы 17

Бурганова З.А.

Состояние и проблемы формирования морально-этических качеств студентов,
ориентированных на работу в государственных органах 21

Мамонов М.В.

Темпоральная структура ожиданий населения: основания классификации 26

Кузин В.Н.

К постановке проблемы продовольственной безопасности в СССР:
историко-правовой аспект 32

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

41

Труханов В.А.

Проблемы становления гражданского общества в современной России 41

Михайлова Е.С.

Механизмы взаимодействия политических партий и групп интересов
в аспекте теории социетальных размежеваний 45

Кремель А.С.

Особенности социальной ответственности российских политических партий 50

Королев Ю.А.

Информационные политические кампании в регионе:
манипулирование повесткой дня
(на примере Саратовской области) 55

Лурье Д.А.	Интернет и его роль в процессах демократизации российского общества и государства	60
Чарина А.М.	Идеология этнонациональных движений финно-угров: значение идейных конструктов для этнической элиты	65
Кармаева Т.В.	Развитие гражданской активности молодежи в Германии: современный опыт для России	70

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

77

Шумилова Т.А., Мурзова М.А.	Ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина: понятие и пределы	77
Семенова А.В.	Миграционные процессы в Российской Федерации: административно-правовое регулирование	83
Зюков А.М.	Реализация норм обычного права в регулировании жизни отдельных этнических групп: возможности и ограничения	88
Смирнова К.С.	Конституционно-правовые аспекты социальной поддержки многодетных семей: российский и зарубежный опыт	96
Митякина И.В.	Государственный контроль (надзор) в отношении саморегулируемых организаций: нормативно-правовое регулирование	101
Пастушенко Д.С.	Проблемы институционализации и правового статуса органа банковского надзора в Российской Федерации	106
Овчинников М.А.	О сущности легализации преступных доходов	111

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

116

Песегова Е.В.	Векторы социализации: миссия образования в пространстве российской истории	116
Тарская О.Ю.	Модернизация государственного управления военным образованием: концептуальная модель	121
Кара А.П.	Государственная политика в области культуры и образования в субъекте Федерации: опыт полиэтничного региона (на примере Краснодарского края)	126

Маркина И.В.

Практика фостерного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей
в системе профилактики социального сиротства 131

Стельмах А.М.

Репрезентация феномена гражданского брака в российской прессе 136

Падиарова А.Б.

Социальное неравенство в факторной модели здоровья молодых россиян 141

Самарина И.С.

Особенности формирования культурного капитала студенческой молодежи 147

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
РОССИИ**

153

Чикарина Л.Я.

Решение проблем социально-экономической адаптации населения
в контексте государственной социальной политики 153

Потапова О.С.

Современное состояние трудовых ресурсов как фактор,
тормозящий социально-экономическое развитие России 160

Даренков М.Ю.

Потребительная форма человеческого потенциала
современной проектно-ориентированной организации 165

Мошкунев К.В.

Социально-политические детерминанты предпринимательского риска
как фактор экономической безопасности 170

Филатова А.В.

Государственный контроль (надзор) в сфере предпринимательства:
совершенствование нормативно-правовой базы 175

Ермакова Ю.В.

Роль банковской системы современной России
в формировании потребительского поведения населения 181

Остапец О.Г.

Лицензирования предприятий российского транспортного комплекса:
правовое регулирование и административные барьеры 186

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА:
ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ**

192

Алпатов А.С.

Познавательный интерес:
активизация личностно-смысловой сферы в познании 192

Ванцев А.М.

Некоторые аспекты исследования
политических ценностей военнослужащих 197

Макеева И.В.

Вклад представителей немецкого сообщества
в формирование культурной среды Владивостока202

Никитенко А.И.

Политика культурной интеграции: Россия и СНГ
в контексте опыта Европейского Союза207

Стадлер Т.М.

Метафизические основания общественного мнения
как формы массовой культуры213

Егорова Е.С.

Мультикультурный дискурс в рекламе
с позиций постмодернистских идей текста218

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

224

Елютина М.Э.

Рецензия на книгу:
Добровольчество: ценности, организация, технологии:
сборник научных статей. – Саратов: Поволжская академия
государственной службы имени П.А. Столыпина, 2008. – 108 с.224

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

228

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Osipova I.N.

To the Problem of Classification of Administrative Interactions
in Civil Service 4

Nurtazin M.S.

The Problems of Forming the Image of Civil Service 12

Antoshina N.M.

Organizational and Legal Bases of Professional Training
for Public Administration Bodies:
Innovative Forms and Methods 17

Burganova Z.A.

State and Problems of Formation of Moral-Ethical Qualities of the Students
Oriented towards the Work in State Bodies 21

Mamonov M.V.

Temporal Structure of Population Expectations: Classification Bases 26

Kuzin V.N.

Stating the Food Security Problem in the USSR:
Historical and Legal Aspect 32

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

41

Trukhanov V.A.

Problems of Civil Society Formation in Modern Russia 41

Mikhailova E.S.

Mechanisms of Political Parties and Groups of Interests' Interaction
from the Viewpoint of the Societal Demarcation Theory 45

Kremez A.S.

Features of Social Responsibility of the Russian Political Parties 50

Korolev Yu.A.

Information Political Campaigns in a Region: Manipulating the Agenda
(By the Example of Saratov Region) 55

Lurie D.A.	
The Internet and Its Role in the Russian Society and State Democratization Processes	60
Charina A.M.	
Ideology of Finno-Ugric Ethno-National Movements: Significance of Ideological Constructs for Ethnic Elite	65
Karmaeva T.V.	
The Development of Youth Civic Engagement in Germany: Contemporary Experience for Russia	70

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

77

Shumilova T.A., Murzova M.A.	
Restrictions of Civil Rights and Liberties of Man and Citizen: Principles and Limits	77
Semenova A.V.	
Migratory Processes in the Russian Federation: Administrative-Legal Regulation	83
Zyukov A.M.	
Implementation of the Common Law Norms in Legal Regulation of the Life of Ethnic Groups in Modern Russia	88
Smirnova K.S.	
Constitutional and Legal Aspects of Large Families' Social Support: Russian and Foreign Experience	96
Mityakina I.V.	
State Control (Supervision) over Self-Regulatory Organizations: Legal Regulation	101
Pastushenko D.S.	
Problems of Institutionalization and Legal Status of Bank Supervision Agency in the Russian Federation	106
Ovchinnikov M.A.	
The Essence of Money Laundering	111

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

116

Pesegova E.V.	
Socialization Vectors: Mission of Education in the Space of the Russian History	116
Tarskaya O.Yu.	
Modernization of the Government by the Military Education: Conceptual Model	121
Kara A.P.	
State Cultural Educational Policy in a Subject of Federation: Multinational Region Experience (By the Example of Krasnodar Krai)	126

Markina I.V.

The Practice of Foster Upbringing of Children Deprived of Parental Care
in the System of Preventive Maintenance of Social Orphanhood 131

Stelmakh A.M.

Representation of the Common Law Marriage Phenomenon in Russian Press 136

Padiarova A.B.

Social Inequality in the Factor Model of the Young Russians' Health 141

Samarina I.S.

Features of Shaping Student's Youth Cultural Capital 147

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

153

Chikarina L.Ya.

Solving the Problems of Social-Economic Adaptation of Population
in the State Social Policy Context 153

Potapova O.S.

Current State of Labor Resources
as the Factor Hampering Social and Economic Development of Russia 160

Darenkov M.Yu.

Consuming Form of Human Potential
in Modern Project-Oriented Organization 165

Moshkunov K.V.

Socio-Political Determinants of the Enterprise Risk
as a Factor of Economic Security 170

Filatova A.V.

State Control (Supervision) in the Sphere of Enterprise:
Normative and Legal Base Perfection 175

Ermakova Yu.V.

The Role of the Bank System of Modern Russia
in Population Consumer Behavior Formation 181

Ostapets O.G.

Licensing of the Russian Transportation Complex Enterprises:
Legal Regulation and Administrative Barriers 186

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

192

Alpatov A.S.

Cognitive Interest: Activation of Personal Senses Sphere in Cognition 192

Vantsev A.M.

Some Aspects of Research of Military Men's Political Values 197

Makeeva I.V.

A Contribution of the German Community Representatives
to Forming Cultural Environment of the City of Vladivostok 202

Nikitenko A.I.

Cultural Integration Policy: Russia and CIS
in the Context of the European Union Experience207

Stadler T.M.

Metaphysical Grounds of Public Opinion as Forms of Mass Culture213

Egorova E.S.

Multicultural Discourse in Advertising
from the Perspective of Post-Modernity Ideas of the Text218

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

224

Yeliutina M.E.

Book Review:

Volunteering: Values, Organization, Technologies:

Collected Scientific Articles. – Saratov: Volga Region Academy

for Civil Service named after P.A. Stolypin, 2008. – 108 p.224

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

233

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 2 (19)

Редакторы *Т.П. Иванова, М.А. Орлова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой*

Тем. план 2009 г., п. № 671

Подписано к печати 17.06.2009 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 19,99. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 500. Заказ 144.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;
- б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);
- в) пристатейный библиографический список;
- г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»
Сергеев Сергей Геннадьевич
(8452) 33 92 29
vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>